Владимир
Мацкевич

Философия в поисках метода

часть первая

Владимир Мацкевич

Философия в поисках метода

Часть 1

В книге Владимира Мацкевича история философии и науки рассматривается из методологической позиции — как история возникновения и развития способов мышления и средств работы с ним. Автор прослеживает, как меняются представления об объекте, знании, деятельности и самом мышлении, обращаясь к философским и научным концепциям от Античности до XX века. Особое место занимает реконструкция мыслительной работы Маркса, а также проблематика рефлексии, многопозиционности, системного подхода и схематизации.

Книга представляет собой первую часть работы, анализирующей предысторию возникновения и оформления СМД-методологии как особого типа мышления и практики. Адресована философам, исследователям гуманитарного и социального знания и всем, кто интересуется методологией мышления и деятельности.

Владимир Мацкевич
Философия в поисках метода. Часть первая

© В. В. Мацкевич, 2026
© Летучий университет, 2026
Дызайн © Артур Вакараў, 2026
Фотография на обложке © Яраслаў Бекіш, 2026

Предисловие редактора

У этой книги необычная история — и без знания этой истории трудно понять её замысел, устройство и характер авторского движения.

Появление этого текста нужно рассматривать в контексте многолетней дискуссии Владимира Мацкевича с представителями академического сообщества, и особенно с философской его частью. Будучи учеником Г.П. Щедровицкого и участником Московского методологического кружка, Мацкевич исходит из представлений о мышлении как о коллективном процессе. Одной из задач программы культурной политики, которую он запустил после своего возвращения в Беларусь, стало обустройство пространства для мыслительной работы, а это требовало развития семинарских форм коммуникации, поиска языка, на котором можно было бы объяснить смысл методологической работы людям, никогда не сталкивавшимся с СМД-методологией, дискуссий с инопарадигматиками. Споры с университетскими философами были особенно жаркими. Сам автор подчёркивает, что никогда не воспринимал эти дискуссии как конфликт философии и методологии. Для него эти споры всегда были дискуссией о самой философии — о её границах, возможностях, притязаниях и отношении к мышлению.

Этот спор продолжился в рамках развития «Летучего университета» — организационного воплощения программы создания современного университета в Беларуси, которую Владимир Мацкевич с учениками и коллегами

начал реализовывать в 2009 году. Одной из особенностей Летучего университета было развитие программы своей деятельности через организационно-деятельностные игры и семинарскую работу, в которых «методологи» и «философы» постоянно образовывали разные фракции. Это содержательное противостояние создавало напряжение, продуктивное для развития идеи Университета, но в то же время проявляло различия в представлениях о мышлении, деятельности, практике, которые затрудняли совместное движение.

В 2018 году из очередной дискуссии «методологов» и «философов» у Владимира Мацкевича возник замысел «короткого эссе» для философов Летучего университета, которое должно было стать введением в мир методологического мышления в версии СМД-методологии для представителей иной интеллектуальной традиции. Но короткого эссе не получилось — текст, который лежит в основе этой книги, был написан стремительно, буквально за полтора месяца, но по мере своего появления обрастал всё новыми планами и разворотами, и в итоге так и не был завершён.

Автор вернулся к доработке этого текста только сейчас, в 2026 году, после событий 2020 года, ареста и тюремного заключения, во время которого он продолжал продумывать проблематику своих неоконченных работ, в том числе и этой.

Эта, возможно, немного длинноватая вводная история оправдана тем, что она повторяется внутри самой книги. В процессе переосмысления и переработки текста трансформировалось не только его содержание, но и замысел и назначение. Первоначальное намерение рассказать философам о методологии постепенно превращается в необходимость показать, **как вообще возникает по-**

требность в методологическом мышлении. Перед нами оказывается не популярное введение, разросшееся до размеров книги, а попытка проанализировать развитие разных форм мышления, в первую очередь философского и научного, как источника возникновения СМД-методологии — не затем, чтобы написать её «историю», а чтобы лучше разобрать, а возможно, и развить её собственные основания.

Главный вопрос книги можно сформулировать так: **как должно быть устроено мышление, чтобы оно смогло сделать предметом своей работы не только мир и знания о мире, но организованную человеческую деятельность и само мышление?**

Вокруг этого вопроса разворачиваются две основные сквозные содержательные линии этого текста.

Первая: отношения методологии и философии, науки, инженерии, религии; «извлечение» методологической составляющей из истории становления и развития разных форм мышления. На протяжении истории философии и науки отдельные мыслители не просто предлагали новую точку зрения на мир, но перестраивали сам способ работы с объектом, создавали новые методы, формы рассуждения и организации знания. В этом смысле Аристотель, Бэкон, Галилей, Декарт, Кант, Гегель или Маркс интересуют автора не как создатели завершённых учений, а именно как методологи.

К этой же содержательной линии, но в другом её преломлении, можно отнести вопрос, который прямо сформулирован в одной из глав: «Кто мыслит?» Философия долго сохраняла за собой если не фактическую, то символическую монополию на мышление. Но в XIX веке рядом с философским и научным оформляются инженерное, административное, экономическое и другие типы мышления.

Их носители не просто имеют разные мнения об одном мире — они строят разные предметы, работают в разных институциональных формах, используют разные средства и по-разному преобразуют действительность. Возникает новая проблема: не развития отдельной картины мира и проверки её на истинность, а возможности соотнести множество автономных картин, способов мышления и деятельностных позиций. Диверсификация мышления требует сделать объектом само многопозиционное коллективное мышление.

Так мы выходим на вторую (и главную) линию этой работы — **мышление как объект**. Недостаточно спросить, что думал Маркс, Галилей или Гегель. Методологический вопрос звучит иначе: *как они мыслили? Какие операции совершали? Как меняли предмет рассмотрения? Как переходили из одной позиции в другую? Как связывали теоретическое построение, эмпирический материал и практическое действие?* Именно поэтому столь значительное место в книге занимает Маркс. Автора интересует не марксизм как система правильных ответов, а работа Маркса, и не вся работа, а та её часть, которая делает возможным переход от мышления *о мире* к мышлению *о том, как мыслится мир*.

Разворачивание этой линии осуществляется через постановку проблемы объекта. Одним из главных рабочих инструментов автора становится различение трёх типов объектов. Объект №1 мыслится как вещь или идеальный объект, с которым работает классическая наука; объект №2 строится в деятельности и включает в себя позиции, отношения и способы работы; в объекте №3 рассматривается уже сама организованная познавательная деятельность — мышление об объекте и способы построения знания о нём. Автор неоднократно предупреждает, что таких «объектов

№1, 2 и 3» у Галилея, Маркса или других исторических персонажей не было: это его собственная схема, накладываемая на их работу для её реконструкции.

В этой реконструкции автор постоянно возвращается к вопросам о том, как можно удерживать вместе разнородные представления, не редуцируя одно к другому, как работать с несколькими позициями и как перейти от объектно-ориентированного мышления к мышлению о деятельности, в которой этот объект строится, познаётся и изменяется. То есть перейти от вопроса «что мы знаем?» к вопросу «какими действиями и процедурами это знание производится?»

Оригинальность авторского подхода в том, что история мысли прочитывается из методологической позиции как история постепенного появления средств, позволяющих мышлению увидеть собственную работу. В одном пространстве оказываются Маркс и Поппер, Галилей и теория систем, античная диалектика и современные представления о типах, химические формулы и проблема языка схем. Автор не пытается втиснуть их в одну объяснительную конструкцию или выстроить процесс закономерного разворачивания человеческой мысли. Напротив, существенной оказывается именно их разнородность, необходимость соотношения разного содержания, возникающего в разных предметах, эпохах и позициях.

Этим отчасти объясняется стиль изложения материала в этой книге. Те, кто читал другие книги Владимира Мацкевича или слушал его лекции, знают, что он редко излагает материал как последовательность нейтрально сформулированных академических тезисов. Его мышление имеет выраженный полемический характер. Почти за каждым положением угадывается возможный оппонент; многие тезисы звучат как ответ на уже прозвучав-

шие вопросы или предвосхищение ещё не высказанных возражений. Автор спорит с философской традицией, с позитивизмом, с интерпретациями Маркса марксистами, с отдельными установками СМД-сообщества — и нередко с собственными первоначальными формулировками или более ранними представлениями.

Отсюда постоянные возвращения назад, оговорки, смены масштаба и повторное использование уже введённых различений. Понятие появляется сначала как рабочая метафора, затем уточняется, попадает в схему, проверяется на историческом материале и через несколько глав возвращается уже с иным содержанием. Это может создавать впечатление кружения вокруг темы. Но именно таков один из основных способов авторской работы: не давать чётких определений, «высеченных в камне», а провести читателя (собеседника) через проблему, затруднение, задачу, которые делают это определение необходимым.

Серьёзность проблематики при этом периодически «заземляется» самим автором. Авторские «кочки зрения», «философские налоги», рецепты и книжные шкафы, анекдоты и бытовые примеры не предназначены для украшения или упрощения мысли. Они переключают регистр рассуждения и возвращают абстрактную конструкцию к ситуации, в которой ею можно пользоваться. Похожую функцию выполняют экскурсы в историю науки, инженерного дела, древних цивилизаций — они нужны не для энциклопедической полноты, а для демонстрации, как тот или иной принцип реализуется «в материале».

Но, наверное, наиболее непривычной особенностью книги для читателя, не знакомого с СМД-традицией, станет обилие схем. **Схема в этой книге — не иллюстрация текста**. Уже в начале автор разводит схему и её визуальную метафору: картинка может помочь увидеть, зачем

понадобилась схема, но нового содержания сама по себе не добавляет. Позднее это различие становится принципиальным. В этом тексте схематизация — самостоятельный способ организации мыслительной работы.

Обычная речь разворачивается последовательно. Тот, кто её воспринимает, — читатель или слушатель — должен удерживать начало высказывания, пока движется к его концу. Схема организована иначе: она позволяет представить отношения симультанно, вынести часть работы из оперативной памяти на внешнее рабочее «табло». Она не отменяет мышление, а перераспределяет его работу. Поэтому визуализация у автора — не облегчённая версия рассуждения «для тех, кому лень читать», а способ сжатия содержания с сохранением существенных отношений.

Особенность СМД-схем в том, что значки на них нельзя принимать за изображения неких устойчивых вещей. Очень часто они обозначают **пустые функциональные места**. Содержание может меняться, тогда как функция места и отношения между местами сохраняются. Именно поэтому одна и та же схема в книге возвращается с разными наполнениями, а новая историческая ситуация может быть переложена на схему, первоначально введённую в другом контексте. Это не повтор рисунка и не графическая экономия — это принцип работы, в котором нужно постоянно различать схему и её конкретную интерпретацию.

Дополнительная сложность состоит в том, что в этой работе автор не использует СМД-схемы в их окончательной, «ставшей» форме. Он пытается **восстановить необходимость их появления**. Новая схема появляется тогда, когда обнаруживается дефицит предыдущей схемы. Субъект-объектная конструкция не удерживает деятельность; схема с рефлексивной позицией требует различить объект и способы работы с ним; трёхчастная организация

выводит к проблемам языка, знака и Иного; затем появляется необходимость конфигурирования и перехода к организационно-деятельностному плану. В этом отношении книга не столько предлагает окончательные схемы-ответы, сколько постоянно задаёт к ним вопросы: что эта схема позволяет увидеть? Чего она не показывает? Какое различение в ней стало возможным? Какое новое проблемное место возникло после её построения?

Книга адресована в первую очередь философам — согласно её исходному замыслу. Но круг её возможных читателей значительно шире. Она может быть интересна исследователям гуманитарного и социального знания, историкам науки, специалистам по образованию, проектированию и организации деятельности, людям, уже знакомым с СМД-методологией и интересующимся её развитием, а также тем, кто никогда не участвовал в методологических семинарах, но сталкивается с необходимостью соединять разные профессиональные языки, позиции и картины объекта в своей деятельности.

Специальной подготовки именно в СМД-методологии книга от читателя не требует, но и лёгкого чтения не обещает. Автор движется через две с половиной тысячи лет интеллектуальной истории, свободно меняет масштаб, обращается к философии, математике, логике, семиотике, истории науки, экономике и инженерии. Одни имена и понятия появляются лишь эпизодически и затем исчезают из дальнейшего рассуждения, другие возвращаются спустя несколько глав.

Для того чтобы чтение этой книги было возможно за пределами узкого круга людей, уже знакомых со всеми историческими, философскими и методологическими контекстами авторской работы, в издание введены редакторские примечания. Их функция намеренно вспомога-

тельна. Они дают краткие сведения о философах, учёных, школах, институтах и текстах, к которым автор обращается без подробного введения; объясняют исторические реалии и специальные понятия; уточняют значение терминов; отсылают к использованным источникам и к другим местам самой книги. У этих примечаний нет задачи превратить книгу в справочник или разъяснить авторскую аргументацию. Их назначение — убирать случайные препятствия к пониманию там, где читателю может не хватить локального знания, с учётом широты и многообразия областей, к которым автор обращается за материалом и которые использует в качестве «строительных лесов» для своей работы.

Наверное, лучший способ читать «Философию в поисках метода» — принять её название буквально. Это книга не о найденном и однажды зафиксированном Методе. Это книга о поисках метода: о моментах, когда прежнего способа мышления становится недостаточно; о необходимости увидеть границы собственной позиции и точки зрения; о появлении Иного; о построении новых средств; о переходе от созерцания мира к работе с мышлением и деятельностью.

Первую часть работы, представленную в этой книге, можно читать как пролегомены к разговору о собственно СМД-методологии. Она заканчивается там, где дальнейшее движение должно непосредственно вывести к 1950-м годам — времени оформления методологии как особого типа мышления и особой практики работы с мышлением и деятельностью.

Введение

В интервью профессору Татьяне Щитцовой, опубликованном в журнале «Топос» в 2025 году, я пытался рассказать о методологии, говоря о ней как о философии[1]. Иногда на семинарах, в лекциях и книгах я провожу мысль о том, что СМД-методологию можно рассматривать как одно из направлений философии — в одном ряду с позитивизмом, феноменологией, аналитической философией, прагматизмом. А основателя СМД-методологии Георгия Петровича Щедровицкого помещать в один ряд с Поппером, Гуссерлем, Карнапом, Пирсом.

Сам Щедровицкий мог бы с этим не согласиться: иногда он противопоставлял методологию философии. Ещё более радикально противопоставляли их некоторые его ученики и последователи. Дискуссии об этом велись в СМД-движении в начале 1990-х годов.

В Беларуси, куда я окончательно вернулся в 1994 году, методологического сообщества не было. Приходилось начинать почти с чистого листа — собирать семинар, в который приходили аспиранты, научные сотрудники, университетские преподаватели. В рамках того семинара и началась моя дискуссия с философами, которая продолжается до сих пор.

В восприятии многих моих оппонентов эта дискуссия выглядит как конфликт методологии и философии. Я же

---

1 Щитцова Т., Мацкевич В. Interview by Tatiana Shchyttsova with Vladimir Matskevich // Topos. — 2025. — Vol. 55, № 2. — P. 114–125. — DOI: 10.61095/815-0047-2025-2-114-125.

рассматриваю её как философский спор — и одновременно как спор о философии. При этом понимаю, что моя позиция не только не разделяется большинством оппонентов, но часто просто не понимается.

Поэтому около десяти лет назад я решил рассказать о методологии философам Летучего университета[2]. Первоначально задумывался небольшой текст в жанре популярного эссе, но тематика постепенно расширялась: приходилось вводить и пояснять понятия и категории, которые поначалу оставались вне поля моего внимания.

Текст не был закончен. Работу над ним прервали события 2020 года, а затем арест и заключение. В тюрьме я продолжал додумывать его содержание.

Сейчас возвращаюсь к старым записям. Чтобы продолжить. Дополнить. Что-то переосмыслить и исправить.

---

2 *Летучий университет — беларусская интеллектуальная и образовательная инициатива, объединявшая исследователей, преподавателей и общественных деятелей, развивавшаяся в Беларуси с 2009 до 2020 года как пространство независимого образования, публичных дискуссий, осмысления социальных и культурных процессов в Беларуси. Основатели инициативы формулировали свою миссию как «создание в Беларуси пространства и среды, где живет и развивается свободное мышление», и строили деятельность как «движение к современному университету в Беларуси и для Беларуси». — Прим. ред.*

Глава 1.
Сложные отношения философии и методологии

От философской точки зрения к методологической позиции — Мышление как объект методологической работы — Выход за пределы субъект-объектной схемы — Рефлексивная позиция — Различение объектов науки и методологии — Методология как работа с мыслью о мире — Отделение методологии от философии.

Начну издалека, почти с начала: с одиннадцатого тезиса Маркса о Фейербахе. Маркс пишет: «Философы лишь различным образом объясняли мир...» — каждый со своего ракурса, со своей точки, а иногда и кочки зрения. В каждую конкретную эпоху философы обсуждали волновавшие их темы и проблемы с разных точек зрения. В спорах и дискуссиях рождались новые идеи. Что-то из них

Рисунок 1. Архаика гносеологии (Схема 1) и её визуальная метафора[3]: философ смотрит на мир — изначально полагая, чем мир является.

3 Иногда я буду переводить схему в картинку. Картинка не добавляет содержания, но позволяет увидеть, ради чего понадобилась схема. — Прим. авт.

становилось основой мировоззрения, что-то — частью идеологии. Одни идеи обретали популярность, другие оставались почти незамеченными.

В истории сохранялись имена тех философов, ракурс видения которых становился востребованным и на чьей «кочке зрения» со временем собирались массы читающей публики. Не забывались и те, кто первым взглянул на мир с нового ракурса. Большинство философов всего лишь повторяли рассуждения более известных предшественников. Иногда эпигоны и продолжатели оказывались более талантливыми писателями, и тогда их имена затмевали имена тех, чью точку зрения они популяризировали.

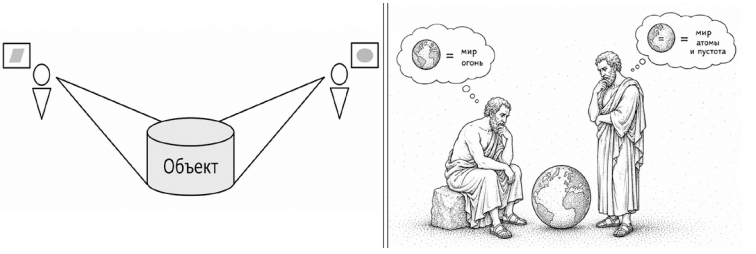

Рисунок 2. Разные точки зрения (Схема 2) и её визуальная метафора: один и тот же объект философы видят по-разному

Такое умножение точек, а иногда и кочек зрения, тавтологическое философствование, софистическое мудрствование и схоластические споры могли продолжаться долго — десятилетиями, а в прежние времена и столетиями. Пока среди философов не появлялся некто, набиравшийся смелости или наглости объявить, что все предшествующие философы ошибались и дальше так мыслить нельзя.

После такого объявления философ должен был изложить что-нибудь вроде «ясного, как солнце, сообщения широкой публике о подлинной сущности новейшей фи-

лософии»[4]. Чаще всего это ясное, как солнце, сообщение ограничивалось ещё одним ракурсом, ещё одной точкой зрения.

Но иногда философу удавалось собрать, снять и комплексировать разные ракурсы и взгляды, существовавшие в его время, переосмыслить их и предложить новый способ мышления, новый метод и новый подход — к миру, человеку, Богу и всему, что привлекает внимание, волнует и занимает умы философов и деятельных современников.

Такие философы оставались в истории культуры как методологи. В античности таким методологом был Аристотель, чьи работы были приняты в качестве «органона»[5] на многие века, а позднее — Бэкон, предложивший свой «Новый органон». Впрочем, «отменяли» Аристотеля многие методологи Нового времени: Галилей и Декарт успешно, Николай Орем и Николай Кузанский не очень. Но без Орема и Кузанского, возможно, не было бы Галилея и Декарта.

Гегелевскую диалектику часто упаковывают в облегчённую формулу: «тезис — антитезис — синтезис». Формула удобная, но до методологического снятия она не дотягивает. В неё, например, можно уложить отношение Пьера Абеляра к спору номиналистов и реалистов. Абеляр «обнаружил» сознание и предложил считать его пространством

---

4 *«Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателей к пониманию» — это философский трактат немецкого мыслителя Иоганна Готлиба Фихте, опубликованный в 1801 году. — Прим.ред.*

5 *«Органон» — традиционное название философских сочинений Аристотеля, посвящённых логике. Название «Органон» принадлежит не самому Аристотелю: принято считать, что оно закрепилось благодаря комментатору и издателю трудов Аристотеля Андронику Родосскому — Прим.ред.*

действительности универсалий. Однако в схоластической формации мышления абеляровский концептуализм не снимал противоречия между номинализмом и реализмом, а лишь добавлял к двум существующим ракурсам третий.

Но виновата в этом не онтологическая идея сознания, а сама формула — или, точнее, схема, в которую эту идею укладывают.

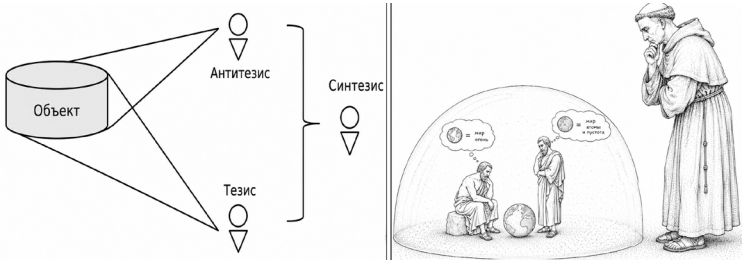

Рисунок 3. Антиномии и диалектика (Схема 3) и её визуальная метафора: спорящие смотрят на мир; внешняя позиция — взгляд на сам спор, а не на мир как таковой

По этой схеме работал и Галилей — особенно последовательно и методично в исследованиях движения.

Абеляр и Галилей вплотную приблизились к методологии, поскольку работали не только с материалом собственного мышления, но и реконструировали мышление оппонентов. Важно не то, что они воспроизводили суждения оппонентов об объекте познания (так поступали многие философы, особенно схоласты, у которых точное цитирование оппонента стало нормативным требованием). Важно, что Абеляр и Галилей анализировали мышление оппонента об объекте познания. Выделяли ходы и ошибки, предлагали способы исправления этих ошибок и совершали другие ходы.

Однако и Абеляр, и Галилей оставались интенционально центрированными на объекте. Мышление для них уже

начинало проступать как особая реальность, но самостоятельным объектом работы ещё не становилось.

Диалектическая схема не содержит мышления в качестве объекта. Она организационно-деятельностная: даёт инструмент организации познания, но оставляет саму деятельность познания вне зоны внимания.

Точно так же дефициентна субъект-объектная схема и все её производные. Выход из неё возможен только через постулирование субъективности в самом объекте. Примерно в такой схеме.

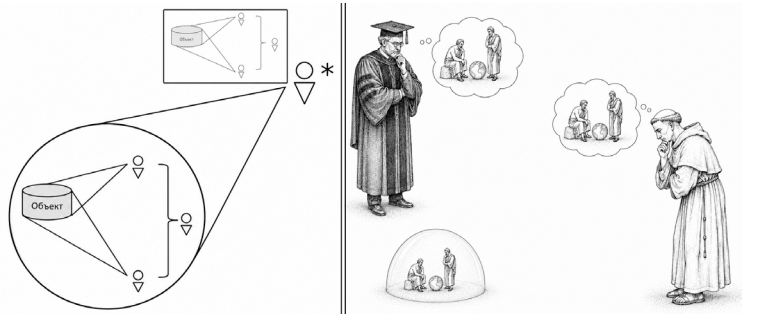

Рисунок 4. Выход в рефлексивную позицию (Схема 4) и её визуальная метафора: познающие позиции сами становятся объектом рассмотрения с разных позиций

В этой схеме присутствуют три принципиально важных отношения:

- Объект берётся в рассмотрение не сам по себе, не как «вещь в себе», а как объект деятельности — предметно. В данном случае пока только как объект познающей деятельности, являющийся предметом для познающего мышления;
- Объективное в объекте — вовсе не то, что присутствует в нём независимо от деятельности познаю-

щего, как это постулируется в онтологии природы, натурфилософии и естествознании. Объективное появляется лишь в результате деятельности распредмечивания;

- Распредмечивание осуществляется не из познающей позиции, обозначенной на схеме позициями с разными ракурсами рассмотрения объекта (внутри круга), а из рефлексивной позиции. Из неё рассматривается и сам объект, и деятельность познающих субъектов.

На этой схеме присутствует ещё одно важное отношение — табло сознания в рефлексивной позиции. Его нужно разбирать отдельно.

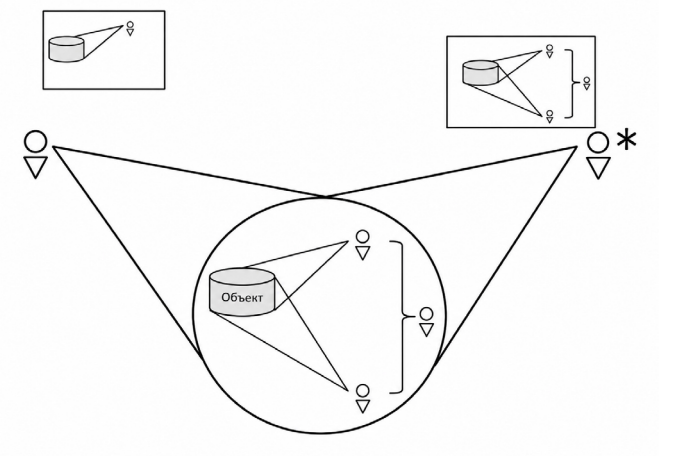

Рисунок 5. Мышление о мире/объекте и мышление о том, как мыслится мир/объект (Схема 5)

Метафорически на этой схеме дважды изображён Маркс — в разные периоды своей деятельности.

Слева — двадцатисемилетний Маркс, сформулировавший тезисы о Фейербахе. Субъект-объектная схема уже поставлена им под сомнение, но материал для её последо-

вательной критики ещё не накоплен и более сильная схема не предложена. Здесь Маркс критикует Фейербаха, но сам ещё мыслит в тех же схемах.

Справа — зрелый Маркс, написавший первый том «Капитала» и работающий над последующими.

На табло сознания в левой позиции отображена субъект-объектная схема. Ни один философ в здравом уме и трезвой памяти не может игнорировать познающего субъекта, сколь бы сильно он ни был центрирован на объекте. Маркс пишет:

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самую человеческую деятельность он берёт не как предметную деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает как истинно человеческую только теоретическую деятельность, тогда как практика берётся и фиксируется только в грязно-торгашеской форме её проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности»[6].

Что всё это значит и каким содержанием наполняется этот формальный и лапидарный тезис, ещё предстоит

---

6 Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 3. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1955 — С.1.

разобрать — если мы хотим разобраться с разногласиями философов и методологов. Пока же зафиксируем: методология — дело вовсе не новое. Она обычна для философии со времени её оформления в самостоятельную область человеческого мышления и духа.

Аристотель не был первым. Он «снял» философию Платона, скомплексировав её с достижениями других философских точек зрения и ракурсов, с которых видели мир древние греки. Платон до него проделывал практически то же самое с многочисленными точками зрения софистов и физиков, немного пасуя перед иррациональными числами, открытыми италийцами, и радикализмом Демокрита и Левкиппа.

Не все великие философы были методологами, но все методологи древности — и вплоть до XX века — были философами. В XX веке некоторые методологи попытались порвать с философией или хотя бы отмежеваться от неё.

Дело в том, что методологов не привлекает метафизика. А если они и уделяют ей внимание, то только по сопричастности. Интенция методологии направлена на то, как мыслится мир. Если бы кроме (или вместо) мира мыслилось нечто иное, методологи приняли бы это как должное и сделали бы составной частью своего интереса.

Мир/объект для методолога — функциональное место в объемлющем его мышлении.

Мы достоверно знаем о мире только то, что он есть (или, как минимум, не подвергаем его существование сомнению). Всё остальное знание о мире пропущено через мышление. Поэтому мы работаем не с самим миром как таковым, а с мыслью о мире.

Для начала схематизируем тот объект, который методология интенционально полагает как мир. Объект методологии отличается от объекта науки.

Объект науки обозначен на схеме номером 1. Объект частной методологии — каковой можно считать методологию науки и всю гносеологию в рамках философии — обозначен номером 2. Номером 3 обозначен объект самой методологии — во всяком случае СМД-методологии.

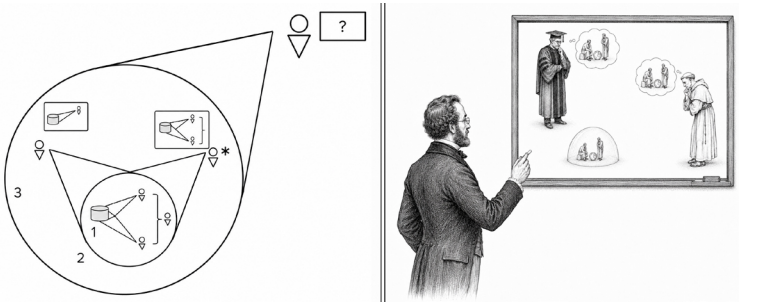

Рисунок 6. Рефлексия и объективация познавательной деятельности (Схема 6) и её визуальная метафора: объект №3 вынесен на общее рабочее табло

Каждый символ на схеме — это пустое функциональное место *(далее – ПФМ)*, предназначенное для определённого содержания.

Каждое пустое место может быть наполнено некоторым содержанием — и обязательно им наполняется. Но это наполнение вариативно. В действительности мы всегда имеем дело не с пустым местом, а с единством формы и содержания. Однако можем мыслить место пустым, чтобы опустошать его и наполнять иным содержанием.

Пустое место является функциональным. Оно не может наполняться произвольно. Функция места определяет допустимое содержание, которым оно может быть наполнено. Функциональность задаёт уМестность и своеВременность этого содержания.

ПФМ №1 — место объекта. Оно может быть наполнено распредмеченным содержанием, а может быть занято

предметом. В это место можно поместить чувственно воспринимаемые вещи, данные нам в ощущениях, умопостигаемые объекты математики или идеальные объекты науки. Объектом № 1 может быть природа, Бог, деятельность, текст, норма или человек.

Но значение имеет не столько то, что мы помещаем в ПФМ №1, сколько различие между ПФМ №1 и ПФМ №2. Всё размещённое в ПФМ №1 относится к объектам одного типа. Они принципиально отличаются от объектов, размещённых в ПФМ №2.

Может показаться, что основное отличие объекта №2 состоит в том, что он дополнен ещё тремя — как минимум — местами для познающих его людей или позиций. Да, это существенно. Но куда принципиальнее различие в природе самих объектов.

Объект №1 дан. Он присутствует, является нам в ощущениях или в «дано» математической задачи.

Объект №2 не дан и не явлен. Он построен. Это результат познающей деятельности. Объект №1, как элемент объекта №2, теперь тоже не дан непосредственно, его место, границы и содержание построены в процессе познавательной деятельности.

Объект №2 является конструкцией, результатом сборки различных познавательных операций и действий. Такая конструкция объединяет в одно предметное целое чувственно наблюдаемый феномен, абстрагированный идеальный объект, математический объект и… возможно, нечто ещё.

Когда Маркс писал тезисы о Фейербахе, современная ему методология находилась на этапе, когда ведущие философы-методологи работали с объектом №2.

Бэкон сделал опыт принципом организации познания и тем самым заложил основы будущего естествознания. Локк

предложил первую наивную схему рефлексии. Кант отделил априорные формы чувственности, категории рассудка и антиномии чистого разума от вещей в себе, но соединил всё это в комплексном объекте своей критической философии. Фихте сделал деятельность «Я» содержанием философской работы. Гегель работал с логикой и движением духа.

Все они работали с объектами №2.

Но большинство философов и учёных оставались центрированными на объекте №1. Даже после Гегеля они не могли выйти за пределы субъект-объектной схемы. Шопенгауэр понимал её нерелевантность, но не сумел её преодолеть. Мах переносил акцент с объекта на субъект, но продолжал мыслить в рамках той же схемы.

В этом отчасти виноваты Абеляр со своим концептуализмом, сенсуалисты и особенно Локк с его наивной схемой рефлексии, которая долгое время не позволяла выйти в позицию относительно объекта №3.

Если очень грубо восстанавливать схему Локка, рефлексия представляется как наблюдатель внутри субъекта. Субъект наблюдает объект, а рефлексивный человечек внутри субъекта наблюдает за тем, как субъект наблюдает объект.

Это можно изобразить примерно так.

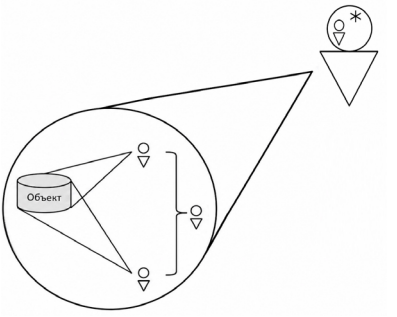

Рисунок 7. Рефлексия по Локку (Схема 7)

Такое представление о рефлексии способствовало появлению психологизма и его широкому распространению. Психологизм и до сих пор доминирует в мировоззрении многих философов и учёных.

Рефлексия, понятая как удвоение сознания до самосознания, используется для самоописания и самопонимания тех, кто работает с объектом №2. Точно так же понимаются и позиции, включённые в объект №2 и центрированные на объекте №1. Отношение познающего субъекта к познаваемому объекту рассматривается не как деятельность, а как отражательная способность сознания. Сознание отражает объективную реальность с той или иной степенью инвариантности, но не создаёт объектов.

В такой картине мира объемлющей онтологией выступает сознание, а не деятельность.

Это, с одной стороны, ведёт к ложной проблеме первичности сознания или материи и непродуктивному противопоставлению идеализма и материализма. С другой — просто удваивает субъект-объектную схему, не переосмысливая категорий объекта и объективности. А с третьей — не позволяет перейти к новой методологии, задачу на которую Маркс фактически поставил в последнем тезисе о Фейербахе.

В начале главы я оборвал цитату на полуслове. Полностью она звучит так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[7].

Этот тезис ко многому обязывал самого Маркса. И не только его.

---

7 Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 3. Государственное издание политической литературы, Москва, 1955 — С.4.

Можно ли вообще поставить перед философами задачу изменения мира? Маркс формулирует такую задачу, но кому её адресует? Философам, о которых говорится в первой части тезиса? Или тем, кто займёт иную, уже не философскую позицию и придёт им на смену?

Обычно последний тезис Маркса воспринимают как упрёк прежней философии. А задачу изменения мира адресуют новой, другой философии, не страдающей теми пороками и недостатками, о которых говорится в остальных тезисах о Фейербахе. Но это спорная трактовка.

Я не настолько радикален, как Сергей Попов[8], который категорически разделяет философию и методологию. Но я согласен с ним в одном: задача изменения мира адресована не Фейербаху и не другим философам. Она адресована методологам.

Казус только в том, что методологов в 1845 году ещё не было. Точнее, они ещё не выделяли себя из философии и науки. Да и сам Маркс ещё не был сознательным методологом. Он стал им только в работе над «Капиталом», хотя никогда себя так не называл.

Но прежде чем разбираться, кем стал Маркс и как он заложил основания будущей методологии, нужно разобраться с несколькими проблемами:

а) с проблемой объекта в философии, науке и методологии;
б) с проблемой мышления как объекта;
в) и уже не с проблемой, а с вопросом: кто мыслит?

---

8 Сергей Валентинович Попов – президент Международной методологической ассоциации (ММАСС), профессор Высшей школы экономики. — Прим. авт.

Глава 2.
Проблема объекта

От классической объектной установки к различению объектов №1 и №2 — Идеальный объект и естественно-научная объективность — Невозможность редукции к объектам №1 в гуманитарном и социальном знании — Трансцендентализация объекта и его «утрата» — Ограниченность позитивистской методологии — Поиск нового объекта в XIX веке — Переход от проблемы объекта к проблеме мышления.

Философы и до Маркса изменяли мир — хотя бы через познание. Они не столько добывали знание, сколько осмысляли его, но всё же знание — сила. И эта сила не может не проявляться в изменении того, к чему прикладывается.

Можно провести совсем простое рассуждение:

— Знание изменяло мир: мир людей, мир, данный людям, мир-для-людей.
— Знание добывали, осмысляли и транслировали философы. Другие учёные долгие столетия не выделяли и не отделяли себя от философов.
— Получается, что философы изменяли мир, не дожидаясь ни приказа Маркса, ни его разрешения.

Красиво. Но неверно.

Философы со времён Платона имели установку на то, чтобы править миром. Но править — ещё не значит сделать изменение мира своей задачей. Правление стремится устанавливать, удерживать и воспроизводить определённый порядок. Сам Платон видел мудрое правление

скорее как защиту от изменений, чем как их производство.

Ну а если не считать амбиций Платона, то философы до Маркса вообще старались избегать ответственности за изменение мира и всячески отрицали саму возможность менять его собственными руками. Они могли наставлять правителей, воспитывать граждан, совершенствовать разум, объяснять устройство космоса — словом, делать многое. Но изменять мир должны были не они. Мир либо устроен правильно, либо испорчен — но всегда кем-то другим.

С древних времён и до XIX века философия по преимуществу представляла себе мир объектно. Философы работали с объектами, или сущностями: восстанавливали, что есть вещь и чем она является, отбрасывая несущественное, случайное, акцидентальное.

С самого начала философия была вынуждена иметь дело с объектами №2[9], но стремилась редуцировать их к объектам №1. Объект №1 мыслится независимым от знания о нём. Он существует вне человека и без человека.

Древние философы придерживались метафизической установки и искали истинное бытие. Этот поиск диктовался радикальным сомнением, к которому мудрецы пришли задолго до возникновения философии. История не сохранила имён первых людей, сообразивших, что вещи не всегда являются тем, чем кажутся. Органы чувств врут. Мы принимаем кажимость за видимость, а видимость — за истину. Откровения пророков и оракулов приводят совсем не к тем результатам, которые были предсказаны. Голоса богов, звучащие в головах людей, могут оказаться голосами демонов и бесов. Разум тоже порой приводит к заблуждениям и ошибочным выводам.

---

9 *См. Схему 6 — Прим.ред.*

Поэтому к человеческой мудрости следует относиться скептически. Её надо любить —философия, это ведь наполовину φιλία — но не стоит доверяться ей безусловно.

Мудрость зависит от пути, которым люди к ней приходят, то есть от метода. Значит, нужно выбирать правильные пути и уметь рассуждать.

Первым постулатом правильного рассуждения стало требование искать истинное бытие вещей, не зависящее — или хотя бы не должное зависеть — от мнений об этих вещах. На этом постулате основано различение того, чем вещи являются сами по себе, или по природе, и того, чем они являются во мнении.

Истинное бытие, суть, сущность, субстанцию искали не только физики-досократики, но и вся последующая философия — вплоть до XIX века. А вместе с ней и наука Нового времени.

Научный метод ещё категоричнее отнёсся к своему объекту. В рабочей онтологии классической науки объект (природа, мир) никем и ни для кого не созданы, а их бытие не зависит от знания о них. Наука познаёт законы природы, но законы эти действуют и тогда, когда наука о них ничего не знает.

Классическая наука мыслит свой объект как независимую от знания субстанцию. Знание принадлежит человеку, поэтому при восстановлении сущности объекта следует отбросить всё, чем этот объект является для человека.

Аристотель исходил из наблюдаемого движения тел: тяжёлые тела в воздухе падают быстрее лёгких, а скорость падения зависит от среды. Галилей[10] не отбросил учение Аристотеля. Он разделил два случая: движение тел в со-

---

10 Machamer P., Miller D. M. Galileo Galilei // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Summer 2021 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.

противляющейся среде и идеальное свободное падение. Среда позволяет объяснить различия между наблюдаемыми движениями, но закон падения строится для идеального случая — падения в пустоте.

Схематично этот ход можно представить как редукцию объекта №2 к объекту №1.

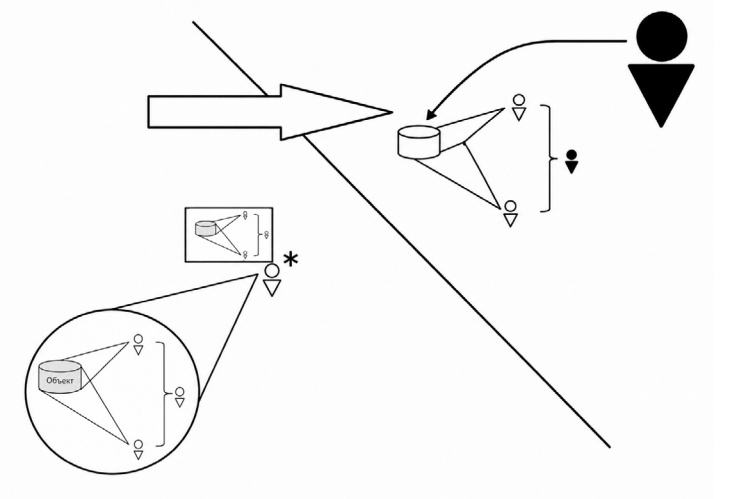

Рисунок 8. Редукция разных точек зрения на объект к природному объекту (Схема 8)

Сопоставляя две точки зрения на падение тел, Галилей учитывает то, что было дано Аристотелю, вводит собственное рассуждение и снимает обе позиции в новой конструкции.

Наблюдение Аристотеля остаётся наблюдением за движением тел в воздухе, но перестаёт быть законом свободного падения. Закон относится уже не к непосредственно наблюдаемому телу, а к идеальному объекту. Идеальный случай, или идеальный объект, оказывается куда ближе к сути вещей, к сущности или субстанции, чем то, что непосредственно дано нам в ощущениях.

Галилей и Бэкон закладывали основания методологии науки. В эти основания были включены принципы классической философии древних греков: различение явления и сущности, поиск истинного бытия, требование отделять необходимое от случайного.

Бэкон[11] сделал организованный опыт и индукцию основанием познания. Но опыт у него — не склад ощущений и не коллекция занимательных случаев. Исследователь должен организовать наблюдения, исключить неподходящие объяснения, подняться от опыта к аксиомам, а затем вернуться от аксиом к новым опытам.

У Галилея появляется ещё один, решающий ход. Опыт соединяется с математическим конструированием идеального объекта.

Вещь должна быть дана в опыте — иначе естественной науке просто не с чем работать. Но объективный закон не совпадает с тем, что непосредственно ощущается и наблюдается. Напротив, к нему приходят, освобождая, «очищая» наблюдаемое от случайных условий, особенностей среды и позиции наблюдателя.

Сущность вещи, её идеализированный образ, идеальный объект — вот что получает статус объективного.

Идеальные объекты давно были известны в математике. Соединение опытного знания с математическими идеальными объектами привело к возникновению науки о природе. О природе как таковой, а в расширительном толковании — о природе вещей. Галилей положил начало современной науке, а Ньютон окончательно закрепил за ней статус метода объективного познания мира.

---

11 Peltonen M. Francis Bacon // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Winter 2025 ed. — Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2025.

В этом мире истинным, объективным бытием наделяются прежде всего объекты №1. Наука не может игнорировать существование объектов №2, но не умеет справляться с субъективностью, которая привносится в них позициями, ракурсами и точками зрения познающих субъектов.

Древние греки различали знание и мнение — *эпистему* и *доксу*. Они вовсе не игнорировали политику, право, язык или искусство, но знание о них не получало статуса объективного, истинного и неизменного.

Наука после Галилея и Ньютона потребовала большего. Субъективно заряженный объект №2 следовало свести к объективному бытию, то есть к объекту №1.

Сведение, или редукция — основная процедура такого способа работы мышления. Это очень хорошо отражено в той форме, которую избрал Галилей для презентации своей концепции. Он изложил это в диалогах. Три человека разглядывают некое явление, рассуждают о нем. РасСуждать значит «Судить» — о вещи, явлении, предмете общего интереса. В результате галилеевской работы закон можно отделить от диалога, в котором он был построен. Последующая наука именно так и поступает: сохраняет объект и отбрасывает строительные леса его построения.

Диалог учёных у Галилея — это то, что я в этом тексте называю объектом №2, и он редуцирует его к объекту №1, отбрасывая все вспомогательные рассуждения, как утратившие своё значение строительные леса. Оставляя без внимания спор, диалог, мышление участников диалога, их совместную работу.

Ну а я рассматриваю текст Галилея «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению» дважды, сначала как объект №2, с которым работал

Галилей-философ, потом как объект №3, то есть работу Галилея с объектом №2, результатом которой стала теория свободного падения тел, то есть научные открытия Галилея-учёного.

Однако вернемся к истории. В объектах №2 было слишком много такого, что невозможно игнорировать. Уже с древнейших времён накапливалось знание о языке, праве, морали, религии, литературе и искусстве — о том, что невозможно без людей, без их отношений и мнений.

Философию всегда интересовали эти предметы, проблемы и темы. Но в рамках классической объектной установки всё это попадало в царство мнений, произвола и волюнтаризма. В отношении права, морали, религии и даже языка невозможно было получить объективное знание тем же способом, каким его получали о движении тел.

Здесь изобретались правила и нормы. Они устанавливались не через установление истины, а через соглашение, компромисс, иногда — через консенсус. Произвол, конечно, следовало ограничить. Право нужно было соотнести со справедливостью, решение — обосновать, согласие — сделать убедительным, а по возможности и бесспорным.

Для этого апеллировали к природе вещей. Но когда имеешь дело с вещами, существующими только в человеческих отношениях или во мнении, очень трудно вычленить субстанцию, удовлетворяющую требованиям объекта №1. Трудно обнаружить то, что было бы дано в ощущениях просто как вещь.

Поэтому сразу переходили ко второму условию — к независимости объекта от человеческих мнений и знаний. Однако даже самая наивная гносеология не позволяет обойтись достаточным условием, если отсутствует необходимое. Простите за почти математическую фразу, но здесь она уместна.

Язык никак не обнаруживает себя в ощущениях, пока не проявляется в речи. Но речь всегда отягощена человеческим. Она полна ошибок, неточностей и несовершенна — по крайней мере до специального обучения, риторического знания и тренировок.

Речи достаточно, чтобы указать на язык. Но это указание в никуда. Языка там нет так, в том смысле, как перед нами может быть камень, дерево или падающее тело. Язык приходится восстанавливать, воображать, конструировать — или трансцендировать.

Аналогичным образом обстоит дело с правом. Если естественное право понимается как объект №1, его приходится искать не в эмпирически существующих законах и правопорядках, а за их пределами. Ему придаётся трансцендентный статус.

Когда объект №1 невозможно обнаружить в опыте, его приходится выносить в трансцендентную область. Так схоластический реализм постулировал действительное, истинное бытие универсалий. Концептуализм Абеляра и других схоластов был паллиативным синтезом тезиса реалистов и антитезиса номиналистов. Универсалия уже не обязана существовать сама по себе, вне единичных вещей и слов, но не может быть сведена и к одному только звучанию слова. Она существует в концепте. Однако концепту нужно где-то находиться. Приходится постулировать ум, душу, а позднее — некое вместилище вроде сознания.

В этой схеме сознание получает примерно тот же подозрительный статус, что и Бог в онтологическом доказательстве Ансельма Кентерберийского: если без него рассуждение не сходится, значит, оно должно существовать. Сравнение, конечно, не вполне приличное, но оставим его.

К XVIII веку философии были известны несколько типов объектов №1:

— объекты, данные в ощущениях;
— математические объекты;
— идеальные объекты науки после Галилея и Ньютона.

Но уже в XVII и особенно в XVIII веке начались серьёзные исследования объектов № 2. В языкознании важным шагом стала «Грамматика Пор-Рояля»[12]. Развивалась политическая экономия. Интенсивно прорабатывались проблемы права, политики, культуры и цивилизации. Рудольф Гоклениус, Христиан Вольф и другие философы дали названия и систематические места областям знания, которым ещё предстояло стать науками. Названия уже появились, а устойчивые объекты и методы — ещё нет. Обычная ситуация: табличку повесили, учреждение ещё предстоит построить.

Несмотря на всю серьёзность этих исследований, в сравнении с естествознанием, физикой и механикой многое оставалось типичным «коллекционированием марок». Не потому, что описания и классификации бесполезны. Но как только исследователь пытался перейти от описания и классификации вещей, феноменов и событий к поиску сути дела, сущности и субстанции объекта №2, ему приходилось редуцировать этот объект к объекту №1.

Или, ещё проще, подставлять объект №1 вместо объекта №2.

Проблема такой подстановки и подмены состояла в том, что полученные объекты не отвечали требованиям, предъявляемым к первым трём типам:

---

12 *«Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» была издана членами общины «отшельников» Пор-Рояля Антуаном Арно и Клодом Лансло в 1660 году. Эта книга стала первым фундаментальным сочинением, относимым к универсальным грамматикам, в которых грамматические категории объясняются через категории мышления и восприятия человеком действительности. — Прим. ред.*

а) они так и не появлялись в ощущениях;
б) не могли быть описаны математически — разве что с помощью инвентарных номеров;
в) не соответствовали критерию объективности, принятому в естественной науке.

Подменить объект №2 объектом №1 удавалось только одним способом: объявить подставленный объект трансцендентным.

А входившая в свои права наука отказывала трансцендентным объектам в объективности.

Объекты №2 крайне важны для человеческой практики. Но наиболее развитый понятийный аппарат для работы с ними в то время имели трансцендентальные философы — то есть идеалисты. Естественная наука перед ними оказывалась бессильной.

Отсюда — возмущение Маркса предшествующим материализмом:

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»[13].

И далее по тексту.

Интеллектуальная ситуация, сложившаяся в философии к первой половине XIX века, характеризовалась утратой объекта.

Эта утрата не затрагивала естественные науки. У них, напротив, была разработанная методология работы с объ-

13 Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 3. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1955 — С.1.

ектами №1. Но для практического разума и гуманитарного знания эта методология была непригодна.

Немецкая классическая философия (трансцендентальный идеализм) развивалась параллельно естественной науке. Кантианство и гегельянство были методологически самыми оснащёнными направлениями философии. Но их трансцендентальные объекты не отвечали требованиям естественно-научной объективности и в рамках этих требований принципиально не могли быть объективированы.

Поэтому мыслители XIX века, ориентированные на естественно-научную объективность, не просто с подозрением относились к критической философии Канта и особенно к спекулятивным построениям Гегеля. Они видели в них полное вырождение философии. Самое красноречивое выражение такого отношения можно найти у Шопенгауэра.

Появился и набирал силу позитивизм. В своей первоначальной форме он может быть понят как отказ от прежнего философствования в пользу научного метода. Наука объявлялась новейшей философией. Эта философия отказывалась от метафизических сущностей в пользу законов явлений, от трансцендентальной гносеологии — в пользу исследования научного познания, от спекулятивной дедукции — в пользу индукции и эмпирически обоснованного вывода.

Там, где можно было построить объект №1, позитивизм работал. Но там, где требовалось работать с объектами №2, он не решал поставленной проблемы. Его бесплодность в этой области состояла в абсолютизации субъект-объектной схемы, признающей объективное, то есть истинное, существование только за объектами №1.

Парадокс состоял ещё и в том, что внимание и активность позитивистов были направлены именно на социаль-

ные, политические и практические проблемы. Но перед этими проблемами заимствованная у естествознания методология оказывалась бессильной.

Утрата объекта, его поиск и новое обретение составляют методологический вызов мышлению XIX века. Этот вызов принимают Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль, Вильгельм Дильтей и многие другие. В их числе — Карл Маркс.

Бентам ищет объект, с которым могло бы работать законодательство. Милль пытается распространить научную логику на моральные и общественные науки. Дильтей ищет особое основание наук о человеческом и историческом мире. Маркс вводит человеческую чувственную деятельность, практику.

Это вызов именно мышлению, а не философии — идеалистической или материалистической. Принявшие его занимали методологическую позицию по отношению ко всей науке и всей философии. Они были вынуждены пересматривать основания предшествующей философии. О необходимости такого пересмотра Маркс прямо заявляет в «Тезисах о Фейербахе».

Но вызов брошен мышлению.

А что это такое?

Глава 3.
Проблема мышления как объекта познания и практического отношения

Переход к мышлению как объекту — Практика как критерий действительности мышления — Реконструкция метода Маркса через его работу с объектом политической экономии — Различение продукта, товара и политической экономии как объектов №1, №2 и №3 — Распредмечивание, объективация и опредмечивание как цикл преобразования деятельности — Политическая экономия как мышление об объекте и объект рассмотрения — Соразмерный Иной как условие объективации мышления — Мышление как предмет СМД-методологии.

Что такое мышление?

Простейший и, казалось бы, очевидный вопрос. Он просто обязан вставать перед каждым философом, излагающим свой взгляд на мир или объект.

Но очевидным этот вопрос кажется нам — людям XX и XXI веков.

О мышлении знали, помнили и рассуждали все философы, начиная с самых истоков философии. Но знать о мышлении и мыслить мышление как объект — совсем не одно и то же.

Обычно мышление обсуждалось как свойство особого рода существ: мыслящий тростник, разумный человек. Ещё чаще — как атрибут субъекта. Человек мыслит, философ мыслит, душа мыслит, разум мыслит. Акцент всегда на подлежащем, субъекте, само же мышление остаётся «при нём» — как способность, инструмент или отличительный признак.

Иногда мышление рассматривалось в рамках нормативности: как совокупность правил и норм правильного мышления. Но и здесь оно ускользало от объективации. Вместо мышления как действительности получался свод предписаний: делай так, не делай иначе, избегай противоречий, не впадай в заблуждения. А если правила отсутствуют, значит, перед нами хаос, нечто неразумное и рациональному отношению не подлежащее. Очень удобная развилка. С одной стороны — правила. С другой — хаос. Самого мышления между ними нет.

Не будем разбирать всё, что философы успели написать о мышлении, остановимся на Рене Декарте[14].

У Декарта мышление выступает по меньшей мере в трёх ипостасях.

Во-первых, мышление удостоверяет существование самого Декарта. Не производит это существование и не служит его причиной, а делает его несомненным. Я могу сомневаться в существовании тела, мира и других людей, но, пока я сомневаюсь, я мыслю. А если мыслю — существую.

Во-вторых, мышление Декарта организуется правилами. Это правила для руководства ума, или метод. Метод принадлежит уму, а ум — самому Декарту. Мышление здесь выступает как правильно организованная способность субъекта.

В-третьих, мышление включено в метафизику Декарта как главный атрибут духовной, мыслящей субстанции. Эта субстанция не имеет протяжённости. Ей противостоит субстанция телесная, протяжённая, но не мыслящая.

Эти три ипостаси надолго организовали европейские рассуждения о мышлении.

---

14 Hatfield G. René Descartes // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Fall 2026 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2026.

Мышление описывали как способность субъекта. Уточняли правила «правильного» мышления. Вводили ограничения и запреты — например, антиномии чистого разума. Спорили о мыслящей субстанции, душе, сознании, самосознании.

Гегель дальше других вышел за пределы этих трёх ипостасей. Мышление у него уже не просто способность отдельного человека, а движение понятия, духа, самой действительности. Но действительное мышление действительных людей — то, которое происходит в работе, споре, исследовании, политике, — всё равно не стало для него практическим объектом.

Примерно на таком уровне находилось философское знание о мышлении к тому времени, когда о нём задумался Маркс. «Система логики дедуктивной и индуктивной» Джона Стюарта Милля вышла в 1843 году — за два года до «Тезисов о Фейербахе». Маркс и Милль почти одновременно приняли вызов, брошенный мышлению. Приняли по-разному и пошли в разные стороны. Но вызов был один: перестать рассуждать о мышлении только как о способности, атрибуте или своде правил.

Второй тезис Маркса гласит: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос»[15].

---

15 Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 3. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1955 — С.1.

«Схоластический вопрос» в данном случае — это не отсылка к схоластике Дунса Скота или Фомы Аквинского. Маркс не делает здесь историко-философского примечания. Он ругается. Но ругается по-философски точно.

Схоластическим он называет спор, который остаётся внутри теории и питается сам собой. Спорящие могут бесконечно обсуждать действительность мышления, если мышление изолировано от практики. Ответа не будет, зато спор получится прекрасный. Профессиональный. При желании — на несколько столетий. Схоластами в таком смысле могут быть названы и Гегель, и Шопенгауэр, и прочие идеалистические философы, которые хоть что-то говорили о мышлении.

Но и сам второй тезис Маркса можно прочитать как схоластический. Сказать, что вопрос практический, ещё не значит практически его решить. Само слово «практика» не спасает от схоластики. Иногда оно только придаёт ей более деятельный вид.

Несхоластически этот тезис начинает читаться ретроспективно — после того, как Маркс проделывает огромную методологическую работу: от ранних рукописей и критики политической экономии до «Капитала».

Я специально не изучал всю марксистскую литературу на этот счёт, поэтому не буду утверждать, что никто подробно не разбирал второй тезис о Фейербахе. Наверняка разбирали. Марксистская литература велика, терпелива и способна разобрать что угодно.

Но для меня этот тезис крайне важен. Он позволяет понять работу и метод самого Маркса, а через них — предысторию и генезис методологии XX века, в том числе СМД-методологии.

В трёх коротких предложениях содержится целый комплекс философских ходов.

Здесь есть критика: вопрос не теоретический, а практический.

Есть инвектива: спор, изолированный от практики, объявлен схоластическим.

Есть положительное утверждение: истинность мышления связана с его действительностью, мощью и посюсторонностью.

Есть долженствование: человек должен доказать истинность своего мышления.

Есть противопоставление действительности и недействительности мышления.

И есть методологическое самоопределение: мышление нельзя изолировать от практики.

Если разобрать тезис таким образом, он выглядит уже не как отдельное суждение, а как программная установка. Как программа работы, необходимой для того, чтобы принять вызов, брошенный мышлению, и сделать само мышление объектом мышления.

Нужно признать: эту программу Маркс в полной мере не реализовал. Он проделал огромную методологическую работу, но не построил отдельной теории мышления. Вместо этого он критически перестроил объект политической экономии и создал новый способ рассмотрения капиталистического производства.

Метод Маркса существует в самой этой работе, внутри неё. Он действует, но не выделен в самостоятельный объект и не изложен как готовое руководство. Его (метод) приходится восстанавливать по тому, что Маркс делает с материалом.

Сразу уточню: объектов №1, №2 и №3 у Маркса нет. Это моя схема, которую я накладываю на его работу. Поэтому не будем заставлять Маркса говорить на языке, которого он не знал.

В «Капитале» эту работу удобно рассмотреть на различении продукта и товара. Анализируя товарно-денежные отношения, политэкономисты не одно поколение пытались понять природу стоимости.

Если пользоваться нашей схемой, вещь или продукт можно рассматривать как объект №1. Перед нами нечто, обладающее определёнными вещественными свойствами и способное удовлетворять человеческую потребность. Эти свойства можно исследовать, сравнивать, измерять.

Товар — это уже объект №2. Не потому, что разные люди имеют о нём разные мнения. Мнений может быть сколько угодно — товаром вещь от этого не станет. Вещь становится товаром только внутри общественного отношения: когда она произведена для обмена и включена в систему общественного разделения труда.

Товар существует в отношениях производителя, продавца, покупателя и множества других участников. Но и эти позиции сами по себе ещё не создают товар. За ними стоит целая система производства и обмена.

Товар двойственен. Он обладает потребительной стоимостью (полезностью) и стоимостью.

Становясь товаром, вещь не утрачивает потребительных свойств. Если она перестаёт быть кому-либо полезной, её становится трудно продать — даже если на неё затрачено много труда, и она очень высоко оценивается. Но потребительная стоимость не объясняет, почему качественно разные вещи становятся сопоставимыми в обмене.

Стоимость у Маркса выражает общественно необходимый абстрактный труд. Её величина определяется общественно необходимым рабочим временем, требующимся для производства товара при данных общественных условиях. Цена — денежная форма стоимости.

В конкретной сделке продавец и покупатель могут торговаться, спорить, расходиться, возвращаться и наконец соглашаться. Так устанавливается цена данной сделки. Но соглашение не создаёт стоимость.

Цена может совпадать со стоимостью, а может отклоняться от неё. Именно это различение цены и стоимости и позволяет Марксу перейти от отдельных актов обмена к устройству капиталистического производства в целом[16].

Чтобы собрать вещественные свойства продукта, общественные отношения производства и обмена, позиции участников и работу самой политической экономии в одно целое, необходимо пройти через объекты №1, №2 и №3. А затем отрефлектировать саму работу сборки.

Примерно так, как это изображено на схеме 6, которую мы вводили в первой главе.

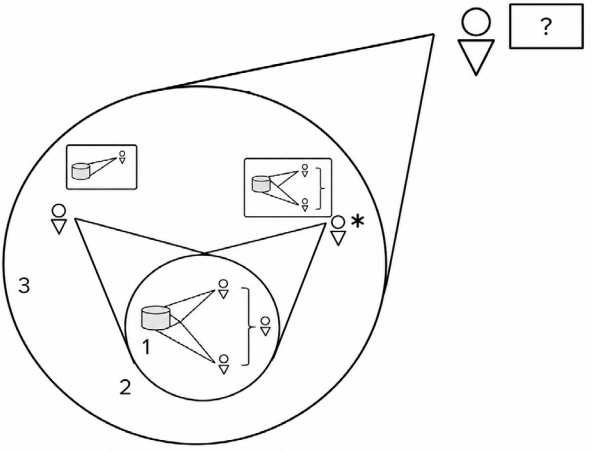

Рисунок 9. Рефлексия и объективация познавательной деятельности (Схема 6)

16 Карл Маркс. Капитал, Книга 1, Отдел 1, Глава 1, «Товар» // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 23. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1960 — С. 43-93.

Но эта схема показывает результат мыслительного процесса, а не сам процесс.

Сначала уточним, чем наполняются три функциональных места (функциональные места на схеме, как мы помним, изначально являются пустыми).

Объект №1 — продукт, вещь, обладающая вещественными и потребительными свойствами.

Эта вещь представлена в разных позициях. Производитель затратил на неё труд. Покупателю нужны её потребительные свойства. Продавец знает или предполагает, что именно покупатель считает ценным, и хочет получить определённую цену. Учёт этих позиций позволяет совершить сделку. Но из одних только позиций нельзя вывести стоимость.

Объект №2 — товар как вещь, включённая в процесс производства и обмена.

Он содержит не только саму вещь, но и комплекс общественных отношений, которые делают вещь товаром. Потребительные свойства при этом не исчезают. Но рядом с ними возникает стоимость, позволяющая соотносить качественно разные товары. Цена представляет собой стоимость в денежной форме, хотя и не обязана с ней совпадать.

Объект №3 — политическая экономия как организованная познавательная деятельность.

Она строит объект №2, связывает категории товара, стоимости, цены, денег, труда и капитала, восстанавливает устройство капиталистического производства и одновременно определяет способы работы с этим устройством. На этом уровне объектом становится уже не только товарное производство, но и мышление о товарном производстве.

Интерпретируя схему, проделаем несколько действий.

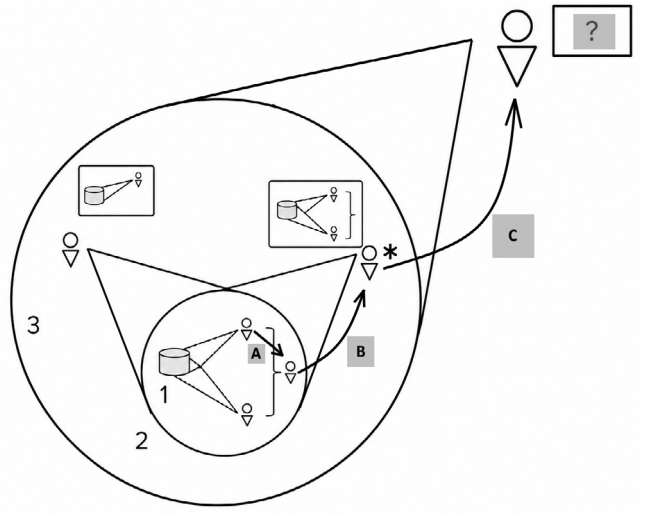

Рисунок 10. Построение политэкономии как научного предмета (Схема 9)

Действие *A*. Выход из противостоящих позиций в позицию достигнутого соглашения.

Покупатель и продавец противопоставлены друг другу. Покупателю нужна вещь, продавцу — деньги. Покупатель стремится снизить цену, продавец — повысить. В конкретной ситуации они договариваются.

Если пользоваться прежней упрощённой схемой, потребность и оценка покупателя выступают тезисом, требование продавца — антитезисом, а цена сделки — синтезисом.

Но только цена данной сделки. Не стоимость товара и не закон стоимости.

Действие *B*. Выход в рефлексивную позицию относительно общественных отношений производителя, продавца и покупателя.

Здесь мы перестаём рассматривать отдельную вещь и отдельную сделку. Объектом становится весь комплекс отношений, который превращает продукт в товар. То есть объект №2.

На табло сознания в рефлексивной позиции появляется картина объекта №2.

Рядом остаётся теоретическая позиция, на табло которой записана субъект-объектная схема. Для неё объектом может быть только объект №1: вещь, продукт, земля, физические свойства, затраченные вещества.

Для наглядности назовём рефлексивную позицию именем Адама Смита, а позицию, центрированную на объекте №1, — именем физиократов[17].

Не будем превращать схему в точный исторический портрет. Здесь имена обозначают позиции. Физиократы искали источник чистого продукта в земледелии и естественной производительности земли. Смит переносит внимание на труд, разделение труда и общественную систему обмена.

Для нашей схемы важна именно эта смена позиции.

Действие *С*. Выход за пределы социально обусловленной коммуникации по поводу деятельности и её организации. Из этой позиции уже можно не только описывать социальную действительность, но и вносить в неё изменения.

В СМД-методологии такую позицию называют методологической. Маркс говорил о революционной, практически-критической деятельности.

---

17 *Физиократия — французская школа экономистов второй половины XVIII века, основанная около 1750 года Франсуа Кенэ. Физиократами их стали называть конце XVIII века, имея в виду, что единственным самостоятельным фактором производства эта школа считала почву, природу; в противоположность Адаму Смиту, который рядом с этим фактором поставил два других — труд и капитал. — Прим.ред.*

Расходящиеся от позиций лучи, охватывающие концентрические круги — функциональные места объектов, — обозначают деятельность объективации.

Действия A, B и C готовят объективацию через распредмечивание.

Теперь эти понятия становятся необходимыми. До этого можно было обходиться без определений. Теперь нельзя: без них стрелки на схеме остаются просто стрелками.

Распредмечивание аналитически извлекает предмет из деятельности. То, что прежде было непосредственно включено в действие и казалось само собой разумеющейся вещью, становится проблемой.

Объективация строит объект познания. В мышлении устанавливаются его структура, функции, материал, границы, связи, сущность или природа.

Опредмечивание возвращает построенный объект в деятельность — уже как новый предмет, средство, проект, норму или способ организации действия.

Распредмечивание и опредмечивание направлены навстречу друг другу, но не являются зеркально обратными процессами. В деятельность возвращается не та же самая вещь, которая была из нее извлечена. Между исходным и возвращённым предметом находится работа объективации. Поэтому возвращается предмет, перестроенный мышлением.

Итак, в результате мышления об объекте через эти действия меняется сама деятельность.

Первый шаг — освобождение от непосредственной видимости. Предмет или вещь аналитически извлекается из деятельности, распредмечивается и становится объектом познания.

Второй шаг — объективация. В процессе познания устанавливаются сущность, структура, функции, матери-

ал и границы объекта. В зависимости от способа работы он может быть математическим, идеальным или трансцендентальным.

Третий шаг — новое опредмечивание. Построенный и познанный объект возвращается в деятельность как новый предмет. И сама деятельность становится другой.

Именно такую работу Маркс проделал с объектом политической экономии. «Капитал. Критика политической экономии» представляет собой образец распредмечивания, объективации и нового опредмечивания.

Что является объектом политической экономии? — Сложно организованная деятельность людей: производство, обмен, распределение и воспроизводство общественной жизни. То есть, производственные отношения — объект №2.

Эти отношения складываются вокруг производительных сил, но не сводятся к ним. Производительные силы включают людей с их способностями и знаниями, средства труда, технологии, формы организации и накопленный опыт. Вещи, орудия, сырьё и продукты могут занимать места объектов №1. Но сами по себе они ещё не образуют капиталистического производства. Капиталистическое производство возникает только в системе общественных отношений.

А чем является сама политическая экономия?

Во-первых, политическая экономия не совпадает со своим объектом. Производство, обмен и капиталистические отношения — одно. Познавательная деятельность, которая их описывает и конструирует как объект, — другое.

Во-вторых, политическая экономия сама может рассматриваться как объект. Она создавалась познаватель-

ным отношением многих людей к деятельности ещё большего множества людей.

Маркс не был последним участником этой работы, политэкономия на нём не закончилась. Но он подвёл черту под значительной частью линии развития политической экономии и одновременно разорвал её, открывая тем самым возможность для появления экономики как науки.

Меркантилисты, физиократы, Смит, Рикардо, Милль — все они строили объект политической экономии. Маркс включил в свой объект не только их результаты, но и их способы мышления, различения, ошибки и ограничения.

Политическую экономию можно рассматривать как мышление об объекте №2. Но можно сделать объектом и её саму — тогда она занимает место объекта №3.

Как деятельность политическая экономия прописана и простроена в объекте №3. В «Капитале» развёрнут не только объект политической экономии, но и процесс его построения. Пусть не полностью. Пусть Маркс оставил множество пустот, переходов и черновых строительных лесов. Но работа по построению там присутствует.

А где осмыслен и прописан сам процесс создания объекта №3 — мышление Маркса?

На схеме место мышления Маркса обозначено прямоугольником справа от позиции, работающей с объектами №3. В прямоугольнике стоит вопросительный знак. Если относиться к мышлению как к объекту, это пустое функциональное место нужно наполнить содержанием.

Маркс остановился перед этим шагом. Он показал своё мышление в работе, но не построил отдельного объекта «мышление Маркса». Начать заполнение можно с анализа мышления, задокументированного в «Капитале», других работах, рукописях, переписке и даже биографии Маркса.

Для линии, приведшей к возникновению Московского логического, а затем Методологического кружка, реконструкция логики «Капитала» стала одной из отправных операций. Нужно было восстановить не выводы Маркса, а правила и ходы мышления, с помощью которых эти выводы были получены[18].

С первых же шагов такого анализа становится понятно: марксизм и мышление Маркса — совершенно разные объекты. Мышление Маркса движется, строит различения, перестраивает предмет, меняет масштаб, возвращается, начинает заново. Марксизм превращает результаты этого движения в учение о правильном устройстве мира.

Как только метод превращается в совокупность правильных ответов, объект №3 редуцируется к объекту №2, а затем — к объекту №1. Движение мышления исчезает. Остаётся картина мира и инструкция по её пересказу.

В наиболее профанированных формах марксизм снова возвращается к субъект-объектной схеме. Политическая экономия рассматривается так, словно существует сама по себе, а её законы не зависят от способов их построения и знания о них.

Причина редукции та же, что и на прежних этапах философии, науки и методологии: сознание центрировано на объекте, а деятельность ангажирована предметом.

Изучающие Маркса смотрят туда, куда смотрел Маркс, и не замечают, как он смотрел, откуда смотрел, зачем менял позицию и что делал с увиденным.

Чтобы наполнить содержанием пустое функциональное место мышления, нужно для начала отвернуться от

---

18 См. напр.: Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом… — М.: Путь, 2001; Щедровицкий Г. П. На Досках: публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого / ред. текста, коммент. В. Л. Даниловой. — М. : Школа культурной политики, 2004.

самого Маркса. Не забыть его и не отбросить. Просто перестать смотреть только на него.

Для этого нужно ввести в схему как минимум две дополнительные позиции.

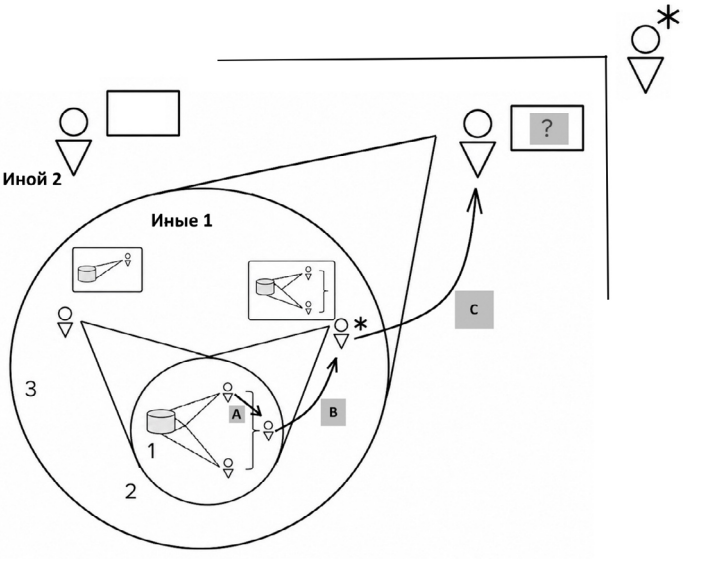

Рисунок 11. Необходимость соразмерного Иного (Схема 10)

Как человеку Петру нужен человек Павел, чтобы осознать себя человеком, так Марксу нужны Гегель, Фейербах, Смит и другие, чтобы обнаружить границы собственной позиции и собственный способ мышления[19].

Нужно упомянуть, что примерно ту же работу проделывали современники Маркса — Леон Вальрас, Уильям

19 *Маркс использует пример Петра и Павла в примечании к первой главе «Капитала»: Пётр начинает относиться к себе как к человеку, лишь относясь к Павлу как к себе подобному.* См.: Карл Маркс. Капитал, Книга 1, Отдел 1, Глава 1, примечание 18 // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 23. — Государственное издательство политической литературы, Москва, 1960 — С. 62.

Джевонс, Карл Менгер, Альфред Маршалл[20] и другие. Они тоже начинали строить объект №3, каждый по-своему. Отталкиваясь от философской политической экономии, они строили экономику как науку. Эта «стройка века» растянулась почти на столетие. В этой работе участвовали три или четыре поколения «австрийской школы», от последователей Менгера Ойгена фон Бём-Баверка и Фридриха фон Визера до Йозефа Шумпетера, Людвига фон Мизеса и Фридриха фон Хайека. В Англии и США эта линия продолжалась от Альфреда Маршалла, через Джона Мейнарда Кейнса, к экономической науке конца XX века[21]. Но Вальраса, Джевонса, Менгера Маркс просто не заметил, или не придал значения их работам, хотя вряд ли это можно ставить ему в вину[22].

Но нам для познания мышления Маркса из рефлексивной позиции необходимо противопоставить ему соразмерного Иного. Поскольку «Иные» бывают разные.

Одно дело — Иные 1. Это другие люди и позиции внутри деятельности, ставшей объектом рассмотрения: производители, покупатели, продавцы, политэкономисты, капиталисты, рабочие.

Другое дело — Иные 2. Это те, кто в одно время с Марксом, в одной культурно-исторической ситуации принимал

---

20 *Леон Вальрас, Уильям Джевонс, Карл Менгер, Альфред Маршалл — основоположники маржинализма (теории предельной полезности), создатели неоклассической экономической науки. В 1870-х годах они независимо друг от друга открыли принцип снижающейся предельной полезности, перевернув классический взгляд на стоимость товаров. — Прим. ред.*

21 Линия политэкономии, намеченная Марксом, кажется тупиковой, в отличие от науки экономики, но меня (как и ранних методологов) интересует метод работы Маркса с объектом №3, а не конкретное представление об этом объекте, к которому он пришёл. — Прим. авт.

22 Карл Менгер стал заниматься проблемами экономики только в год выхода первого тома «Капитала» в 1867 году, а свою главную работу опубликовал ещё спустя 4 года. — Прим. авт.

тот же методологический вызов. Они могли отвечать иначе, строить другие объекты и приходить к противоположным результатам. Но вызов был соразмерным.

Иные 1 входят в объект рассматриваемой деятельности. Иные 2 позволяют объективировать само мышление того, кто эту деятельность рассматривает.

Введя в схему Иного 2, мы вплотную подходим ещё к одному типу объекта, отличному от объектов №1, №2 и №3, — к системе мыследеятельности, СМД. Пока не будем определять её заранее. Нам ещё предстоит понять, зачем понадобился этот переход. Зафиксируем только одно: в СМД мышление уже нельзя изолировать ни от деятельности, ни от коммуникации, ни от других позиций. Только работая с такими объектами, можно начать наполнять содержанием пустое функциональное место мышления. И тем самым отвечать на вопрос: Что такое мышление?

Но это уже вызов XX века. И отвечает на него СМД-методология, для которой одной из отправных точек стала реконструкция мышления Маркса — в сопоставлении с мышлением его оппонентов, продолжателей и соперников.

Глава 4.
Кто мыслит?

От философской монополии на мышление к множественности его автономных типов — Эмансипация науки и превращение научного мышления в самостоятельную институциональную силу — Диверсификация мышления и усложнение взаимодействия между различными картинами мира и деятельностными позициями — Переход от объективации к опредмечиванию результатов мышления в практической деятельности — Деятельность как общий объект, позволяющий связать различные типы мышления — Необходимость объективации коллективного многопозиционного мышления как методологический вызов XX века.

К XIX веку монополия философов на мышление была оспорена.

Разумеется, люди мыслили и до философов, и помимо философов. Но право называться мыслителем, рассуждать о мышлении и решать, что считать мышлением, присвоили себе именно философы. Считалось, что всякий, кто начинал рассуждать о мышлении, уже философствовал — то есть переходил на их территорию. Самостоятельной экспериментальной психологии ещё не существовало. Но психология как философская область, разумеется, уже была, поэтому вопрос о мышлении ставился прежде всего как вопрос о мыслящем субъекте: душе, сознании, разуме, человеке. Ответ на вопрос «Кто мыслит?» представлялся почти очевидным.

Но это бы полбеды. Философы считали, что только они по-настоящему и мыслят. Ну, или что философское мыш-

ление есть высшая форма мышления и потому, мысля мышление, нужно мыслить прежде всего мышление философское. Всё остальное принималось в расчёт в лучшем случае как упрощённое, прикладное, недотягивающее до философии.

За политиками признавалась доблесть, за святыми — святость, за мастерами — практичность и искусность. А разумность была закреплена за философами.

Платон построил в своей философии схему, очень похожую на архаическую индоевропейскую трёхфункциональную структуру: правители-философы, воины-стражи и производители. Философы, разумеется, оказывались на высшей ступени, аналогично жрецам у древних индоевропейцев. Последующие философы эту схему практически не оспаривали, бдительно охраняли и тщательно культивировали.

Философы изобретали объекты мира, а затем и сам мир брали как объект. Вокруг объекта формировалось объектоцентрированное мышление. Так произошло и с наукой, для которой философы — точнее, те, кого теперь можно было бы назвать методологами науки, — изобрели объект «Природа» и множество частных объектов.

Но наука довольно быстро эмансипировалась от философии. Она перехватила методологическую инициативу, математизировала свои объекты и сделала их труднодоступными для чисто спекулятивного отношения. Учёные предъявили собственные права на объяснение мира, и часть философов — позитивисты — эти права признала.

Философия к тому времени уже оформилась как сложно устроенный социальный институт, существующий в нескольких формах. Одна из них — университетская философия, самая консервативная часть философского института.

Объект науки — Природа — был изобретён, оформлен и описан методологами, которые ещё не отделяли себя от философии. Но далеко не всегда это были университетские философы.

Галилей и Ньютон были «университетскими» философами, занимали университетские кафедры. Кеплер был преподавателем и придворным математиком. Френсис Бэкон был юристом, политиком и государственным деятелем, а после политического краха оказался человеком без должности, зато с грандиозным проектом переустройства знания. Бенедикт Спиноза зарабатывал изготовлением оптических приборов. Рене Декарт жил как свободный учёный, много путешествовал и в молодости успел побыть военным волонтёром. Некоторых из них можно даже назвать маргиналами — не в бытовом, но в институциональном смысле.

Поэтому дело не в том, находился человек внутри или вне университета. Самой науки как автономного социального института ещё не существовало. Их работа оставалась натуральной философией, математикой, астрономией, механикой — чем угодно, только не наукой в современном институциональном смысле.

Естествоиспытатели довольно быстро поняли необходимость иной институционализации. Возникали кружки и сообщества, устанавливались связи между учёными разных городов и стран. Марен Мерсенн[23] благодаря

---

23 *Марен Мерсенн — французский математик, физик, философ и богослов, теоретик музыки. В 1611 г. присоединился к францисканскому ордену «минимов», в 1613 году был рукоположён в священники. На протяжении первой половины XVII века был, по существу, координатором научной жизни Европы, ведя активную переписку практически со всеми видными учёными того времени: в числе его 78 корреспондентов, кроме Декарта, с которым он тесно общался практически всю жизнь, были Галилей, Кавальери, Бекман, Этьен и Блез Паскаль, Роберваль, Торричелли, Ферма, Гюйгенс, Гассенди, Дж. Б. Дони и др.*

огромной переписке стал одним из главных координаторов европейской научной жизни. После преподавания философии и теологии в Невере он поселился в парижском монастыре ордена минимов. Там проходили регулярные встречи учёных, математиков и философов. Вряд ли настолько регулярные, как принято считать (скорее всего, «четверги Мерсенна» — это уже наша позднейшая любовь к красивым названиям), но это было нечто очень похожее на семинар и коммуникационную сеть одновременно.

Уже после смерти Мерсенна возникают Лондонское королевское общество (1660) и Парижская академия наук (1666). Таким образом, в XVII веке сообщества учёных начали оформляться вне университетов, и постепенно из них вырос социальный институт науки.

Нельзя сказать, что наука была допущена в университеты только в XVIII веке. Натуральную философию, математику, медицину и астрономию преподавали там задолго до этого. Но это были элементы прежнего университета.

В XVIII–XIX веках произошло другое: наука вошла в университет как система самостоятельных дисциплин, кафедр, лабораторий и исследовательских программ. Берлинский университет, основанный в 1809 году и связанный с именем Гумбольдта, стал одним из главных образцов этой новой организации. Хотя и там естествознание ещё долго оставалось внутри философского факультета.

В Париже, где он прожил около 30 лет, у него еженедельно происходили собрания математиков и физиков, с целью взаимного обмена идеями и мыслями, а также информирования о результатах предпринятых исследований (так называемые «четверги Мерсенна»). Позднее из этого кружка образовалась Парижская академия наук. Научная периодика во времена Мерсенна еще не существовала, поэтому его деятельность не только способствовала быстрому прогрессу физико-математических наук, но и стала бесценным источником информации об этом процессе. 17-томное собрание переписки Мерсенна было издано в Париже в 1932—1988 годах. — Прим. ред.

Естествознание строилось на по-другому осознанной картине мира. Это осознание оформлялось в онтологии Природы. Природа была главным объектом науки — объектом №1. Все частные объекты, интересовавшие науку, выступали экземплификатами Природы.

Поскольку объективацию Природы произвели методологи, называвшие себя философами или натурфилософами, основные разногласия у науки возникли не столько с философией, сколько с религией, точнее — с христианской теологией.

Главным объектом теологии был Бог, а природа понималась как его творение. У философии с теологией издавна были свои разногласия. Иногда их удавалось упаковать в «доктрину двух истин»[24] или в иные формы методологического дуализма. Появление автономной науки потребовало от философов нового самоопределения: остаётся ли этот паллиативный дуализм главной установкой или научный метод следует признать единственным?

Разумеется, это грубое упрощение. Но если раскрывать все разногласия между теологической, философской и научной картинами мира, придётся заново написать историю философии с XV до XIX века. Здесь достаточно отметить точку бифуркации — начало эмансипации научного мышления от философского. Если раньше философия могла считаться практически единственным проявлением мышления — во всяком случае, в его высших и рафинированных формах, — то к XIX веку это стало невозможным. Наука перестала нуждаться в философии, и сама заявила претензию на то, что именно она является высшей

24 *Здесь имеется в виду теория «двойственной истины», учение о философском и религиозном знании как двух аспектах истины или же двух самостоятельных истинах, возникшее в Средние века и получившее развитие в трудах Фомы Аквинского, Уильяма Оккама и Исаака Альбалага. — Прим. ред.*

формой мышления. Мышления объектоцентрированного — следовательно, объективного. Или, если воспользоваться позднейшей формулой: наука есть высшая форма общественного сознания, отражающего объективный мир.

В наше время трудно представить себе весь круг проблем, задач и противоречий, занимавших мыслящих людей XIX века. Успехи науки были уже очевидны[25]. Эти успехи свидетельствовали о преимуществах научного мышления и метода. Рэндалл Коллинз назвал сложившийся тип организации исследования «наукой быстрых открытий»[26].

Природа как объект, как онтология вполне устраивала бы и философию, сама по себе она не вызывала противоречий между философией и наукой. Материалистическая и натуралистическая метафизика была известна с древности и довольно спокойно уживалась со спиритуалистическими и идеалистическими учениями. Всё дело было не в постулировании объекта, а в работе с ним.

Философия XIX века продолжала обсуждать проблемы, волновавшие древних софистов, сократические школы, патристику и средневековую схоластику. В философских дискуссиях совершенствовались риторика и диалектика, возникали всё более рафинированные доказательства и не менее тонкие опровержения. Но проблемы не решались веками.

---

25 Кантовское «звёздное небо» не следует прямо отождествлять с ньютоновской механикой: эта знаменитая формула относится к практической философии. Но Кант действительно жил внутри ньютоновской картины мира и ещё в 1755 году построил собственную эволюционную космогонию на основе ньютоновских принципов. — Прим. авт.

26 *См. главу 10* «Скрещение сетей и наука быстрых открытий» книги «Социология философий» (Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002).

Наука действовала иначе. Она формулировала задачи относительно экземплификатов Природы — идеальных объектов №1, строила их математические или иные модели, связывала элементы моделей с наблюдаемыми и измеряемыми референтами и проверяла полученные конструкции эмпирически. К решённым задачам, конечно, возвращались. Но уже не с нуля. Результат превращался в эпистемический материал, на основе которого ставились новые задачи. Говоря фигурально, за исследовательским «фронтом», в научном «тылу» оставался шлейф знаний, относительно которых устанавливался хотя бы временный консенсус.

Успехи науки впечатляли людей XIX века двумя особенностями:

— объёмом знаний и скоростью их накопления;

— проработанностью, ясностью и относительной простотой картины мира — онтологии.

Становилось понятно, что преумножение знаний возможно на основе научной картины мира, а картина мира предопределяет метод получения знаний. Это подтолкнуло некоторых философов к принятию научной картины мира и отождествлению человеческого познания с научным методом. Так возник позитивизм.

Позитивизм никогда не был единым и вполне продуманным течением. К нему приходили с разных сторон, из разных школ и направлений. Позитивизм и увлечение наукой были интеллектуальной модой. Этой моде отдавали дань материалисты и идеалисты, сенсуалисты и рационалисты, иногда даже теологи. «Научность» стала настолько престижной характеристикой, что даже Карл Барт называл христианскую догматику наукой — разумеется, наукой особого рода и вовсе не позитивистской[27].

---

27 *Швейцарский теолог Карл Барт (1886-1968) определял христианскую догматику как строгую критическую науку, задача которой*

Самые разные области знания начали строить по образцу естественных наук. К чему это приводило?

Во-первых, научный метод уже в XVIII веке существовал в нескольких различных формах.

— Наблюдение, инвентаризация и систематизация фактов и феноменов, предписанные эмпиризмом Бэкона. Их результаты оформлялись в описаниях, рисунках, таблицах, коллекциях, гербариях, картах. Для анатомии, ботаники, зоологии, геологии, минералогии, кристаллографии и географии это был основной рабочий метод. Но так же поступали и те, кого интересовали не природные объекты, а знаки, общественные отношения и практика: историки, экономисты, этнографы, исследователи искусства и политики.

— Измерение, вычисление, экстраполяция и математическое обобщение — прежде всего в астрономии, механике, гидравлике, а затем и в других дисциплинах. В механике уже применялись математическое моделирование и прогнозирование.

— Эксперимент и манипулятивные процедуры с веществами, предметами и процессами — в химии, оптике, пневматике, гидравлике, исследованиях электричества и других физических дисциплинах.

Эти методы поддавались нормированию и кодификации. Им можно было обучать и их можно было транслировать. Их применение вело к многочисленным открытиям.

Но значительная часть научного метода, связанная с осмыслением накопленных фактов, обнаружением закономерностей, постановкой проблем и формулированием принципов, оставалась скрытой. В XX веке Майкл Полани

— проверять речь церкви о Боге на соответствие Священному Писанию и Божественному Откровению, сознавая при этом свою человеческую ограниченность и зависимость от благодати. — Прим.ред.

назвал это личностным, а позднее — неявным знанием: мы знаем больше, чем способны высказать[28]. Это не означает, что такому знанию невозможно научиться. Наоборот, оно передаётся — через совместную работу, подражание, участие, критику, освоение образцов. Но его невозможно полностью превратить в инструкцию.

Именно эта часть научного метода особенно интересовала философов и стимулировала формирование методологии науки. В первой половине XIX века она ещё оставалась преимущественно делом философов и философствующих учёных. Здесь стоило бы отдельно проанализировать Иоганна Готлиба Фихте с его «Наукоучением»[29] и его участие в становлении Гумбольдтовского университета. А также английскую линию развития науки: от Уильяма Уэвелла с «Философией индуктивных наук»[30], предложившего сам термин scientist, до «Системы логики» Милля[31].

---

28 Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. — М., 1995.
Краткое изложение различия явного и неявного знания у Полани см.: Смит, М.К. (2003) «Майкл Полани и неявное знание», Энциклопедия педагогики и неформального образования.

29 *«Наукоучение» (Wissenschaftslehre) — главный фундаментальный труд немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте, впервые изданный в 1794 году. Эта работа представляет собой попытку построить абсолютную, единую систему всего человеческого знания на основе активной и самосозидающей деятельности абсолютного субъекта — «Я». — Прим.ред.*

30 *«Философия индуктивных наук, основанная на их истории» (1840–1841) — главный философский труд английского мыслителя Уильяма Уэвелла. В этой работе он объединил историю и методологию науки, ввел термин «scientist» (ученый), а также сформулировал концепцию «фундаментальной антитезы» между опытом и идеями. — Прим.ред.*

31 *Здесь имеется в виду «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843) Джона Стюарта Милля — фундаментальный труд английского философа, в котором он обосновал приоритет*

Позитивистская версия методологии науки требовала очищения познания от трансцендентных объектов. Но вся методология науки к этой задаче, конечно, не сводилась.

Во-вторых, научный метод начали применять к неприродным объектам: языкам, праву, финансам, культуре, психическим и общественным явлениям.

Гегель назвал свою работу «Наукой логики». Не потому, что собирался превратить логику в одну из эмпирических наук, а потому, что претендовал на систематическое и объективное знание — то есть именно на науку в сильном смысле слова.

В этих областях ещё не умели ставить эксперименты, а математическое моделирование сталкивалось с огромными трудностями. Но наблюдение, инвентаризация и систематизация быстро увеличивали объём знаний о фактах и феноменах. И этот массив требовал осмысления и интерпретации не меньше, чем материалы естествознания.

Так возникала необходимость в методологии «неестественных» наук — как бы их ни называли: моральными науками в Англии, науками о духе и культуре в Германии или гуманитарными науками.

Увлечение позитивизмом и наукой не распространялось на трансцендентные объекты, которых в философской культуре накопилось множество. Здесь для философии сохранялась свободная ниша, не испытывавшая прямой конкуренции со стороны науки. В этой нише оставались проблемы мышления и разума, воли, свободы, этики, эстетики, судьбы, любви и прочего. На них и направлялось философское мышление.

индуктивного метода над дедуктивным, сформулировал классические методы индуктивного анализа причинных связей (методы Милля) и заложил логические основы позитивистской науки. — Прим.ред.

В-третьих, наука вплотную приблизилась к объектам, которые с очевидностью не укладывались ни в схему объекта №1, ни в простую субъект-объектную схему. И тогда снова всплывали старые метафизические проблемы. Учёные не считали возможным ими заниматься, а философия явно не справлялась, она безрезультатно дискутировала о них веками. Для XIX века это были прежде всего психофизическая и психофизиологическая проблемы, проблема соотношения детерминизма и телеологии в истории, проблема развития — новая постановка апории Зенона о стреле на огромном массиве накопленных знаний в языке науки XIX века.

Утрата философией монополии на мышление и переход интеллектуальной инициативы к науке создали сложную социокультурную ситуацию. Эта ситуация порождала ложные дихотомии. Мышление XIX века коренным образом отличалось от мышления XVIII столетия. Учёные -естествоиспытатели уже эмансипировались от философии, автономизировали науку как особый тип мышления и больше не нуждались в философах как «поставщиках объектов». Наука сама изобретала и создавала свои объекты — и делала это лучше и корректнее, чем философия. Ложная установка мыслителей этого периода состояла в том, что автономными типами мышления они считали только философию и науку. Иногда признавалось ещё религиозно-теологическое мышление, но как утратившее актуальность и вынесенное за пределы конкуренции между философией и наукой.

Между тем мышление XIX века этими тремя типами не ограничивалось. В конце XVIII – начале XIX века начало оформляться инженерное мышление. Не инженерия вообще, — строители, механики, архитекторы и фортификаторы существовали тысячи лет — а инженерия как ин-

ституционализированный тип мышления, соединяющий техническое искусство с математикой и естественными науками. К концу XIX века этот тип мышления уже определял многие социальные, политические и экономические процессы в развитых странах.

Плоды промышленной революции начали проявляться задолго до 1800 года: существовали паровые машины, мануфактуры, каналы, сложные механизмы. Но именно в XIX веке технические преобразования резко ускорились и изменили повседневный мир. В первые десятилетия XIX века люди ещё перемещались главным образом в конных экипажах и под парусами, воевали гладкоствольными пушками, кремнёвыми ружьями и саблями. Затем появились железные дороги, массовое пароходство, телеграф и множество других технических систем.

Всё это стало возможным благодаря инженерам, получившим новое образование в технических учебных заведениях. Одним из таких важнейших центров стала основанная в революционной Франции Политехническая школа[32]. Гаспар Монж вместе с другими организаторами соединил в ней математическую и естественнонаучную подготовку с обучением будущих гражданских и военных инженеров. Технического специалиста начали учить не только искусству и практическим навыкам, но и работе с идеальными объектами науки.

---

32 *École Polytechnique — высшая инженерная школа, была основана в 1794 году учеными Гаспаром Монжем и Лазаром Карно в ходе Французской революции. Сыграла ключевую роль в создании модели современного высшего технического образования, объединив фундаментальную науку с практической подготовкой элитных инженерных кадров для государства и армии. Стала одним из первых в мире учебным заведением, где точные науки, где точные науки (математика, физика, химия) легли в основу инженерной подготовки. Среди выпускников École Polytechnique много выдающихся учёных и инженеров: Анри Пуанкаре, Огюстен Френель, Огюстен Луи Коши и др. — Прим. ред.*

Со времён античности техническое искусство занимало в интеллектуальной иерархии подчинённое место. Это не значит, что Платон или Аристотель не видели знания в ремесле: напротив, ремесленник нередко служил образцом человека, знающего своё дело. Но знание мастера оставалось ангажированным, отягощённым материалом и практической целью. Искусство архитекторов, механиков, оружейников и живописцев могло цениться очень высоко, но не признавалось самостоятельным типом мышления.

В Средние века и раннее Новое время технические специалисты осваивали необходимые им элементы математики, астрономии и механики. Навигация была невозможна без астрономии, строительство — без геометрии. Но знания передавались преимущественно в мастерских, корпорациях, армиях и при дворах, а не в форме общего университетского образования для инженеров. Диалектика и риторика тем временем оставались прерогативой философии и «настоящего» мышления.

Технический прогресс долго оставался медленным и неравномерным. Он начал набирать обороты после систематического соединения технических искусств с наукой и её идеальными объектами. В результате этого соединения инженерия оформилась как особый тип мышления, а инженеры — как его носители.

Инженеры почти не вмешивались в споры философов и естествоиспытателей. Во-первых, они были заняты строительством, горным делом, металлургией, паровыми машинами, оружием и фортификацией. Во-вторых, долгое время они не отделяли себя от науки — примерно так же, как первые поколения учёных не отделяли себя от философии. Наука же, едва перехватив интеллектуальную инициативу у философии, породила инженерию — и сразу начала относиться к ней свысока: ведь объекты для инженерии создавались наукой.

Но об этом чуть позже. Сначала нужно назвать другие типы мышления, которые в XIX веке начали воздействовать на общественные отношения и менять мир.

Философия задолго до появления науки заподозрила в политике особый тип мышления, не похожий на философский. Философов с древности вовлекали в политику, а иногда они и сами, как Платон, туда стремились. Но вовлекали философов политики и правители. Вовлекали именно как носителей мышления: для советов, диспутов с противниками, обоснования решений и претензий. Чаще как охранителей, хотя иногда философы становились революционерами.

Никколо Макиавелли в «Государе» рассматривает методологию захвата и удержания власти. Он явно подозревает у правителя особое отношение к миру — следовательно, особый тип мышления. Но дальше этого подозрения и описательных рассуждений дело тогда не пошло. В XVIII веке произошли две революции, ставшие вызовом для мышления и породившие несколько новых его типов. Революционное мышление, на которое ориентировался Маркс при построении объекта №2, было не единственным типом мышления, возникшим после Американской и Французской революций. Сами революции, обустройство послереволюционных обществ и задача недопущения новых революций после реставраций требовали от политиков нового мышления.

В области политики по мере её развития формировалось административное мышление. Его носителями становилась профессиональная бюрократия. Она существовала и раньше, но в XIX веке приобрела новую рациональную, правовую и институциональную форму — ту самую, которую позднее описал Макс Вебер. Административное мышление быстро обзавелось структурами

собственного существования, функционирования и воспроизводства. В Англии оно развивалось, среди прочего, в контексте управления колониальной империей. С 1806 года будущих служащих Ост-Индской компании готовили в специальном колледже. Там преподавали классические языки, право, историю, политическую экономию, восточные языки — всё, что считалось необходимым для колониального администратора. Это было уже не образование философа, хотя старая университетская культура ещё отчётливо просматривалась.

Эмансипация административного мышления происходила во Франции эпохи Реставрации, в реформирующейся Пруссии, позднее — в объединяющейся Германии и в США. Контексты были разными, но везде управление постепенно превращалось из личного искусства правителя в институционально воспроизводимую деятельность.

Появление инженерии ускорило технический прогресс. Инженеры интенсивно меняли предметную среду обитания людей. Железные дороги за несколько десятилетий покрыли Европу. Паровозы, пароходы, нарезное, а затем и автоматическое оружие, проводной телеграф — всё это стало возможно как произведение технического искусства. Но массовое производство требовало промышленной добычи угля, развития металлургии, транспортных сетей и создания сложных индустриальных комплексов. Одним инженерам с этим было не справиться.

Крупное индустриальное производство стало возможным благодаря автономизации ещё одного типа мышления — экономического. Двойная бухгалтерия была изобретена задолго до XIX века, в средневековой Италии. Банки, кредиты и акционерные компании также не были новостью. Но в XIX веке всё это изменило масштаб и образовало инфраструктуру массового промышленного произ-

водства. Банковский и акционерный капитал качественно преобразился, кредит и инвестиции стали массовой деятельностью. И не только деятельностью, но мышлением, автономным от научного, инженерного и тем более философского.

Итак, ко времени активной работы Маркса по построению объектов №2 в европейской цивилизации существовало несколько автономизирующихся типов мышления: религиозное, философское, научное, инженерное, административное, экономическое. Но общественное сознание отчётливо различало лишь философское и научное. За другими право на самостоятельное мышление стали признавать только к XX веку.

А это значит, что мышление XIX века не справлялось с вызовами собственной эпохи.

Кроме автономных типов необходимо учитывать мышление эпохи — историческое мышление. При всей разнице картин мира, объектов и методов работы с ними общественное сознание XIX века имело много общего — примерно так же, как мышление предшествующей эпохи Просвещения. Потому что общественное сознание любой эпохи сталкивается с общими для неё вызовами и принципиальными проблемами. Мышление XIX века оказалось перед необходимостью мыслить объекты №2. Проблема состояла в том, что мыслители умели работать преимущественно с объектами №1. Общественно-исторический вызов был брошен всем. Но в разных картинах мира он воспринимался по-разному — с разных точек и кочек зрения.

Каковы бы ни были эти картины мира и точки зрения, мыслители описывали и понимали вызов примерно в одном и том же подходе. Вспомним схему, которую мы рассматривали в самом начале в первой главе: в качестве тезиса и антитезиса могли выступать уже проявленные подходы

и онтологические картины. В той ситуации, которую мы рассматриваем, проявлены были философская и научная позиции. Поэтому философы и учёные боролись за привилегию и право на объективацию предметного мира.

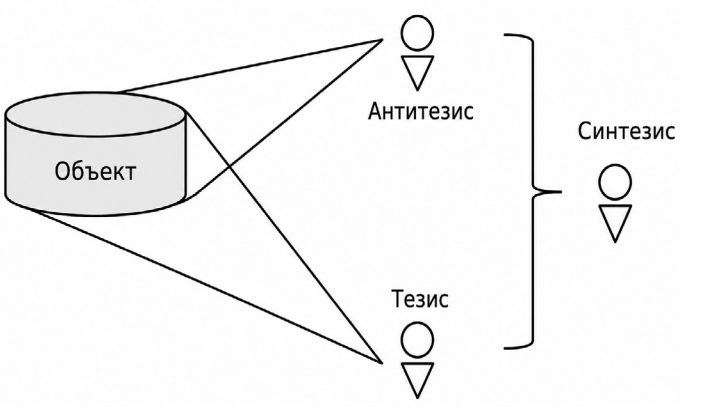

Рисунок 12. Возвращение к антиномиям и диалектике на новом этапе (Схема 3)

Проблемы и вызовы мышлению приходят из предметного мира — мира, в котором вещи имеют для нас смысл и ценность, могут становиться наградами и выигрышами либо препятствиями и затруднениями. Предметный мир ставит перед человеком практические деятельностные задачи.

Философское и научное мышление решают эти задачи в распредмеченном виде. Практика предметна, а философское и научное мышление объектны.

Поэтому первое, что делают философы и учёные, сталкиваясь с проблемами и вызовами, воплощёнными в предметах практики, — распредмечивают их. Выявляют суть вещи, её субстанцию, структуру, содержание. Абстрагируют чувственный предмет — мир, данный в ощущениях, — до идеального объекта.

Идеальные объекты не даны в ощущениях. Поэтому они не вызывают непосредственного чувственного, эмоционального или нравственного отношения. Они даны чистому мышлению и могут вызывать только интеллектуальные эмоции — да и то во время мыслительной работы, когда конкретный мыслитель увлечён задачей или восхищён красотой решения.

Чтобы вновь стать чувственно воспринимаемым и вызвать человеческое отношение, идеальный объект должен быть опредмечен — стать предметом деятельности.

Философская и научная позиции похожи в том, что обе останавливаются на этапе объективации.

Философ получает интеллектуальное удовлетворение от оперирования идеальными объектами в чистом мышлении, нередко презирая практику. Учёный, построив идеальный объект и исследовав законы его существования и функционирования, берётся за следующую задачу, не заботясь об опредмечивании результата.

Почти через все одиннадцать тезисов Маркса о Фейербахе проходит требование возврата от абстрактного мышления и идеального объекта к практике: от созерцания объекта в мышлении — к работе с предметом в чувственной деятельности.

В борьбе за объективацию философы и учёные добиваются одного и того же — объективной картины мира. Очищают онтологию и познающую деятельность от трансцендентных объектов, не имеющих чувственно воспринимаемых атрибутов или физического смысла. Нельзя считать эту борьбу бесплодной. Как правило, наука её выигрывала. Объекты №1 науки оказывались совершеннее философских объектов. Более того, в этой борьбе философы и учёные иногда выходили на синтез, снимавший противоречие точек зрения и подходов. Так возникали идеи

эволюции и генезиса объектов мышления и предметов деятельности. Мыслить начали не только вещи и статичные явления, но и процессы[33].

Однако ни учёные, ни философы не могли пойти дальше снятия противоречий в синтезе — дальше углубления познания объектов №1.

Создание объектов №2 и возвращение объектов в практику через опредмечивание стало делом других типов мышления. Инженеры опредмечивали объекты №1, создавая и развивая предметную среду. Университетские администраторы создавали на основе сообществ учёных кафедры, лаборатории и дисциплины. В них для нужд исследовательской и образовательной практики формировались объекты №2 — научные предметы.

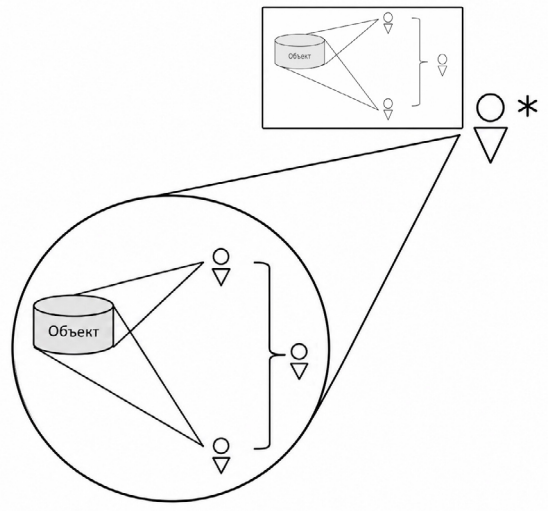

Рисунок 13. Опредмечивание познавательной деятельности (Схема 4)

33 Так, к идее эволюции философы и естествоиспытатели пришли не одновременно, но в пределах нескольких десятилетий и с разных сторон: Ламарк, Спенсер, Дарвин. История, становление и развитие превращались в особые способы существования объекта. — Прим. авт.

Научный предмет — это деятельность людей, разворачивающаяся по поводу, или вокруг, объекта №1. Это коллективная комплексная деятельность разных специалистов: исследователей, теоретиков, экспериментаторов, преподавателей дисциплины, критиков и так далее.

В новом исследовательском университете[34] постепенно начала формироваться специализация учёных внутри одной науки. Одни учёные, интенционально центрированные на объекте исследования, всячески избегали административной деятельности, связанной с организацией исследовательского процесса и преподаванием. Другие предпочитали академическую карьеру рутине исследования, возглавляли кафедры, создавали лаборатории и факультеты. Некоторым приходилось сочетать обе позиции. Как это метафорически описано у Стругацких в образе учёного и администратора Януса Полуэктовича Невструева, раздвоившегося на У-Януса и А-Януса — настолько, что они никогда не пересекались.

Но мыслить приходилось в каждой позиции.

Знания об идеальных объектах №1 опредмечивались администраторами от науки для использования в общественной практике. Собственно, так наука стала — и до сих

---

34 *Исследовательский университет как особый тип высшего учебного заведения сформировался в начале XIX века в Пруссии, прежде всего в связи с реформами Вильгельма фон Гумбольдта и основанием Берлинского университета (1810). Ключевой принцип — единство научных исследований и преподавания: производство нового знания рассматривается как неотъемлемая часть образовательного процесса, а студенты вовлекаются в исследовательскую деятельность. Другими фундаментальными принципами стали академическая свобода преподавания и исследования, институциональная автономия и приоритет фундаментальной науки над узкопрофессиональной подготовкой. Во второй половине XIX века и в XX веке гумбольдтовская модель стала образцом для университетов Европы и США, превратившись в доминирующую организационную форму современной науки и высшего образования. — Прим. ред.*

пор считается — производительной силой общества. Хотя сила эта находится в руках инженеров и администраторов, а не самих учёных.

Рефлексивная позиция на схеме *4* — это не учёный. Это иная позиция, с иной онтологией, иными подходами и методами. Иные они не просто потому, что отличаются от подходов позиций, находящихся внутри окружности. В этой позиции кроме картины объекта №1 существует картина деятельности с этим объектом: организации и управления исследованием, теоретизированием, экспериментированием, преподаванием и так далее.

Эта позиция опредмечивает всю сложную систему деятельности, разворачивающуюся вокруг объекта №1. Только опредмечивает. Потому что объективировать собственный предмет она ещё не может: для этого нет деятельностных представлений.

Чтобы объективировать деятельность — в данном случае научный предмет, — нужно выйти в рефлексии ещё на один уровень и сравнить разные формы опредмечивания деятельности.

Чтобы не повторяться, вспомним схемы *5 и 6*.

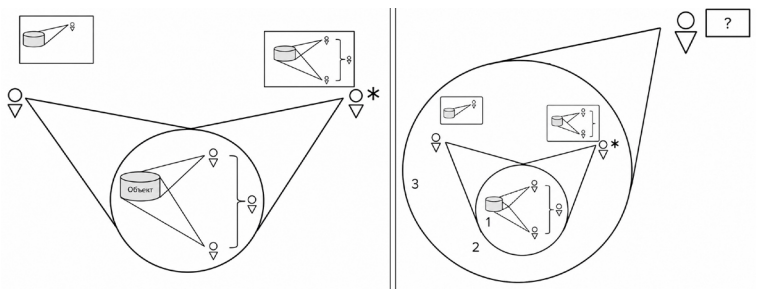

Рисунок 14. Объективация познавательной деятельности и научного предмета (Схемы 5 и 6)

Так как же мы можем ответить на вопрос этого раздела: кто мыслит?

Исходя из проделанного рассуждения, следует сказать, что вплоть до XIX века признанными носителями мышления были философы и учёные.

Разница состояла в том, что:

— философы мыслили, знали об этом и были убеждены в своём праве оценивать, кто мыслит, а кто нет;

— учёные мыслили, но вопрос о статусе своего мышления долго оставляли философам.

В XIX веке учёные перестали нуждаться в философах и как в поставщиках объектов мышления, и как в арбитрах, выносящих суждения о мышлении.

Более того, во второй половине XIX века мышление стало объектом научного исследования — по крайней мере в экспериментальной психологии.

Кроме философии и науки оформились другие типы мышления: инженерное, административное, экономическое. Социальное существование каждого из них приводило к созданию соответствующих институтов. С определённого ракурса эти институты можно рассматривать как опредмеченную деятельность с объектами №1 — то есть деятельность, фундированную определённой картиной мира.

Все эти институты и типы мышления взаимодействуют друг с другом. Инженерное мышление опредмечивает идеальные объекты науки, а философия по старинке продолжает объективировать для науки предметы деятельности. Это взаимодействие в практической деятельности не обязательно осознаётся из позиций внутри институтов. Отсюда — затруднения коммуникации между ними в чистом мышлении, то есть коммуникации по поводу объектов и картин мира.

Таким образом, диверсификация мышления ведёт к мультипликации миров и огромным затруднениям в коммуникации. Чтобы преодолеть разрывы диверсифицированного мышления и множественность картин мира, необходима объективация самого мышления с последующим его опредмечиванием.

Маркс объективировал экономическую деятельность и построил политэкономию как объект №2. Тем самым он создал парадигматический образец для гуманитарных дисциплин и наук о духе и культуре. Этим объектом стала деятельность. А то, как Маркс проводил объективацию, стало образцом деятельностного подхода, в рефлексии которого возникала методология XX века. По этому парадигматическому образцу опредмечивались гуманитарные дисциплины и политическая революционная практика.

Но Маркс остановился перед объектом №3 — перед объективацией мышления. Объективация мышления стала вызовом для интеллектуальной ситуации конца XIX — начала XX века.

Понятно, что перечисленные выше типы мышления — это идеальные типы. Понятие идеального типа сделал одним из главных инструментов социологии Макс Вебер[35]. Это была принципиальная методологическая инновация.

Как соотносится идеальный тип с идеальным объектом науки и философии? Идеальный тип — это не идеальный объект и не усреднённая копия действительности. Это намеренно односторонняя мыслительная конструкция, позволяющая сопоставлять с ней реальность и фиксировать значимые отклонения[36].

---

35 Kim S. H. Max Weber // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Fall 2026 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2026.

36 Основная работа на эту тему: Макс Вебер. Объективность социально-научного и социально-политического познания (*Die „Objektivität“*

Сама деятельность Вебера представляет особый интерес[37]. Он отчасти оппонировал Марксу, причём это оппонирование разворачивалось именно в методологической плоскости. Во Фрайбурге Вебер оказался внутри интеллектуальной среды баденского неокантианства. Неокантианские представления о методе наук о культуре помогли ему провести важное различение между поведением и действием.

Поведение можно описывать внешне: наблюдать, измерять, сопоставлять, выявлять регулярности. Действие необходимо понимать, поскольку действующий связывает с ним субъективный смысл. А социальным действие становится тогда, когда этот смысл ориентирован на поведение других людей. Отсюда возникает понимающая социология Вебера. Но понимание у Вебера — не сочувственное вживание и не мистическое проникновение в чужую душу. Понять действие — значит реконструировать его субъективный смысл, а затем включить эту реконструкцию в причинное объяснение.

Вебер не порывал с научным объяснением. Он пытался соединить понимание и причинность. Идеальные типы служили ему не заменой объектов, а инструментом этой работы. Они позволяли выделять смысловые структуры действия, которых в чистом виде в эмпирической реальности нет.

---

sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis), 1904. Коротко о веберовском идеальном типе см.: Фурс Н.В. Идеальный тип; Мацкевич В. В. Идеальных типов метод // Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — Москва; Минск, 2001. — С. 381-382.

37 Вебер преподавал торговое право в Берлине, политическую экономию во Фрайбурге и Гейдельберге, а в последние годы — в Вене и Мюнхене. В истории он остался прежде всего социологом, хотя все его профессорские должности были связаны с экономикой, правом и социальной наукой. — Прим. авт.

В «Протестантской этике и духе капитализма» особенно ясно проявляется принцип историчности. Вебер рассматривает капитализм не только как экономическую систему, но и как результат долгого преобразования религиозных смыслов, практик и способов организации жизни.

Даже если не вчитываться в его работы, а посмотреть на названия, можно заметить странную контаминацию терминов из разных типов мышления. Социолог, работающий в научной традиции и рассматривающий один из главных объектов современности, — капитализм — говорит не о его сущности или субстанции, а о духе. Термин подозрительный. Почти неприличный для позитивной науки.

Но Вебер и не был последовательным позитивистом. «Дух» здесь не трансцендентальный объект, а исторически сложившаяся конфигурация смыслов, установок и способов действия. То же происходит с немецким словом *Beruf*, в котором соединяются протестантское «призвание» и современная «профессия». Вебер использует это историческое наслоение не как лингвистическое украшение, а как ключ к пониманию преобразования деятельности[38].

Вебер не отрицал возможность объективного знания о социальных явлениях. Он отрицал возможность беспредпосылочного взгляда «ниоткуда». Исследователь выбирает предмет в соответствии со своими культурными интересами и ценностями. Но это не значит, что результаты исследования произвольны или годятся только для

38 *Основные работы Вебера, в которых раскрывается понятие Beruf — фундаментальное исследование «Протестантская этика и дух капитализма» (Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, 1904–1905; переработанное издание 1920) и две статьи: Wissenschaft als Beruf (1917/1919), на русский обычно переводится как «Наука как призвание и профессия», и Politik als Beruf, 1919 — «Политика как призвание и профессия».*

самого исследователя. После выбора предмета требуется общезначимое доказательство, причинное объяснение и разделение эмпирических суждений и оценок.

Понимающая установка включает в исследование не самого исследователя как участника действия, а субъективный смысл действующего человека. Поэтому социальное действие — принципиально иной объект, чем многие объекты естествознания. Но оно не становится независимым от причинности и не превращается в чистую интерпретацию. Целерациональное и ценностно-рациональное действие у Вебера — не особые законы. Это два идеальных типа действия наряду с традиционным и аффективным. Именно так работает идеальный тип: не заменяет реальность, а позволяет увидеть её организацию.

Этот пассаж о Вебере и понимающей социологии может показаться избыточным. Но без него трудно перейти к ответу на вопрос, вынесенный в название раздела: кто мыслит?

Простой ответ таков: в XIX веке инициатива мышления перешла от философии к науке. Но вместе с философами и учёными мыслили инженеры, администраторы и политики, экономисты и предприниматели — и, возможно, кто-то ещё. Когда философы утратили монополию на мышление, наука её не переняла. Хотя позитивистам показалось, что эта монополия перешла к ним – и это стало модным заблуждением века. Монополия просто исчезла. Мыслить стали многие.

Но мышление не дано нам в ощущениях. Философы XIX века не смогли установить его сущность или субстанцию, а учёные не построили математической модели мышления.

Мышление не было объективировано. Схватываемое в форме идеальных типов, оно проецировалось на матери-

ал (очеловечивалось) и позиционировалось весьма причудливым образом. В 11-й главе этой книги я попробую развернуть процесс мышления учёных, создававших науку химию. В последующих разделах буду рассматривать мышление XX века.

Несколько типов мышления могли собираться на одном человеке — как на Марксе, Вебере или У- и А-Янусе. А эмансипирующиеся типы мышления оформлялись в институты, одним из которых становились научные предметы и дисциплины.

Различные типы мышления не столько конкурировали, сколько взаимодействовали при решении общих проблем и задач, обогащая и дополняя друг друга. Инженерное мышление побудило рассматривать научные объекты №1 в динамике и становлении. Если философа интересовали суть, сущность или субстанция объекта, а учёного — математическая модель или структура, то инженера всё это занимало постольку-поскольку. Инженера интересовало: чем объект может стать? Если позволить себе неприличную кантовскую вольность, то, имея в распоряжении в какой-то степени познанную наукой вещь-в-себе, инженер воображает, чем она может стать для нас и как её в эту вещь-для-нас перевести.

Это становление вещи — переход от её *modus vivendi* к *modus operandi* — и есть опредмечивание. Причём опредмечивание двойное. Объект посредством искусства инженера становится для кого-то предметом потребления или оперирования. А процесс его становления и преобразования становится предметом самой инженерии.

Ещё меньше объективность — суть, сущность и субстанция объекта — интересует администратора или политика. Их предметом становится историческое изменение объекта. Американская и Французская революции не отменили

государство, как позднее мечтали анархисты и коммунисты XIX века, а наполнили его иным смыслом и содержанием. Абсолютная монархия и конституционный строй — исторические формы существования идеального объекта. История в её эволюционной и революционной версиях через административное и политическое мышление стала особым модусом рассмотрения существования объектов.

Интеллектуальное развитие XIX века остановилось у порога объективации мышления. Но в предметно организованной деятельности уже культивировалось коллективное многопозиционное мышление — с диалогом и встречным движением носителей разных типов.

Философское мышление оказалось самым ригидным и наименее адекватным этому интеллектуальному вызову. Оно с трудом расставалось с предубеждением, что мыслят только философы, а философия есть высшая форма мышления. Мартин Хайдеггер и в середине XX века мог сказать: «Наука не мыслит»[39]. Он вкладывал в эту формулу специальный смысл и не считал её упрёком науке. Но для нашего рассуждения важна сама возможность такого высказывания. Спор о монополии ещё не закончился.

В проделанном рассуждении осталось много пустых мест и незатронутых аспектов. Но сказанного, как мне кажется, достаточно, чтобы перейти к двум следующим разделам представления методологии для философов[40].

---

39 Heidegger M. What Is Called Thinking? / trans. by F. D. Wieck and J. G. Gray. — New York : Harper & Row, 1968 — p. 8.

40 Для меня и моих коллег эти разделы были необходимы ещё и как основания программы Летучего университета — или просто Университета. Из поставленных на том этапе задач переход к работе с объектами №3 всё ещё остаётся проблемным и сохраняет свою актуальность. Проблема содержания современного образования нуждается в постановке, и здесь я пока обсуждаю только пролегомены к постановке этой проблемы. — Прим. авт.

Глава 5.
Интеллектуальная ситуация XX века: как собрать картину мира?

От множества автономных типов мышления к проблеме их сборки — Онтология и табло сознания как формы удержания и организации объектов мышления — Научные, технические и социальные революции XX века как результат методологизации профессиональной деятельности — Узкая специализация как способ освоения сложности и одновременно препятствие для целостного мышления — Противоречие между накоплением мыслительных результатов и состоянием массового сознания — Переход к системному подходу и принципу «состав — структура — система» как способу сборки объекта №3.

В предыдущей части я пытался ответить на вопрос: кто мыслит? Ответ получился не очень удобным для философии: в XIX веке инициативу мышления у философии перехватила наука, но и она не получила монополии. Мыслили инженеры, администраторы, предприниматели, политики — все, кто был вынужден не только иметь дело с миром, но и перестраивать способы этого «делания».

Теперь возникает другой вопрос: где и в какой форме удерживается всё то, что они помыслили?

На схемах для этого уже отведено место — табло сознания. Пока оно остаётся пустым функциональным местом, ПФМ. Там можно разместить картину мира, картину объекта, онтологию. Но сначала нужно понять, что именно я собираюсь туда класть.

По доставшейся от философии привычке картину мира называют онтологией. Философ здесь, конечно, может возразить: онтология — учение о бытии, а не какая-то там картинка. Пусть возражает. Нам сейчас важна не ведомственная чистота термина, а его работа. Будем называть онтологией такую картину мира, в которой мир представлен как объект.

В другом контексте онтологией называют картину частичного объекта — чего-то меньшего, чем мир, какой-то его части. Но и в частном объекте мы обнаруживаем проявление полноты того мира, который удерживаем в картине мира.

Если объяснять на пальцах, придётся прибегнуть к примерам, заранее понимая всю их условность.

Мы видим лист. За листом удерживаем в воображении дерево. В дереве видим объект природы, то есть проявление природы в частном предмете. Но этот же предмет можно мыслить как систему клеток. Клетку не видно невооружённым глазом, однако мы знаем, что живые организмы, в том числе дерево и его лист, состоят из клеток. На этом шаге именно клеточное строение начинает представлять для нас природу живого.

Рассмотрим урок природоведения в начальной школе. Допустим, ту его часть, которую раньше назвали бы ботаникой.

— Ученик рассматривает лежащий на столе лист. Дерева, на котором вырос этот лист, в классе нет. Клеток, из которых он состоит, невооружённым глазом ученик не видит. Всё это происходит на уроке природоведения. Природоведение — школьный, учебный предмет. Его предмет — природа, которую ученик должен изучать. А видит он пока только лист перед собой.

— Учитель тоже видит лист. Но, кроме того, он представляет себе, как этот лист дан сознанию ученика. Это

нетрудно: в сознании самого учителя имеется примерно такой же предметный образ. Однако учитель, в отличие от ученика, знает, что лист состоит из клеток. Он знает кое-что о природе и знает, что созерцаемый ими лист — явление природы. Простое явление природы, данное нам в ощущениях.

— Задача учителя — проявить в сознании ученика клетки.

— Клетка непосредственно в ощущениях ученику не дана. И пока не является для него предметом: во-первых, её нет в его сознании; во-вторых, ученик ничего не может с ней сделать — даже рассмотреть.

— Учитель совершает процедуру РАСПРЕДМЕЧИВАНИЯ листа. Это интеллектуальная процедура, но с вполне осязаемыми, почти органолептическими проявлениями.

А) Учитель берёт лист с учебного стола, готовит тонкий срез или снимает фрагмент эпидермиса и помещает препарат на ПРЕДМЕТНЫЙ столик микроскопа.

Б) Он показывает вооружённому (микроскопом) глазу ученика внутреннее строение листа. Теперь ученику дано в ощущениях нечто, видимое через микроскоп.

В) Учитель рассказывает ученику, что тот видит, интерпретирует видимое и называет его клеточным строением.

Г) Затем он определяет увиденное — даёт ученику понятие клетки.

Д) Словом «клетка» теперь называется и то, что ученик видит через микроскоп, и то, что появилось в его сознании.

Е) Определение и понятие клетки соотносятся с увиденным, а через увиденное — с листом, который

лежал на ученическом столе и был частично превращён в микроскопический препарат.

– Теперь учитель имеет основания предполагать, что в сознании ученика, помимо предметного образа листа, за которым можно вообразить дерево, появилось понятие об объекте — клетке.

Клетка здесь ещё не чистый идеальный объект. Понятие клетки сконструировано, но у него есть эмпирический референт, который можно предъявить опосредованно — через прибор, препарат и организованное учителем наблюдение.

– Следующим шагом учитель осуществляет процедуру ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ: объявляет клетку экземплификатом ещё одного объекта — природы.

Природу нельзя увидеть даже в микроскоп. Её нельзя вообразить на основе прежних ощущений так, как воображается отсутствующее в классе дерево. У природы есть множество эмпирических проявлений, но нет единственного референта, который можно положить на стол и сказать: вот она, вся природа.

В актуалгенезе сознания ученика природа появляется как сконструированный идеальный объект. На этом этапе — именно по способу введения, а не по содержанию — природа и Бог оказываются понятиями одного порядка. Ни то ни другое целиком на предметный столик не помещается.

– Следующим шагом учитель опредмечивает идеальный объект «природа» в цепочке практических и мыслительных процедур: сорвать лист с дерева, принести его в класс, расправить на столе, приготовить препарат, поместить его под микроскоп, внимательно рассмотреть, определить увиденное в понятиях, связать понятия «клетка» и «природа». А затем — видеть природу в клетке и клетку в природе.

Подобную схему — разумеется, не буквально ту же самую — можно развернуть и на истории мышления. То, что в нашем воображаемом уроке происходит в актуальгенезе сознания ученика, в истории занимает масштабы филогенеза мышления и онтогенеза научных предметов.

Онтологии — картины объектов — возникают в результате этого исторического генезиса. Восстанавливая формирование понятий в истории философии и науки, мы опредмечиваем объекты этих понятий для педагогической практики, то есть для работы с сознанием. Учитель не просто заполняет сознание ученика знаниями. Он вводит предметы оперирования и объекты созерцания.

Созерцание в данном случае — способность видеть в листе множество того, чего в непосредственно предъявленном предмете нет: дерево, клетки, природу. То, чего нет в листе, лежащем на ученическом столе или на предметном столике микроскопа, существует и присутствует в сознании ученика.

Обозначим это место присутствия объектов прямоугольником на схеме. В зависимости от задачи и контекста будем называть его «картиной мира», «картиной объекта», «онтологией» или «табло сознания» — когда нам нужно рассмотреть это место как пустое. Как ПФМ — пустое функциональное место.

Пустое функциональное место необходимо тогда, когда мы хотим заменить одну картину мира другой, сопоставить их, проанализировать или подвергнуть критике разные онтологии, построенные на одном предметном материале: птолемеевскую и коперниковскую картины мира, волновую и корпускулярную картины света, культурную и биологическую обусловленность сознания и т. п.

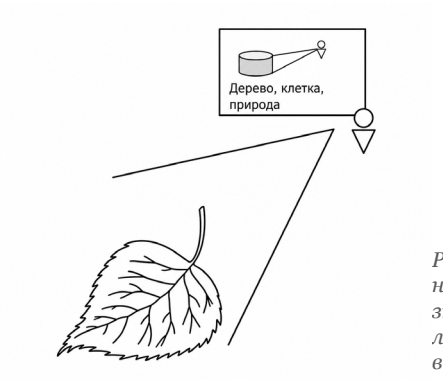

Рисунок 15. Абстрагирование экземплификата как знака объекта. Увидеть в листочке дерево и видеть лес в деревьях

После проделанного рассуждения мы можем, пусть и фрагментарно, представить себе, что содержится в сознании отдельного ученика. После нашего воображаемого урока там находится не только представление о листьях и деревьях, но и некоторое представление о клеточном строении живого — и о самой природе.

История формирования научных представлений и критический анализ истории человеческой мысли позволяют нам реконструировать содержание табло сознания естествоиспытателей и философов-позитивистов.

Рисунок 16. Онтологизация

Это, конечно, упрощение. Но оправданное.

В сознании учёных-естественников помимо объектов №1 присутствуют и представления об объектах №2. Сознание устроено сложнее и не сводится к картине мира или онтологии. Но сейчас мы рассматриваем табло сознания именно как место, заполненное онтологией.

Что бы ни рассказывал ученику учитель природоведения, ученик всё равно видит в листе красивые оттенки зелёного, фрактальный рисунок прожилок, будущий элемент коллажа, который он изготовит в подарок маме. Точно так же учёный помнит о коллегах, конкуренции за гранты, конфликтах с начальством, борьбе за приоритеты и ещё о многом. Но всё это вынесено за пределы рассматриваемой нами картины мира.

Чтобы обозначить это обстоятельство ещё яснее: все знают про вампиров, оборотней, домовых и привидения. Однако в картине мира большинства нормальных людей эти знания не работают. Не по Гуссерлю в строгом смысле, а в нашем нынешнем, довольно вольном словоупотреблении они «вынесены за скобки»[41].

Но тогда возникает закономерный вопрос: какое место онтология занимает на табло сознания? Как картина мира соотносится со всем остальным содержанием сознания? Эти вопросы можно поставить в разных онтологиях — и получить совершенно разные ответы.

Сейчас важно одно: табло сознания неоднородно. В нём можно выделить место для картины мира, или онто-

---

41 *«Вынесение за скобки» (epoché) у Эдмунда Гуссерля — это метод приостановки характерной для естественной установки веры в само собой разумеющееся существование мира. Мы не отрицаем существование предмета и не сомневаемся в нём, а временно оставляем вопрос о его реальном существовании за пределами рассмотрения. В центре внимания оказывается то, как предмет дан сознанию и в каких актах сознания он нам является. — Прим. ред.*

логии, и всё остальное — то, что мы знаем, пережили, взяли из книг, фильмов, интернета и живого общения, но не включаем в действующую картину мира и не используем осознанно.

Только не надо путать эту часть содержания сознания с бессознательным или подсознанием. Фрейдовское бессознательное необходимо включить в интеллектуальное содержание XX века, но пока оставим его за скобками — уже в нашем собственном смысле. Сейчас оно нерелевантно задаче.

Наша задача — определить содержание табло сознания и той его части, которую мы обозначили как картину мира, в позиции, работающей с объектами №3. Это ПФМ со знаком вопроса на уже обсуждавшейся в третьей главе схеме.

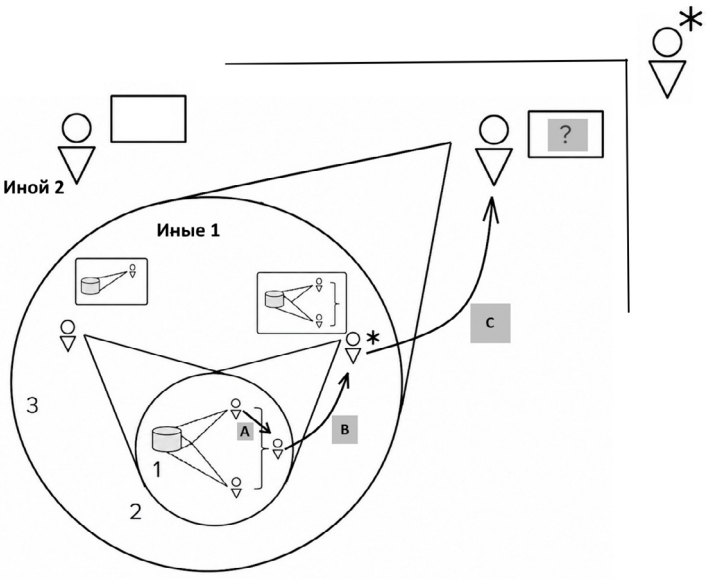

Рисунок 17. Рассказывая Другому о мире/объекте, мы начинаем понимать то, что имеем в своём сознании (Схема 10)

Что содержит картина мира, если мы практически работаем с объектом №3, в который входят объекты природы, научное знание о них, знание о самой науке и знание о способах распредмечивания, объективации и опредмечивания?

Самый простой ответ — перерисовать всё предметное содержание на табло сознания. Но этот способ наивный и иллюзорный. Так нельзя поступить даже с листом дерева на уроке в начальной школе.

Значит, придётся искать другой способ. И искать его следует в интеллектуальном наследии XIX века и в попытках ответить на те вызовы мышлению, с которыми столкнулся век XX.

Кое-что из наследия XIX века я уже затронул выше. Чтобы не перегружать дальнейший текст, просто проинвентаризируем часть наследства, доставшегося XX веку.

- XIX век донёс до XX древние различения бытия и существования, сущности и явления. В естественно-научной линии тайна сущности постепенно переносилась из трансцендентной глубины в идеальный объект, теоретическую конструкцию или математическую модель явления.
- XIX век сохранил познавательную задачу выявления сущности явлений и превратил в норму связку экспериментально-эмпирического исследования, гипотетико-дедуктивного рассуждения и математического моделирования.
- Были созданы научные предметы и организованные вокруг них социальные институты. Многие из них исправно функционируют до сих пор.
- Идея изменчивости — эволюции, развития, естественной истории — приобрела научную силу. Категории становления, генезиса и происхожде-

ния коренным образом изменили онтологические представления в естественных науках и способствовали становлению гуманитарных наук.

- Была переосмыслена человеческая и социальная история. Вместе с историей переосмысливались детерминизм, каузальность и телеология.
- Начало оформляться различение процедур объяснения и понимания, соотносимых с естественными и гуманитарными науками. Герменевтика переставала быть только искусством толкования текстов и превращалась в общее знание о понимании. Рядом, хотя и не из того же корня, складывались семантика и семиотика.
- Категория деятельности вошла в философию и социальную теорию. Были разработаны идеи присвоения и отчуждения в деятельности. На практике развивались формы коллективно-распределённой деятельности: акционерные общества, кооперация, капиталистические предприятия, синдикаты, тресты и т. д.
- Интеллектуальные формы коллективно-распределённой деятельности начали нормироваться и стандартизироваться, готовясь к переходу из одних сфер в другие: стратегирование — из военного дела в управление и предпринимательство; проектирование — из архитектуры в инженерно-конструкторские области; авторское право — из мира славы и авторского тщеславия в нормированные отношения собственности.
- Идея структуры получила точное выражение в химии — в представлениях об элементах, связях и структурных формулах. В языкознании накапливался материал, который уже в XX веке будет собран в структурный подход.

- Появились системообразующие технические изобретения и комплексы: практическое использование электричества, двигатель внутреннего сгорания, кинематограф, органический синтез.
- Были совершены фундаментальные открытия, последствия которых пришлось осмысливать уже в XX веке: опыт Альберта Майкельсона и Эдварда Морли[42], законы наследственности Грегора Менделя, радиоактивность Антуана Беккереля, рентгеновские лучи.
- В развитых странах распространялись всеобщее начальное образование и массовая грамотность. Значительная часть общества приобрела устойчивую зависимость от чтения. Возникла массовая публика, объединённая газетой, книгой, журналом, отчасти театром.
- Сложились европейские модерные нации как основной тип социального существования. В национальной форме развивались идеи государства, гражданского общества, представительной демократии, прав человека и гражданина, социального равенства.

Кроме этих и множества других безусловно позитивных достижений XIX век оставил нерешённые проблемы, разочарования, тупики, эзотерические трактаты и ирра-

---

42 *Опыт Майкельсона — Морли (1887) был призван обнаружить движение Земли относительно гипотетического «светоносного эфира» по различию скорости света в разных направлениях, однако ожидаемого эффекта выявить не удалось. Этот «нулевой результат» стал одним из важнейших экспериментальных оснований для отказа от представления об эфире и способствовал формированию специальной теории относительности Альберта Эйнштейна (1905), исходящей из постоянства скорости света во всех инерциальных системах отсчёта. — Прим. ред.*

циональные построения. Огромный беспорядочный набор очень разных вещей. Но именно так они и достались XX веку — вперемешку, без инструкции по сортировке. Это монизм Эрнста Геккеля и его «Мировые загадки»; учение Эмиля Дюбуа-Раймона о непреодолимых пределах научного познания; евгеника; волюнтаризм Шопенгауэра и Ницше (и сам термин «волюнтаризм», введённый в философский оборот Фердинандом Тённисом); психоанализ и бессознательное Фрейда; теософия Елены Блаватской и антропософия Рудольфа Штайнера, выросшая из теософской линии уже в начале XX века.

Наконец, XIX век передал в наследство XX веку идеи коммунизма, социализма, неуклонного прогресса и обязательного оптимизма.

И достижения, и заблуждения вперемешку составляли строительный материал — и строительный мусор — для новых онтологий и картин мира. Попытки всё это онтологизировать и упорядочить приводили к размножению философских школ и направлений, порождали множество редукционистских мировоззрений и всяческих «измов»: натурализм, механицизм, физикализм, психологизм, биологизм, спиритуализм, экономизм, социологизм, историцизм и т. д.

Помимо преждевременных и недоделанных онтологизаций, интуитивных мировоззрений и небрежно собранных картин мира, к XX веку накопилось множество критик. Критике подверглись разум и опыт, способность суждения и логического вывода, фундаментальные основания бытия — сама материя и само бытие. Всё это пришлось собирать и переосмысливать заново.

XX век начался не с Первой мировой войны и не с революций в России. Он начался с научных революций и коренной перестройки методов познания.

После Томаса Куна разговор о научных революциях и сменах парадигм в физике стал почти общим местом. Но одновременно с теоретическими работами Макса Планка и Альберта Эйнштейна разворачивается кризис оснований математики и логики. Альфред Норт Уайтхед и Бертран Рассел не решают апории элеатов, они работают с парадоксами теории множеств и строят одну из новых программ логического обоснования математики[43].

Физиологи и бихевиористы работают со схемами рефлекторной дуги и схемой «стимул–реакция», которые позднее можно будет прочитать как протокибернетические.

В 1920-е годы появляются обучающие машины. В 1950-е эта линия развернётся в программированное обучение и программированные учебники. Возникают новые типы школ и подходов к образованию детей и взрослых.

Александр Богданов разрабатывает всеобщую организационную науку — «Тектологию».

Зарождаются НОТ и профессиональный дизайн, закладываются основания теорий менеджмента и маркетинга.

Во многих странах рабочие получают избирательные права. В 1906 году Финляндия первой в Европе предоставляет женщинам полные политические права — не только избирать, но и быть избранными в парламент.

Разразился кризис научной психологии. После переоткрытия законов Менделя возникает генетика как от-

---

43 *Альфред Норт Уайтхед и Бертран Рассел — выдающиеся британские философы и логики, чьё сотрудничество в начале XX века привело к созданию монументального трёхтомного труда Principia Mathematica (1910–1913). Эта работа стала одним из главных воплощений программы логицизма — попытки показать, что математика может быть выведена из логических принципов. — Прим. ред.*

дельная наука. Радио становится первым электронным средством массового вещания, а кино — важнейшим из искусств.

Первая мировая война подхлестнула технический прогресс и разрушила крупнейшие империи, определявшие геополитическую картину XIX века.

С первого десятилетия и вплоть до 1950-х годов революции — тихие и бурные — происходят во всех областях знания, во всех естественных и гуманитарных науках, в технике, промышленности и сельском хозяйстве, в искусстве и политике. А также в повседневности, моде, социальных и гендерных отношениях.

Тон во всех областях задают методологизированные профессионалы, выходящие в рефлексивную позицию относительно одной или нескольких сфер. Они пересматривают постулаты и принципы своих предметов, дисциплин, институтов и систем деятельности, вводят новые категории и методы, всё меньше интересуясь метафизикой и онтикой. Именно из работ этих методологов XX века и методологизированных профессионалов берётся материал для заполнения табло сознания в позиции, работающей с объектом №3 на схеме 10.

Первая мысль, возникающая при обозрении этого огромного массива: всё это невозможно осмыслить и собрать. Лучше сосредоточиться на чём-то одном — одной идее, теме, одном объекте — и углубиться в неё или в него. Узкая и глубокая специализация стала самым распространённым выбором и самоопределением XX века. Но этот выбор закрывает возможность мышления.

Работа с объектами №2 требует выхода к объектам №3 — объектам современного мышления. Вместо этого специалист берёт свой фрагмент объекта №2 и обращается с ним так, будто это объект №1: непосредственно данный, готовый и соразмерный его подготовке. Такой объект удобно

помещается на уже организованном табло сознания и не требует ничего там «перестраивать».

Узкая специализация в научных и технических дисциплинах сопровождалась упрощением коммуникации среди учёных. Методологические и философские вопросы постепенно стали считаться дурным тоном. Концентрация инженеров на специализированных задачах вела к отчуждению от процесса и результата деятельности.

Особенно остро это проявилось в образовании и массовой коммуникации. Образование перестало формировать у учащихся целостную картину мира, наполняя их сознание набором обрывков знаний, никак между собой не связанных. Выпускники такой системы стали массовой аудиторией СМИ. Средства массовой информации всё больше ориентировались на потребителя с «кашей в голове». Отсюда возрождение интереса к лженаукам, эзотерическим учениям и упрощённому комментированию событий. Распространившиеся в XX веке идеологии коммунизма и фашизма вдохновлялись архаичными идеалами. Вместо научного подхода и мышления культивировалась мифология и спекулятивная идеология.

Основное интеллектуальное противоречие XX века состояло в следующем:

- С одной стороны, был накоплен богатейший материал для мышления и действия в мышлении — фундамент научных революций и развития цивилизации;
- С другой стороны, образованные массы и публика были не только не подготовлены к работе с этим материалом, но устремлены в противоположную от развития цивилизации сторону.

Поэтому XX век — это эпоха ускоренного и ускоряющегося культурного и научно-технического прогресса и

одновременно, — фельетонная эпоха, эпоха популизма и интеллектуального регресса.

В поздней философии концептуальным оформлением этого противоречия становится постмодернизм. В массовом сознании — мисология. В политике — популизм.

Но критика эпохи не входит в задачу этого текста. Обо всём этом приходится напомнить только для того, чтобы представить сложность устройства современного мира — и, соответственно, картины этого мира на табло сознания.

Пора приступать к сборке методологической картины мира, то есть объекта №3.

Чтобы начать сборку, необходимо выбрать её метод, способ работы с материалом и подход. Выбор обусловлен многими обстоятельствами.

1. Один из лучших способов сборки — исторический: в хронологии происхождения и становления идей, концептов и схем.

Однако от историко-хронологического способа приходится отказаться как минимум по двум причинам.

Во-первых, даже беглый и черновой обзор становления мышления XIX века занял в этом тексте гораздо больше места и времени, чем я первоначально планировал. История мышления XX века потребует в десятки раз больше. Однажды, в 1994 году, на семинаре АГТ[44] я решил сделать доклад об интеллектуальной ситуации XX века. В результате он растянулся почти на два десятка лекций.

Во-вторых, разворачивающаяся история дискретна, гетерохронна, гетерономна и гетероморфна. История как рассказ требует последовательности и некоторой монотон-

---

44 *Агентство гуманитарных технологий (АГТ) в Минске — белорусский независимый аналитический, экспертный и образовательный центр, основанный в 1994 году Владимиром Мацкевичем. Специализировалось на гуманитарных исследованиях, проектировании, сфере образования и развития гражданского общества. — Прим. ред.*

ности: разновременные и дискретные процессы приходится сшивать в якобы непрерывную цепь.

Поэтому любой исторический рассказ — редукция истории к одной линии развёртывания. Редукция большой истории к малой.

Малая история — последовательность собственных шагов автора в мышлении и деятельности — самый распространённый способ введения схем и представлений в СМД-методологии. Им блестяще пользовался Георгий Щедровицкий. Но в каждой конкретной ситуации он рассказывал другую историю. Я тоже мог бы рассказать одну из собственных историй. Однако в коммуникации с философами это малоэффективно.

2. Другой надёжный способ — псевдогенетическая реконструкция.

Такая реконструкция требует согласования и взаимной проекции трёх масштабов генезиса: филогенеза, онтогенеза и актуалгенеза.

Для филогенеза нужен материал большой истории. Для актуалгенеза — материал малой истории. Онтогенез можно изложить логически, но в изоляции от филогенеза и актуалгенеза логическая конструкция начнёт наталкиваться на сопротивление материала.

Так вводятся и доказываются понятия, схемы и модели в учебных предметах развитых наук. Учебное изложение не повторяет того, как знание разворачивалось в истории науки. Дидактическая логика введения понятий может прямо противоречить истории их возникновения.

Но от онтогенетической реконструкции тоже придётся отказаться. Причину лучше всего пояснить на частном примере метода идеальных типов.

В этом тексте уже рассматривалась оппозиция «идеальный объект — идеальный тип» и подход Макса Вебера.

Работа с идеальными типами в СМД-методологии опиралась прежде всего на теорию систем и современную математику, Веберовские идеальные типы втягивались в эту работу лишь факультативно. Почти одновременно с Вебером Бертран Рассел работал над математической теорией типов: её ранний вариант появился в «Основаниях математики» 1903 года, развитый — в статье 1908 года. Теория должна была блокировать парадоксы, возникающие при неограниченном образовании классов и самоприменении понятий[45].

Но идеальный тип Вебера и логический тип Рассела — не две версии одной конструкции. Слово одно, работа совершенно разная. Веберовский идеальный тип — исследовательская конструкция, с которой сопоставляется социальная реальность. Расселовский тип — средство логического разведения уровней выражений и объектов. Расселовская линия в дальней перспективе ведёт к формальным теориям и типизированным языкам программирования. Прямой дороги к теории систем она не открывает. И именно поэтому этот пример важен.

Системные представления, приходившие на смену структурным, извлекались из работ в разных областях, часто никак друг с другом не связанных. Современный типологический метод собирался из гетерогенных линий. Вывести его из одного источника можно в малой истории одного методолога или одной группы, но не в истории становления современной методологической картины мира. Такое выведение допустимо в дидак-

---

45 См.: Макс Вебер. Объективность социально-научного и социально-политического познания, 1904 (Objectivity of Social Science and Social Policy); Бертран Рассел. Математическая логика, основанная на теории типов, 1908 (Mathematical Logic as Based on the Theory of Types).

тических целях. Но и там оно не очень правдоподобно.

3. Ещё один способ сборки основан на системном подходе.

В нём история и генезис становятся способами интерпретации структурных связей и отношений. Однако сами связи и отношения между элементами можно ввести до исторической интерпретации и даже без неё. Придётся остановиться именно на этом способе.

Системный подход тоже требует последовательности, но последовательности иного рода. Она задаётся принципом ССС: состав — структура — система.

Сначала мы вводим состав элементов. Затем связываем элементы в структуру. Потом интерпретируем полученную конструкцию как систему.

Итак, в следующей части мы перейдём к составу, структуре и системе в картине мира на табло сознания — в позиции, работающей с объектами №3.

Глава 6.
СОСТАВ, СТРУКТУРА, СИСТЕМА в картине мира на табло сознания в позиции, работающей с объектами №3

От минимального состава схемы к трёхчастной структуре «мир — позиция — табло сознания» — Преодоление бинарной субъект-объектной схемы — Рефлексивность, Иной и рамка как условия мышления — Анализ структуры в пространственно-временном, модальном и интенциональном планах — Различение структуры объекта и структуры модели — Переход от формальной структуры к системной интерпретации через процесс, функцию, материал, морфологию и опредмеченные отношения — Формулирование принципов реальности, тринитаризма, рефлексивности, интенциональности и комплексности как оснований дальнейшей сборки системы.

Для начала упростим схему 10, с которой мы работали ранее, до необходимого минимума состава.

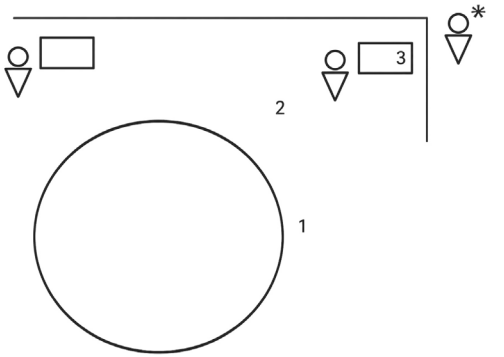

Рисунок 18. Упрощение схемы 10 до минимума состава (Схема 11)

На схеме обозначены три элемента, которые в дальнейшем будут связаны в структуру. Кроме них в пространстве схемы — на доске или на рабочем поле табло сознания — присутствуют ещё три значка. Они обозначают условия и рамки организации будущей структуры. Иными словами, определяют, при каких условиях в пустых местах может появиться хоть какая-то определённость.

Схема состоит из пустых функциональных мест (ПФМ) и функциональных условий (ФУ) их заполнения.

Дальше будем двигаться по шагам, разбирая этап за этапом построение схемы.

Пока перед нами бессодержательная формальная схема состава. В ней нет ничего, кроме значков, которыми помечены места будущей структуры. Эти места пусты. В них — до поры до времени — ничего не лежит.

В каждое из трёх мест может быть положено некоторое содержание. Некоторое — значит любое, но с теми ограничениями, которые накладывают функциональные условия.

На схеме таких условий тоже три:

— Рамка;
— Рефлексивная позиция;
— Иной.

При работе с составом и структурой функциональные условия можно каждый раз не изображать. Но о них необходимо помнить. Они не исчезают только потому, что мы стёрли значки с доски.

Итак, дано: три ПФМ и три условия их связывания, наполнения и постановки в отношения друг с другом. Отношения могут устанавливаться не только между разными элементами. Возможны отношения элемента к самому себе, множественные связи между элементами, прямые и обратные отношения. Но всё это пока только возможно-

сти. Оставим интерпретацию связей и отношений для следующих шагов. Сейчас будем пользоваться простейшими, почти математическими формами.

Между тремя элементами можно задать:

А) последовательную связь: 1–2–3, 1–3–2, 3–2–1, 2–1–3 и т. д.;

Б) полный граф, в котором каждая из трёх вершин связана с двумя другими.

Последовательные связи можно выделить внутри полного графа, поэтому начнём с него.

Только не будем приписывать графу лишнего. Полный граф из трёх вершин показывает три возможные попарные связи. В нём ещё нет направлений, петель, обратных связей и множественных отношений. Всё это придётся вводить отдельно — если понадобится.

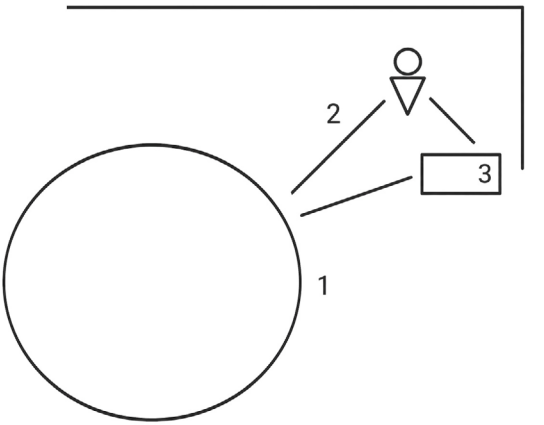

Рисунок 19. Упрощение структуры деятельности познания (Схема 12)

Элементы состава взяты не с потолка. Они абстрагированы из предыдущего рассуждения. Поэтому соотнесём новую схему со схемой 10.

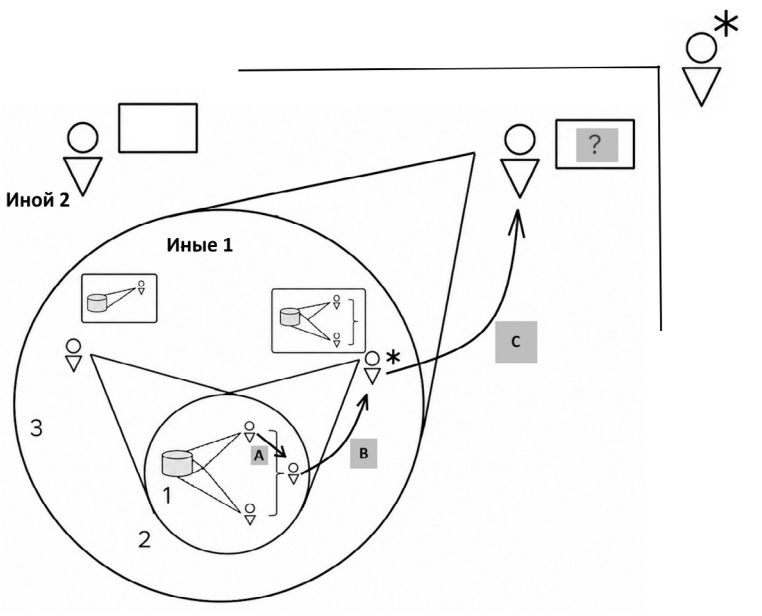

Рисунок 20. Исходная схема (10), которая была упрощена до вида схемы 12

На схеме 10 даны:

— Мир, или объект №3;
— познающая и деятельная позиция (помним, что объединение познания и деятельностного отношения в рассуждении выражено 11-м тезисом Маркса, который в перефразированном виде звучит: «Раньше … лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Поэтому мы не торопимся называть эту позицию философом, учёным, инженером или методологом, хотя методологом было бы оправдано);
— табло сознания, на котором представлена картина мира или объекта.

Пока схема структуры состоит только из трёх ПФМ, не наполненных никаким содержанием, и простейших связей и отношений, исследуем возможности этой схемы и её отличия от всех предыдущих философских, научных, инженерных схем. Исследуем, задавая вопросы к схеме структуры, выясняя то, что в ней уже есть, и чего в ней нет.

1. Чем эта схема отличается от субъект-объектной?

Эта схема отличается от всех предшествующих философских, научных, инженерных и даже методологических схем, включая схемы, которыми пользовались Маркс, Ленин, Томас Кун, Пол Фейерабенд, Имре Лакатос, Вячеслав Стёпин, и даже Карл Поппер до 1967-го года. Все их схемы были бинарными вариациями субъект-объектной схемы, где есть познаваемый объективный мир и некто, познающий этот мир. Уловки диалогизма, подставляющие вместо объекта Иного субъекта, не меняли формальной математической сути схемы.

Маркс ввёл в субъект-объектное отношение третий компонент — деятельность, опосредующую и познание, и преобразование мира, но не развернул эту конструкцию в специальный схематический метод.

В 1967 году Карл Поппер предложил другой вариант трёхчастной конструкции — концепцию трёх миров:

Мир 1 — физические объекты и физические состояния;

Мир 2 — состояния сознания, психические процессы и диспозиции к действию;

Мир 3 — объективное содержание мышления: теории, проблемы, аргументы, произведения искусства и другие продукты мысли[46].

---

46 Карл Поппер, «Эпистемология без познающего субъекта», доклад 1967 года, опубликован в 1968 году.

Поппер считал все три мира реальными. Но их реальность различна. Они возникают в разное время, обладают относительной автономией и взаимодействуют друг с другом.

В Московском методологическом кружке трёхмирные, а не дуалистические, схемы использовались уже в 1960-е годы.

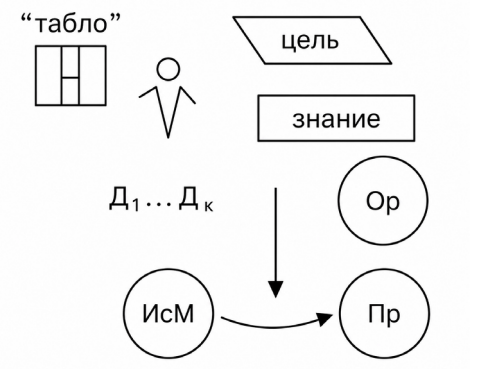

Рисунок 21. Схема акта деятельности (один из вариантов зарисовки)[47], или деятельностная версия познавательной деятельности, формально отображённой в схемах 10 и 12

СМД-схема и миры Поппера возникли независимо, в разных интеллектуальных культурах и решают разные задачи. Поэтому дальше я буду пользоваться следующим рабочим соответствием:

— Мир 1 Поппера — объект или мир; в нашей схеме сюда же могут быть положены частные объекты (любой из трёх объектов, которые я обсуждал выше — №1, №2 или №3), полученные в процедурах распредмечивания;
— Мир 2 Поппера — деятельная позиция;
— Мир 3 Поппера — табло сознания.

47 Анналы ММК 1971. Москва, 2007 — С.78

Но это именно проекция, а не тождество.

Мир 2 Поппера — не позиция в СМД-смысле. Это мир психических состояний. Позиция же представляет собой функциональное место в деятельности. В ней может находиться человек, группа, организация, машина — кто или что угодно, способное выполнять определённую функцию.

Точно так же Мир 3 Поппера — не табло сознания. Это относительно автономный мир объективированных содержаний мысли. Табло сознания — рабочее место, на котором содержания представлены, сопоставлены, перестроены и превращены в средства мышления. Если ограничиваться познавательной деятельностью, табло сознания можно было бы назвать онтологией или картиной мира. Но в СМД-методологии оно устроено сложнее.

Принципиальное различие особенно заметно в употреблении категории «сознание». У Поппера состояния сознания помещены во второй мир. В нашей схеме сознание появляется в названии третьего элемента — «табло сознания». У Поппера сознание имеет онтологический и метафизический смысл: он прямо утверждает реальность мира психических состояний. В СМД-методологии дело обстоит иначе. «Табло сознания» — не особая психическая субстанция и не место внутри головы. Это функциональная конструкция, «рабочая поверхность» мышления. Метафорически говоря, табло сознания существует не внутри сознания, а на доске. Хотя доска, разумеется, тоже может оказаться внутри сознания. Философский налог с метафоры всё равно придётся заплатить.

Противоречия между Поппером и СМД-схемой не исчезают автоматически. Но они могут быть соотнесены и переработаны в системном подходе. Пока достаточно зафиксировать: и Поппер, и СМД-методологи пришли к трёхчастным схемам, но разными путями.

2. С какого элемента начинать читать схему?

Функциональное условие рефлексивности требует определить порядок чтения, разбора и интерпретации схемы. Иначе говоря — выбрать начало. С какого из трёх элементов графа нужно начинать?

В бинарной субъект-объектной схеме вопрос о начале выражался в споре о первичности объекта (материи) или субъекта (сознания). Отсюда конфликт материализма и идеализма, который так занимал раннего Маркса и до сих пор некоторыми философами и обывателями считается основным вопросом философии.

Я считаю эту проблему ложной. Она возникает из преждевременного наполнения ПФМ содержанием. Одному из мест заранее приписывают самостоятельное бытие, после чего начинают выводить из него всё остальное. Но на нашем нынешнем шаге все три элемента — ПФМ. Поэтому вопрос о том, какой из них существует сам по себе, пока бессмысленен. Мы ещё не положили в схему ничего такого, что могло бы существовать самостоятельно или зависеть от другого.

Правда, для Поппера этот вопрос не праздный. Его миры имеют порядок возникновения: физический мир, затем психическая жизнь, затем объективированное содержание мысли. При этом Мир 3, будучи созданным людьми, приобретает относительную автономию от породивших его психических состояний.

Именно поэтому обозначение второго ПФМ как «позиции», а не «сознания» — принципиальное отличие СМД-схемы от схемы Поппера. Позиция не возникает из объекта и не хранится внутри табло сознания. Она задаётся в системе деятельности.

3. Отображает ли схема саму себя?

Функциональное условие рефлексивности выводит нас на ещё один вопрос: об авторефлексивности элементов.

Если третье ПФМ в дальнейшем будет интерпретировано как картина мира или табло сознания, возникает резонный вопрос: отображается ли на табло сознания само табло сознания? И, в развитие этого вопроса, следующий: может ли на табло сознания быть представлена вся трёхчастная схема, включая само табло?

Табло сознания предназначено для представления двух других элементов схемы — мира и позиции. Допустим, оно способно представить также само себя. Но как табло сознания представлено в мире и в позиции? И вообще: одинаково ли три элемента отображаются друг в друге?

Ответить на эти вопросы, оставаясь внутри пустого графа, невозможно. Придётся привлекать материал, накопленный философией, наукой и методологией ко второй половине XX века. По мере наполнения ПФМ содержанием будут появляться и версии ответов. Пока же зафиксируем сами вопросы.

4. Откуда берётся вариативность наполнения?

Мы утверждаем, что ПФМ могут наполняться любым содержанием, если выполняются функциональные условия. Но откуда возьмётся «любое содержание», если с конкретным табло сознания работает конкретная позиция, а объём доступного ей знания всегда ограничен? Вариативность обеспечивается двумя функциональными условиями: существованием Иного и наличием рамки.

Иной — условие существования деятельной позиции. Он напоминает, что ни одна позиция и ни одна картина мира не исчерпывают всех возможных позиций и картин.

Здесь возникает соблазн сослаться на теоремы Гёделя о неполноте. Первая теорема говорит, что достаточно сильная непротиворечивая формальная система, в которой представима арифметика, будет неполна: в ней су-

ществуют утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть её средствами. Вторая утверждает, что такая система не может доказать собственную непротиворечивость, оставаясь внутри себя[48].

Понятно, что теоремы Гёделя не дают математического доказательства необходимости Иного, позиция Иного вводится в нашу схему методологически, а не выводится из арифметики. Но теоремы Гёделя служат здесь сильной аналогией: ни одна замкнутая система не располагает достаточными средствами для работы с собственными основаниями. Введение Иного не решает второй проблемы Гильберта[49], оно решает другую задачу: удерживает

---

48 *Доказательство теорем Курта Гёделя о неполноте (1931) (1. Если формальная арифметика непротиворечива, то в ней существует такая истинная формула, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть внутри самой этой системы; 2. Никакая непротиворечивая система аксиом не способна доказать свою собственную непротиворечивость с помощью тех же логических средств, которые в ней заложены) разрушило надежду математиков (программу Гильберта) создать единую, исчерпывающую и абсолютно надежную систему аксиом для всей науки, где любая истина выводится автоматически. Теоремы Гёделя стали также аргументом в пользу того, что человеческое мышление и познание шире любых жестких алгоритмов или формальных языков (пределы формализации) и отказа от абсолютной консистентности: никакая замкнутая система взглядов (включая философские или научные теории) не может полностью обосновать сама себя изнутри без обращения к чему-то внешнему или интуитивному. — Прим. ред.*

49 *«Вторая проблема Гильберта» входит в список 23 математических задач, которые Давид Гильберт поставил в 1900 году в Париже на II Международном Конгрессе математиков. Проблема звучит так: противоречивы или нет аксиомы арифметики? Одним из решений этой задачи является работа Гёделя, который доказал, что непротиворечивость аксиом арифметики нельзя доказать, исходя из самих аксиом арифметики (если только арифметика не является на самом деле противоречивой), однако до сих пор среди математического сообщества нет консенсуса относительно того, решена задача или нет. — Прим. ред.*

возможность внешней позиции относительно всякой конкретной схемы.

Второе условие — **Рамка**.

Рамка определяет границы мира, взятого в рассмотрение, и деятельностное отношение к нему. Проводя границу, рамка одновременно указывает на то, что осталось за её пределами. Возможность неизвестного должна присутствовать в самой организации схемы.

Иной обозначает возможность другой позиции.

Рамка — возможность другого мира за пределами рассмотрения.

5. В каких планах нужно анализировать структуру?

Для этой структуры я предлагаю три формальных плана анализа:

— пространственно-временной;
— модальный;
— интенсивный, интенсионально-экстенсиональный и интенциональный.

Это не три свойства, автоматически принадлежащие любой структуре. Это три языка, которыми мы будем её испытывать. Чем меньше в схему положено содержания, тем легче развести эти планы. Содержательная структура быстро навязывает готовое пространство и время, заранее сужает набор модальностей и подталкивает к реификации. Поэтому, пока схема лежит на доске в почти опустошённом виде, посмотрим, что позволяют эти три плана.

А). Пространственно-временной план

Его можно анализировать как минимум в трёх языках.

Первый — физический пространственно-временной континуум. В теории относительности пространство-время моделируется как четырёхмерное

многообразие с метрической структурой. Пространственные расстояния и временные интервалы образуют единую конструкцию. Этот язык позволяет спрашивать о расстояниях, длительности, непрерывности, направлении и порядке событий. Но, пользуясь им, мы уже вносим в схему серьёзные содержательные требования. Не всякий мир, позиция или содержание табло существуют в физическом пространстве-времени одинаковым образом.

Второй язык — топика и топология. Здесь необходимо сразу развести термины. Аристотелевская топика — учение о «местах», откуда извлекаются аргументы, общих основаниях, на которых строится рассуждение. Математическая топология — знание о свойствах пространств и объектов, сохраняющихся при непрерывных преобразованиях. Это не одна историческая дисциплина. Их связывает наш методологический интерес к месту, границе, окрестности, переходу, непрерывности и инварианту.

В топологическом анализе расстояние может не иметь значения. Важно, какие области связаны, где проходят границы, что остаётся непрерывным при преобразованиях. Но из топологии не следует, что места обязательно дискретны, а объекты непрерывны. Существуют и дискретные топологии, и пространства, в которых привычный образ целого объекта вообще не работает.

Третий язык — хронотоп Михаила Бахтина. У Бахтина хронотоп — смысловая взаимосвязь времени и пространства в литературном произведении. Пространство становится событийным, время — конкретным и почти зримым[50]. Я использую этот концепт шире, чем Бахтин.

---

50 *О бахтинском понимании хронотопа см.:* Wang H. The Chronotopes of Encounter and Emergence // Journal of Curriculum Theorizing. —

Нас интересует не только физическое расположение элементов, но и событийные места: порог, дорога, встреча, разрыв, переход. Время здесь организовано не просто длительностью, а событиями, а пространство — значениями и возможностями действия. Это уже наша методологическая интерпретация хронотопа, а не пересказ бахтинского определения.

Полный анализ пространственно-временной организации трёх ПФМ нельзя построить только в одном языке. Придётся комплексировать все три и переключаться между ними по мере возникновения задач.

Б). Модальный план

В современной модальной логике различают несколько типов модальности[51]:

- Алетическая модальность касается возможного, необходимого, невозможного и случайного;
- Деонтическая — обязательного, разрешённого и запрещённого;
- Эпистемическая — известного, предполагаемого и неизвестного.

В системном анализе слово «модальность» употребляется ещё шире — как способ данности, регистр описания или набор характеристик, в которых мы рассматриваем объект. Но это расширенное употребление не надо выдавать за специальную математическую категорию. Иначе слово остаётся тем же, а операция незаметно меняется.

Есть также сенсорные модальности: зрительная, слуховая, тактильная и т. д. Мы видим мир в цвете. Но цвет нельзя целиком приписать ни предмету, ни зрительному

2009. — Vol. 25, No. 1. — P. 1–5. — DOI: 10.63997/jct.v25i1.35

51 *Георг Хенрик фон Вригт обсуждал эти модальности в работе 1951 года (von Wright, G. H. An Essay in Modal Logic.* — Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1951) и стал одним из основателей современной деонтической логики.

анализатору. Он возникает в отношении между спектральными характеристиками света, поверхностью предмета, условиями наблюдения и устройством зрения. Такой пример хорошо показывает, зачем вообще нужен модальный анализ: разные характеристики располагаются не в одном элементе схемы, а в отношении между ними.

При переходе от алетического вопроса «что возможно и необходимо?» к деонтическому «что должно и разрешено?» полезны гуссерлевские операции эпохé и редукции. Не как требования деонтической логики, а как методологический приём: мы временно приостанавливаем суждение о том, «как всё обстоит на самом деле», чтобы не подменить должное существующим.

От алетической установки избавиться труднее. Мы постоянно хотим выяснить, как оно там на самом деле, и объявить: «На самом деле всё обстоит вот так». Объявлять можно. Но следует понимать цену модального суждения и знать, из какой позиции оно произведено.

Нельзя игнорировать и лингвистическую модальность — выраженное в языке отношение говорящего к сообщению: уверенность, сомнение, возможность, необходимость, желательность.

В анализе табло сознания семантические категории становятся особенно важны. Именно на табло сознания нечто дано не только как существующее, но и как возможное, должное, воображаемое, предполагаемое или запрещённое.

В). Интенсивность, интенсиональность, экстенсиональность и интенциональность

Это самый трудный план. Во многом потому, что термины слишком похожи и слишком хорошо определены в разных дисциплинах. Созвучие приглашает свести их воедино. Но это приглашение с подвохом.

В физике интенсивные характеристики не зависят от размера системы, а экстенсивные меняются вместе с количеством вещества или масштабом системы. Температура интенсивна, объём экстенсивен. В логике и семантике интенсия выражения связана с его смысловым содержанием, экстенсия — с множеством предметов или значений, к которым оно применимо. Фреге разрабатывал различение смысла и значения, Карнап — метод интенсии и экстенсии[52]. В феноменологии интенциональность означает направленность сознания на нечто. У схоластов различались первые и вторые интенции: понятия, направленные на вещи, и понятия, направленные на другие понятия.

Нас интересуют сразу несколько характеристик структурных отношений:

— направленность;
— сила воздействия;
— объём охватываемого содержания;
— обратимость;
— способность одного элемента определять другой.

Но эти характеристики нельзя объединить одним обобщающим понятием, при анализе придётся комплексировать несколько предметных представлений:

— физические представления о взаимодействии и сохранении;
— логико-семантические различения Фреге и Карнапа;

---

52 См.: Fitting M. Intensional Logic // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Winter 2022 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2022; Leitgeb H., Carus A. Rudolf Carnap. Supplement F: Semantics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Spring 2023 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2023.

— понятие интенциональности у Гуссерля;
— схоластическое учение о первых и вторых интенциях.

Все три ПФМ должны быть поставлены в направленные отношения друг к другу. Именно это, а не наличие человеческого намерения в каждом элементе, я дальше буду называть их интенциональной установкой. Такое употребление шире феноменологического и должно быть оговорено. Третий закон Ньютона можно использовать здесь как наглядную аналогию взаимного действия: воздействие одного тела связано с противодействием другого. Но только как аналогию, из закона Ньютона не следует, что мир, позиция и табло сознания воздействуют друг на друга с равной силой. Тем более он не доказывает и не фальсифицирует их интенциональность.

Мы пока можем постулировать наличие прямых и обратных отношений. Их сила, характер и симметричность должны выясняться после наполнения ПФМ содержанием. Разные по природе системные элементы могут воздействовать друг на друга совершенно по-разному, на то они и разные.

6. Как соотносятся структура объекта и структура модели?

Любая схема — модель некоторой структуры, а не сама моделируемая структура. Обозначим моделируемую структуру как сСс1. Но схема сама обладает составом и структурой. Структуру модели обозначим как сСс2.

Символ сСс означает: состав — структура — система. Выделенная средняя буква указывает на акцент на структуре, хотя состав и система никуда не исчезают. Индекс 1 относится к структуре, которую мы моделируем. Индекс 2 — к структуре модели, с помощью которой мы её анализируем.

Мы исследуем cCc2, а результаты переносим на cCc1. Какие результаты переносить допустимо? Какие появляются только в модели? Наивное чтение структурализма отождествляет cCc1 и cCc2. Такое отождествление десятилетиями было продуктивно и до сих пор не исчерпало своего потенциала. Оставим в качестве рабочего афоризма тезис: «Мир повторяет структуру языка». Но повторение не есть тождество. Язык описывает мир в собственной структуре и тем самым строит его модель. С другой стороны, мир дан нам в языках — естественных и искусственных, включая язык схем и моделирования. Поэтому мы постоянно обнаруживаем в мире то, что предварительно внесли в способы его описания.

Дело не в абстрактной метафизической проблеме истинности моделей. Вопрос технический: что в модели cCc2 действительно воспроизводит cCc1, а что существует только в нашей конструкции?

Модель и моделируемый объект связаны в комплекс. Эту связь можно уподобить комплексному числу, имеющему действительную и мнимую части. Геометрическую интерпретацию комплексных чисел развивал Карл Фридрих Гаусс. Но «мнимая» здесь не означает ложная или несуществующая. Это часть конструкции, которая не обнаруживается в объекте как готовая вещь, но без которой мы не можем с объектом работать.

Философия никогда полностью не исключала воображение из познания. Но позитивистская гносеология часто пыталась отбрасывать всё сконструированное как субъективную примесь. В этом отношении интересна история Венского кружка, когда в борьбе с метафизикой пытались пользоваться в рассуждениях только протокольными суждениями, которые исключали бы все имагинативные

элементы и языковые игры. Эти попытки сами оказались всего лишь языковыми играми.

В XX веке продуктивная роль воображения стала одной из самостоятельных тем философии и социальных наук. Термин «имагинативный абсолют» принадлежит Якову Голосовкеру. Он рассматривал воображение не как производство произвольных выдумок, а как силу создания культурных смыслов. Бенедикт Андерсон показал политическую реальность воображаемых сообществ. Уильям Айзек Томас и Дороти Суэйн Томас сформулировали принцип: ситуации, определённые людьми как реальные, реальны по своим последствиям. Роберт Мертон развернул этот принцип в концепцию самоисполняющегося пророчества.

Особенно наглядно комплексность модели и объекта проявляется в инженерии. Инженерная конструкция сначала существует как то, чего в природе ещё нет: замысел, чертёж, схема, расчёт. Затем она перестраивает материал мира и становится реально существующим объектом. Воображаемая часть не отбрасывается. Она входит в действительную.

Но проблема конгруэнтности cCc1 и cCc2 остаётся. Всякий раз приходится устанавливать степень подобия модели и моделируемой реальности, начиная с топологического инварианта, через промежуточные инварианты, в стремлении получить в идеале метрический инвариант. Пока приближение к идеалу возможно только при моделировании физических явлений, да и то не всех. При моделировании явлений микромира приходится считаться с принципами дополнительности и неопределённости.

7. Почему структуры не выходят на улицы?

Фраза «структуры не выходят на улицы» стала одним из лозунгов полемики вокруг структурализма после собы-

тий мая 1968 года[53]. Этот спор сильно подорвал самоуверенность структурализма, но не обесценил его достижений.

Разрыв между сСс1 и сСс2 невозможно преодолеть в пределах чистого структурного описания. Структура модели не превращается в структуру мира только потому, что мы нарисовали между элементами убедительные стрелки. Переход требует системного подхода — ссС (акцент на системе).

Системный подход начинается с интерпретации структуры: её состава, связей и отношений. Интерпретируется вся прегнантная структура, каждый элемент, каждая связь и каждое отношение. В СМД-методологии принято работать как минимум с пятью типами интерпретаций. Каждый элемент, связь и отношение можно интерпретировать как:

— процесс;
— функцию;
— материал;
— организованность материала, или морфологию;
— опредмеченную связь или отношение.

---

53 *Фраза «Структуры не выходят на улицы» — знаменитый антиструктуралистский лозунг, появившийся во время студенческих бунтов в Париже в мае 1968 года. Эту фразу написали на доске в Сорбонне как упрек философам-структуралистам (таким как Клод Леви-Стросс, Мишель Фуко, Жак Лакан), чей подход казался слишком безличным, сводящим человека к функции или языку. Лозунг означал: историю делают живые люди на баррикадах, а не абстрактные научные структуры. Жак Лакан вступил в публичный спор с этим лозунгом, заявляя, что майские события 1968 года показали как раз выход на улицы самих структур. По его мнению, бунтующие студенты действовали по законам бессознательного и языка, и сам протест был глубоко структурирован, даже если участники этого не осознавали. — Прим. ред.*

Когда мы говорим об объекте любого из трёх типов на схеме 6, мы имеем дело с ПФМ объекта. После наполнения содержанием объект может предстать:

— как процесс;
— как функция;
— как материализованный предмет;
— как форма организации материала;
— как опредмеченные связи и отношения, которые тоже кладутся на рабочую доску мышления в качестве объектов.

То же необходимо проделать со структурными связями и отношениями. В структуре они формальны. Без интерпретации мы не знаем, обозначает ли линия процесс передачи, функциональную зависимость, материальное соединение, морфологическую границу или опредмеченное отношение. Это хорошо видно при сопоставлении принципиальной и монтажной электрических схем. Первая показывает функциональную организацию устройства, вторая — какие детали с чем и как должны быть физически соединены.

Самая большая трудность для тех, кто не владеет системным языком, — интерпретация формальных структурных связей как связей и отношений системы. Но это уже дело техники и обучения.

Прежде чем приступать к системной интерпретации, проинвентаризируем то, что мы выяснили из анализа простейшей структуры на схеме 12, то, что мы готовы ввести в дальнейшую работу как принципы и проверяемые гипотезы.

Рабочие принципы дальнейшей интерпретации

Реальность — принцип относительной автономии и параллельности. Мы будем рассматривать все три элемента как кандидатов на статус реальности. Объ-

ект, позиция и объективированное содержание на табло сознания существуют по-разному и подчиняются разным способам организации. Ни один из них нельзя без остатка вывести из двух других. Но автономия не означает абсолютной независимости. Если между мирами нет взаимодействия, трёхчастная схема рассыпается на три несвязанные картинки. Отношение параллельности означает относительную самостоятельность, а не взаимную изоляцию.

Тринитаризм — принцип дополнительности. Три ПФМ будут интерпретироваться как три взаимодополнительных плана одного Универсума. В самом грубом приближении объектный мир тяготеет к алетической модальности, позиция — к деонтической, табло сознания — к эпистемической. Но ни один мир не заперт в одной модальности. Это не распределение ведомств, а первая ориентировка.

Рефлексивность — принцип подобия и взаимного представления. Мы предполагаем, что каждый элемент может быть представлен в двух других и в самом себе. Но это пока не установленный факт, а требование к будущей системной интерпретации. Представление одного мира в другом не обязано быть инвариантным. Оно проходит через упрощения, аналогии, модели и преобразования — от сохранения топологических отношений до попыток метрического соответствия.

Интенциональность — принцип направленности отношений. Каждый из трёх элементов будет рассматриваться в направленных отношениях с двумя другими. Миры не просто представлены друг в друге. Они могут обусловливать изменения друг друга — каузально, функционально и телеологически. Причина события или цель действия может располагаться в другом ПФМ. Но это

должно быть показано на содержательном материале, а не прочитано по направлению стрелки.

Комплексность — принцип соединения действительной и мнимой частей. В каждой системной интерпретации необходимо удерживать различие между моделируемой структурой и структурой модели. То, что внесено воображением, языком, схемой и проектом, не следует автоматически считать ошибкой. Но и выдавать конструкцию за уже существующее устройство объекта нельзя.

Этого пока достаточно. Теперь можно приступать к наполнению всех ПФМ содержанием и интерпретировать их как элементы системы.

Но сначала придётся обсудить инструменты этой работы.

Глава 7.
Семиотика и логика в построении картин мира

От пустого функционального места к его содержательному наполнению — Разведение объекта, позиции и содержания знания как трёх разных функциональных мест — Различение высказывания о мире и самого мира — Рефлексивное различение акта мышления и его знакового содержания — От Декарта и Гуссерля к разведению мыслящей позиции, предмета и объективированного содержания мысли — Распределение содержания по «трём мирам Поппера» — Переход от формальной схемы к содержательно наполненной методологической картине мира.

Прежде чем заполнять ПФМ содержанием, необходимо выяснить, как это делается. Предположим, что некое ПФМ подлежит заполнению содержанием, и договоримся считать его подлежащим. Обозначим это подлежащее символом А.

Существует некоторое множество возможных содержаний, из которого мы выбираем то, чем собираемся заполнить пустое место. Обозначим это множество через Х. Оно может быть пустым, может содержать один элемент, несколько элементов или бесконечное их количество.

Здесь лучше сразу не путать обозначения. Ноль, единица, конечность и бесконечность характеризуют количество возможных наполнений, а не сами наполнения. Если множество Х пусто, выбирать пока не из чего. Если в нём один элемент — выбор предопределён. Если элементов несколько — приходится выбирать. Если их бесконечно мно-

го — приходится ещё и ограничивать само пространство выбора.

Выбранный элемент обозначим x_a, где $x_a \in X$[54]. Заполнение ПФМ можно тогда записать так:

$A \leftarrow x_a$[55]

Но я ведь не собираюсь превращать этот текст в учебник математической логики. Если перейти от записи операции к форме суждения, на обычном языке получится:

А есть x_a[56]

На схеме 13 множество возможных наполнений обозначено X_n. Индекс n здесь не следует понимать слишком строго — это лишь напоминание о множественности. Математики меня, надеюсь, простят. Если нет — пусть предложат обозначение лучше, но желательно без ещё одной главы предварительных объяснений.

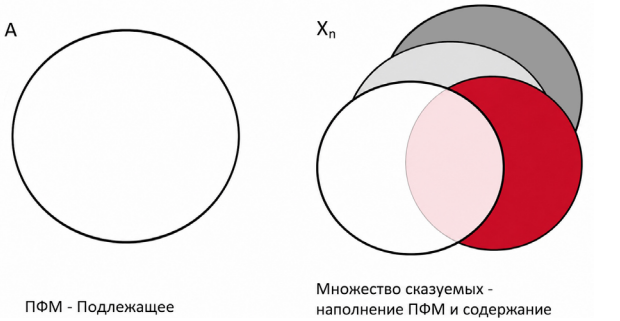

Рисунок 22. Топологическое представление простейшего суждения номинации (Схема 13)

---

54 *Элемент x_a принадлежит множеству X — Прим.ред.*

55 *Запись $A \leftarrow x_a$ означает присваивание переменной или объекту A значения x_a, где стрелка влево (←) выступает в роли оператора присваивания, часто используемого в математике, псевдокоде и алгоритмах. — Прим.ред.*

56 Но эти две записи обозначают не одно и то же. $A \leftarrow x_a$ показывает операцию заполнения места. «А есть x_a» — уже высказывание, в котором x_a сказывается об А. — Прим. авт.

Поскольку ПФМ в нашем случае является элементом структуры cCc2, то есть элементом модели, мы можем выбирать знаковый материал, которым эта модель описывается. В жанре данного текста предпочтительнее пользоваться живым языком с обычной грамматикой: в ней уже снята достаточная для нас логика. К другим языкам я буду прибегать лишь в особых случаях — скорее для иллюстрации и самопроверки.

Даже тогда, когда мы попадаем в область логических и теоретико-множественных парадоксов, выражать их можно словами обычного языка. Античные апории именно так и поступали с проблемами движения, бесконечности и делимости. Теории множеств в современном смысле у греков, конечно, не было. Но умение загнать мысль в ловушку с помощью нескольких обыкновенных слов уже было.

Так же устроен и парадокс Греллинга — Нельсона, сформулированный в 1908 году[57]. Он родственен парадоксу Рассела[58], но не является простым переводом последнего на язык грамматики. Прилагательное называется автологическим, если само обладает свойством, которое обозначает. Например, слово «русское» — русское, а слово «многосложное» — многосложное. Слова «немецкое» и «односложное», написанные по-русски, соответствующими свойствами не обладают. Их называют гетерологиче-

---

57 Cantini A., Bruni R. Paradoxes and Contemporary Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Summer 2025 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2025.

58 *Имеется в виду широко известная антиномия математической логики, обнаруженная Бертраном Расселом в 1901 году. Она выявляет противоречие в наивной теории множеств, допускающей неограниченное образование множеств по заданному свойству: если рассмотреть множество всех множеств, не содержащих самих себя в качестве элемента, то вопрос о том, принадлежит ли это множество самому себе, приводит к противоречию. — Прим.ред.*

скими. А теперь вопрос: слово «гетерологическое» само является гетерологическим или автологическим? Если оно гетерологическое, значит, оно не обладает обозначаемым им свойством — следовательно, оно автологическое. Но если оно автологическое, то обладает обозначаемым свойством — следовательно, оно гетерологическое. Обычный язык справляется с производством парадоксов ничуть не хуже специального. Иногда даже лучше: специальный язык хотя бы заранее предупреждает, где спрятана ловушка.

В работе с нашей моделью сСс2 мы имеем дело, во-первых, с конечным множеством из трёх ПФМ — трёх МП[59]. Во-вторых, для каждого из них существует множество допустимых наполнений. Эти множества могут пересекаться, меняться и сами становиться предметом анализа. Но отсюда ещё не следует, что мы уже угодили в парадокс Рассела. Множество множеств — совершенно обычная математическая конструкция. Расселовская проблема возникает только при особом условии самоприменения: когда строится множество всех множеств, не содержащих самих себя, и затем ставится вопрос, содержит ли оно само себя.

Нам эта опасность грозит, но пока она ещё не наступила.

Мы не занимаемся математикой и не строим новую логику. Мы вводим необходимые представления, позволяющие описывать методологическую картину мира. С одной стороны, без специальных терминов, понятий и схем нам не обойтись. С другой — их нужно минимизировать и по возможности пользоваться обычным языком, со всей его многозначностью и неопределённостью. Многозначность — не только недостаток языка. Это ещё и ресурс мышле-

---

59 *Имеются в виду переинтерпретированные «миры Поппера» (см. Главу 6). — Прим.ред.*

ния. Но за использование этого ресурса приходится платить логической дисциплиной.

Итак, для трёх ПФМ нашей модели, подлежащих заполнению, имеется огромное и весьма неопределённое множество сказуемых. Из него мы можем выбирать то, что хотим сказать о подлежащем. Выбрав одно из множества сказуемых и соотнеся его с подлежащим, мы получаем содержательное высказывание, а в модели — содержательно наполненный элемент.

Например:

Мир есть вечно живой огонь.

Или:

В действительности существуют атомы и пустота.

Первое высказывание напоминает фрагмент Гераклита о космосе как «вечно живом огне»[60]. Второе — атомистическую формулу, связанную с Левкиппом и Демокритом[61]. Оба высказывания похожи на то, что говорили древние философы, занимавшиеся тем, что «лишь объясняли мир».

Сказуемые мы взяли из множества возможных наполнений X. Подлежащее, о котором они сказываются, названо словом «мир». Но в нашей модели целых три мира — 1МП, 2МП и 3МП. Куда же положить то, что древние философы сказывали о мире? Пока все МП оставались пустыми, мы решали, любое ли содержание можно поло-

---

60 *О фрагменте B30 Гераклита см.:* Graham D. W. Heraclitus // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Winter 2023 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2023.

61 *Об античном атомизме см.:* Berryman S. Democritus // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Summer 2026 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2026.

жить в каждое из трёх ПФМ. И установили: поскольку места функциональны, существуют условия, допускающие или не допускающие то или иное наполнение.

Мы уже оговорили функциональное назначение каждого ПФМ. Но ещё раз напомним, как мы сопоставляли миры Поппера и «миры» в интерпретации СМД-методологии.

У Поппера:

- мир 1 — физические тела, состояния и процессы;
- мир 2 — психические состояния, переживания, мысли и акты;
- мир 3 — объективированные продукты человеческого мышления: теории, проблемы, тексты, произведения искусства, проекты и тому подобное[62].

В нашей рабочей СМД-интерпретации:

- 1МП — объект, или объект-мир;
- 2МП — деятельная и мыслящая позиция;
- 3МП — табло сознания, на котором развёрнуто содержание мышления.

Теперь вернёмся к нашим высказываниям. Как физические звуки, чернильные следы или электронные сигналы они имеют воплощение в 1МП. Как акты произнесения и понимания они совершаются в позиции — во 2МП. Как содержание, которое можно повторить, обсуждать, оспаривать и передавать другим, они размещаются в 3МП — на табло сознания.

---

62 *О «трёх мирах» Поппера см. лекцию, прочитанную в Мичиганском университете 7 апреля 1978 года:* Popper K. R. Three Worlds // *The Tanner Lectures on Human Values* / ed. by S. M. McMurrin. — Vol. 1. — Salt Lake City: University of Utah Press; Cambridge: Cambridge University Press, 1980. — P. 141–167; а также: Поппер К. Р. Объективное знание: Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. — М.: УРСС, 2002.

Нас сейчас интересует именно последнее. Поэтому высказывания Гераклита и атомистов мы кладём на табло сознания. Там они легко помещаются рядом как два различных объяснения мира. Более того, на табло могут сосуществовать высказывания, которые взаимно исключают друг друга. Табло сознания от этого не взрывается. Иногда даже философская кафедра не взрывается, хотя тут гарантировать ничего нельзя.

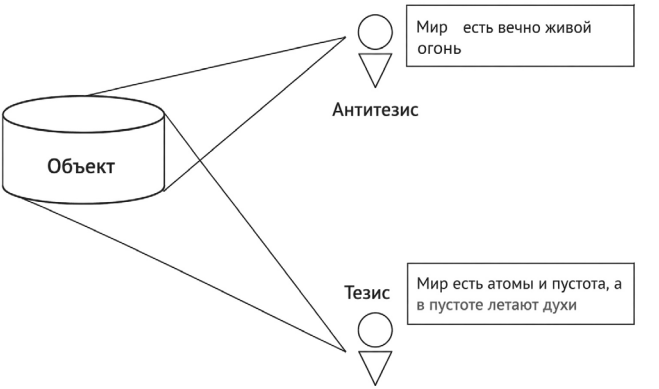

Рисунок 23. Разные представления об объекте — повод для спора (Схема 14)

На схеме 14 один объект соотнесён с двумя позициями и двумя различными представлениями о нём. Попробовав же наполнить этими высказываниями сам объект — 1МП, — мы сталкиваемся с трудностями. Если оба тезиса понимаются как исчерпывающие и взаимоисключающие определения мира в одном и том же отношении, то мир не может быть одновременно огнём и атомами в пустоте. Гераклит противоречит атомистам. Правда, противоречие легко снять — или сделать вид, что оно снято. Можно объявить сам огонь особой конфигурацией атомов и пустоты. Тогда одно высказывание поглощается другим: атомизм

становится основным языком, а «огонь» — названием одного из состояний атомистически устроенного мира.

Так можно развлекаться с объектами № 1 очень долго. Но это не теоретико-множественный парадокс. Высказывания не перестают быть элементами одного множества только потому, что одно интерпретируется средствами другого. Здесь произошло нечто иное: изменился их логический статус. Одно высказывание стало предметом интерпретации, другое — языком интерпретации. Если этого перехода не заметить, возникнет путаница уровней. А уже из неё можно изготовить и парадокс, и антиномию, и диссертацию.

К Канту нас возвращает не сомнение в возможности априорных синтетических суждений[63]. Кант как раз утверждал, что они возможны, и спрашивал — как. Нас возвращает к нему проблема антиномий: разум, пытаясь без достаточных оснований говорить о мире как о законченном целом, способен обосновать несовместимые утверждения.

Если превратить это ограничение в окончательный запрет на знание, получим агностицизм. Сам по себе агностицизм не страшен. Ну, не знаем мы чего-то и, возможно, никогда не узнаем. Однако, превращённый в универсальную установку, он ведёт к бесконечным спорам о тезисах и антитезисах, несовместимых в одном объекте. То есть к тому, чем философы занимались со времён древних софистов и чем некоторые успешно занимаются до сих пор. Но пусть так. Софистика и схоластика достойны внимания, какие бы глупости ни говорили отдельные софисты и схоласты. Глупость тоже бывает исторически продуктивной.

---

63 *Кант об априорных синтетических суждениях*: Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Сочинения : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. — М. : ЧОРО, 1994. — Т. 4. — С. 5-152

Итак, мы не можем положить высказывание «Мир есть огонь» в 1МП просто потому, что оно грамматически оформлено как утверждение о мире. Высказывание — ещё не объект. Оно является содержанием знания и занимает место в 3МП. Чтобы перенести его в объект, требуется специальная операция объективации и основания для неё. Нужно не просто произнести «так есть», а взять на себя ответственность за это «так».

Мы знаем, что существует высказывание «Мир есть огонь». Знаем, что оно приписывается Гераклиту. Но отсюда не следует, что мы знаем, будто мир действительно является огнём.

Это различение принципиально: **мы знаем высказывание — но не обязательно знаем, что оно истинно.**

Мы можем думать о мире, огне, Гераклите, высказывании Гераклита и собственном знании об этом высказывании.

Оформим всё это одной фразой:

«Мы (1) знаем (2), что Гераклит (3) думает (4), что мир (5) есть (6) огонь (7)».

Теперь у нас семь выделенных элементов. Но это не семь предикатов и даже не семь однородных «поводов для думанья».

«Мы» — позиция.

«Знаем» — акт или отношение позиции к содержанию.

«Гераклит» — имя исторического лица, а в данном высказывании ещё и обозначение другой позиции.

«Думает» — приписываемый этой позиции акт.

«Мир» — имя или обозначение предмета мысли.

«Есть» — связка, задающая отношение предикации. В другом контексте она может обозначать существование, но здесь не следует незаметно перескакивать от одного значения к другому.

«Огонь» — сказуемое, приписываемое миру.

Множество действительно разрастается. Но ещё важнее то, что его элементы относятся к разным логическим и функциональным типам. Кладя на табло сознания всё высказывание, мы можем затем подумать и о собственном акте размещения. Мы знаем, что знаем; думаем о том, что думаем; изображаем мышление средствами самого мышления. Однако отсюда ещё не следует, что множество содержит само себя в качестве элемента.

Акт мышления и содержание, в котором этот акт изображён, — не одно и то же. «Гераклит думает» как элемент высказывания находится в 3МП. Сам акт мышления Гераклита, если бы мы могли его застать, относился бы к позиции — 2МП. Изображение акта не является самим актом.

Мы получили не парадокс Рассела, а рефлексивную рекурсию: мышление делает предметом рассмотрения собственные акты и их следы.

Здесь уместны вопросы:

- Думаем ли мы о том же самом думанье, которое изображаем?
- Было ли мышление Гераклита для него самого предметом мышления?
- Является ли мышление о мышлении таким же актом, как мышление о мире?
- Что сохраняется при переводе акта мышления в содержание знания, а что теряется?

Но знаменитый брадобрей пока может спокойно убирать бритву.

Парадокс брадобрея — современная иллюстрация проблемы самоприменения, а не древняя апория. Рассел формулировал её как вопрос о брадобрее, который бреет всех тех и только тех жителей деревни, кто не бреет себя: дол-

жен ли он брить самого себя? Причём сам Рассел предупреждал, что эта бытовая версия не вполне воспроизводит строгий парадокс классов[64].

Совершенствование языков математики и логики в XX веке шло в том числе по пути ограничения таких самоприменений и разведения логических типов. Найденные решения обязательны для формальных систем, но не переносятся автоматически на содержательные онтологические рассуждения. Жизнь не обязана становиться формальной системой. Но это не даёт нам права выдавать любую языковую путаницу за глубину жизни. Поэтому движемся дальше — в обычном языке, но уже внимательнее.

Вот если бы Гераклит сам сказал: **«Я думаю, что мир есть огонь»,** всё было бы иначе.

Главным утверждением здесь было бы уже не «мир есть огонь», а «я думаю». Высказывание о мире осталось бы внутри — как содержание мысли. Его истинность не утверждается непосредственно: утверждается наличие мысли с таким содержанием. Получается высказывание о Гераклите. О думающем Гераклите.

О бедном Гераклите замолвим слово. Нам, живущим после Рассела, Богданова и других методологов XX века, трудно представить, почему Гераклит не говорил именно так. Может быть, и говорил, но не придавал этому значения. Или окружающие греки его не расслышали.

Через две тысячи лет это расслышал Декарт и сформулировал: «Мыслю, следовательно, существую». О чём думал Декарт, говоря такое? Совсем не о том, о чём думал Гераклит, когда мог заявить на площади в Эфесе, что мир

---

64 *О парадоксе классов и брадобрее Рассел рассуждает в лекциях, прочитанных в 1917-1918 гг. (лекция 7); изданы в книге:* Russell B. The Philosophy of Logical Atomism / with an introduction by D. F. Pears. — London; New York: Routledge, 2010.

есть огонь. Гераклит говорил о мире и о том, чем мир является. Декарт перенёс акцент на сам акт мышления[65].

Но здесь необходимо исправить распространённое упрощение. Декарт вовсе не считал существование внешнего мира несомненным с самого начала. Напротив, он подверг сомнению и внешний мир, и собственное тело, и математические истины. Несомненным оказалось лишь то, что сомневающийся мыслит и, пока мыслит, существует. Мышление у Декарта — не причина его существования. Cogito не означает: «мышление произвело Декарта». Оно означает: «пока я мыслю, я не могу сомневаться в том, что существую». Это основание достоверности, а не акт сотворения.

После этого Декарту ещё придётся восстанавливать Бога, внешний мир и материальные вещи. Но первый надёжный пункт уже найден: мыслящая позиция обнаружила себя. Является ли Декарт частью мира? Конечно. Как телесный человек он находится в мире — если материальный мир существует. Но как мыслящая позиция он противопоставляет себя миру и делает его предметом рассмотрения.

Получается не двойное онтологическое существование Декарта, а двойное положение в схеме:

- Декарт как элемент мира;
- Декарт как позиция, из которой строится представление о мире.

Теперь я позволю себе ход, за который сам Декарт ответственности не несёт. Если Декарт является частью мира и Декарт мыслит, значит, в мире существует мыслящая

---

65 *Декарт о cogito и сомнении в материальном мире:* Descartes R. Meditations on First Philosophy: With Selections from the Objections and Replies / trans., introd. and notes by M. Moriarty. — Oxford : Oxford University Press, 2008, особенно — медитации *II и VI*.

часть. В этом ограниченном смысле можно сказать: мир мыслит Декартом. Звучит красиво. Но философский налог и с этой метафоры платить придётся. Декарт смотрит на мир, будучи его частью, и одновременно противопоставляет себя ему как мыслящая позиция. Между вещью и мыслью о вещи появляется зазор.

Сам Декарт ещё не утверждает, что всё, чем является мир, произведено мышлением. Он различает идеи в мышлении и вещи, которые могут быть их внешними причинами. Но разрыв уже обозначен: то, что дано в мысли, не тождественно тому, что существует вне неё. Гуссерль почти через триста лет радикализирует эту проблему. Он говорит уже не только о мышлении, но и об интенциональности сознания: сознание всегда является сознанием о чём-то. Предмет дан сознанию в определённом смысле, ракурсе и способе явления. Но это не значит, что сознание производит физический мир, а затем «подкладывает» своё изделие обратно в реальность, делая вид, будто оно всегда там лежало.

У Гуссерля сознание конституирует смысл предмета и способ его данности[66]. Мир нельзя ни растворить в сознании, ни полностью оторвать от него. Феноменология как раз пытается преодолеть примитивную картинку сосуда-сознания, в котором хранятся изображения внешних вещей. Огонь, атомы, элементарные частицы, бозоны, кварки и тёмная материя не являются физическими «изделиями» сознания. Но как понятия, теоретические объекты, модели и содержания знания они находятся на

66 *Гуссерль об интенциональности и конституировании:* «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая» (*Ideen I*, 1913), публикация в переводе на английский*:* Husserl E. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology / trans. by W. R. Boyce Gibson. — London: George Allen & Unwin; New York: The Macmillan Company, 1931.

табло сознания — в 3МП. Экспериментальные установки, следы частиц, тела исследователей и записи приборов имеют физическое существование — 1МП. Акты построения гипотез, понимания, сомнения, решения и исследования совершаются в позициях — 2МП.

Вот зачем нам эти три места.

Гуссерль говорит о сознании. Декарт — о мыслящей субстанции. Поппер различает субъективные процессы мышления и объективное содержание мысли. СМД-методология разводит мышление, деятельность, сознание, позицию, знаковые формы и объекты. Всё это похоже. И всё различается. Что важнее: сходство или различие?

Этот вопрос — последнее препятствие перед тем, как мы начнём наполнять три ПФМ.

Какие способы ответа имеются в нашем распоряжении?

Первый способ — поступить так, как часто поступали философы: на высказанный тезис выдвинуть свой антитезис.

Гуссерль говорит:

А есть сознание.

Мы, СМД-методологи, возражаем:

Нет, А есть мышление.

Глуповатая форма ответа. Но так, по-древнегречески, иногда поступают до сих пор. Хуже того, многие оппоненты СМД-методологии именно так и понимают методологические высказывания: как ещё одно мнение о том, чем всё является на самом деле.

Второй способ ещё проще: взять самое современное определение и пользоваться им. Поппер и Щедровицкий жили после Гуссерля, читали его, а он их прочитать не мог. Отсюда следует… Ничего не следует. Чтение не гарантирует понимания. Гуссерль тоже читал Декарта, но вычитал

не всё — или не всё счёл важным. Новое не становится лучшим только потому, что появилось позже.

Третий способ надёжнее: воспользоваться феноменологической редукцией, дополнив её принципом восхождения от абстрактного к конкретному и операциями распредмечивания, объективации и опредмечивания. Можно было бы поиграть выражением «ноэматическая редукция». Но лучше не плодить новый термин там, где мы ещё не разобрались со старыми. У Гуссерля есть ноэматический анализ[67] — этого пока достаточно.

Предельной формой объективации для наших целей является математика. Причём самая простая: различение элементов, множеств, мест и отношений. Выбор между сознанием и мышлением нельзя свести к голосованию за более красивое слово. Но различение двух функциональных мест можно выразить предельно коротко: $2 \neq 3$.

Акт мышления не равен содержанию мысли.

Позиция не равна табло сознания.

Декарт не равен формуле Декарта.

Гераклит не равен высказыванию, которое ему приписывается.

Нам требуется разложить огромное множество высказываний, теорий, концепций, догадок и фантазий о мире по трём функциональным местам. Мест всего три, а концепций — множество.

Если спроецировать феноменологию Гуссерля на нашу упрощённую схему, получится преимущественно различение мира и сознания. Это будет именно наша проекция, а не

---

67 *Ноэматический анализ Эдмунда Гуссерля — это исследование ноэмы, то есть предметного смысла или предмета в том виде, как он дан сознанию, в качестве коррелята ноэзиса — соответствующего акта сознания. Такой анализ выявляет смысловую структуру опыта при методическом вынесении за скобки вопроса о реальном существовании предмета. — Прим.ред.*

полное описание гуссерлевской феноменологии. У Гуссерля и мир непрост, и сознание включает сложнейшую работу, которую можно назвать мышлением. Но различение субъективного акта и объективированного содержания мысли не становится у него отдельной онтологией трёх миров.

У Поппера это различение сделано принципиальным. В его зрелой схеме процесс мышления принадлежит миру 2, а объективное содержание мысли — миру 3. Теория создаётся людьми, но после создания вступает в отношения с другими теориями, обнаруживает непредвиденные следствия, ставит перед людьми новые проблемы и способна пережить своего автора. Она становится относительно автономной — относительно, а не абсолютно. Мир 3 создаётся людьми, воплощается в знаках и вещах мира 1 и действует через людей мира 2.

Теперь мы можем наконец наполнить три ПФМ содержанием, накопленным не только мыслителями XX века, но уже и в этом тексте.

Вернёмся к нашей фразе:

«Мы (1) знаем (2), что Гераклит (3) думает (4), что мир (5) есть (6) огонь (7)».

Начнём с «мы». Где наше место на схеме? Мы размещаем себя во 2МП — в позиции. У Поппера этому приблизительно соответствует мир субъективных психических актов, у нас — деятельная и мыслящая позиция. Тем самым мы определились. Пока слабо, но уже не совсем никак.

Мы знаем. Более того, знаем, что знаем. Рефлексивность, которая раньше была формальным требованием к схеме, получила первое содержательное наполнение. Но что именно мы знаем? Мы знаем содержание:

«Гераклит думает, что мир есть огонь».

Это содержание размещается в 3МП — на табло сознания.

На табло находятся:

- имя «Гераклит» и изображение соответствующей позиции;
- обозначение акта «думает» или «сказал»;
- знак «мир»;
- отношение «есть»;
- знак «огонь».

Сам исторический Гераклит на табло не помещается. Там находится его имя, изображение и приписываемое ему высказывание. Физический огонь тоже не помещается на табло — там находится знак и понятие огня.

А что же мы положим в 1МП?

Из фразы «мир есть огонь» нельзя просто вырезать слова «мир есть» и получить доказанное существование мира. Здесь «есть» работает как связка между подлежащим и сказуемым. Самостоятельное утверждение существования требует отдельного шага. И мы этот шаг делаем. Мы постулируем: **Мир есть.** Не «мир есть огонь», не «мир есть атомы», не «мир есть совокупность наших представлений». Пока только: **Мир есть.**

Это и есть необходимая догматическая остановка. Не окончательная истина, а утверждение, позволяющее продолжать работу.

Мы не исчерпали сомнение. Мы его остановили в определённом месте, чтобы совершить следующий мыслительный шаг.

Теперь схема может быть наполнена:

- во 2МП — мы, знающая и мыслящая позиция;
- в 3МП — знание о высказывании Гераклита и знаковые представители мира, огня и самого Гераклита;
- в 1МП — объект-мир, существование которого мы приняли как рабочий постулат.

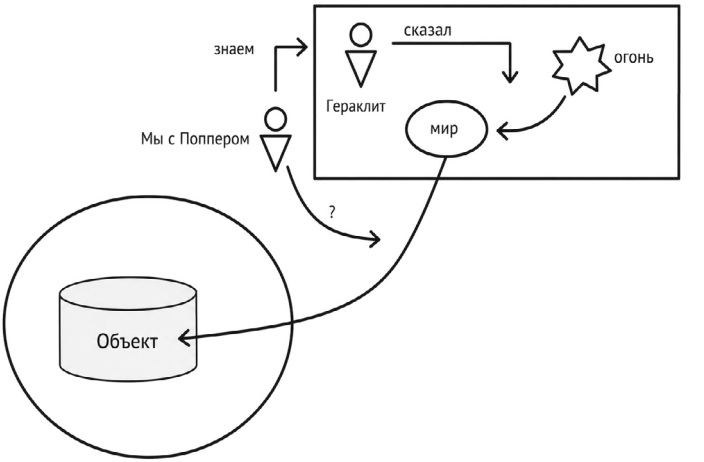

Рисунок 24. Реконструкция высказываний Другого о мире (Схема 15)

На схеме 15 «мы с Поппером» занимаем позицию. Мы знаем содержание, развёрнутое на табло сознания. На табло Гераклит говорит о мире и огне. Из знака «мир» проводится отношение к объекту в 1МП. Прямая связь нашей позиции с объектом пока остаётся под вопросом.

Схема 15 кардинально отличается от схем 11 и 12. Те были формальными и пустыми. Эта наполнена содержанием — пусть минимальным. В каждое ПФМ можно положить ещё многое. Но пустыми они уже не являются. При этом содержание распределено не по словам, а по функциям. Одно и то же слово может обозначать физическую вещь, элемент знания или предмет интенционального отношения. Само слово от этого не перескакивает между мирами — меняется его употребление.

На схеме пока отсутствует непосредственная связь позиции с миром. Есть отношение позиции к знанию и отношение представленного на табло мира к объекту. Читать это следует так: не мы с Поппером назвали мир огнём. Это

приписывается Гераклиту. Мы не поверили Гераклиту на слово, но приняли, что его высказывание существует как содержание знания. А существование мира мы не получили от Гераклита. Мы постулировали его сами.

Вся демонстрация работы с ПФМ максимально простой, но при этом объемлющей онтологической схемой проделана на примере простейшего метафизического/онтологического высказывания Гераклита. То же самое может делать человек, обладающий методологическими навыками работы по схемам, с высказываниями любого другого философа или с научными концептами. Методолог делает это автоматически, если методологические навыки интериоризованы, даже не обращаясь к графическому языку схем. Методолог так слышит и читает. И понимает. То есть, размещает всё услышанное и прочитанное по функциональным местам схем, которыми оперирует на своём индивидуальном табло сознания. При необходимости можно экстериоризировать эту свёрнутую работу мышления на общий рабочий экран, или доску. Сложнее с большими текстами и концепциями. Читать Гуссерля, Поппера, Гегеля, Маркса или Галилея приходится прибегая к работе на табло сознания с набором необходимых схем, двигаясь медленно. Но примерно так же, как я развернул это здесь на простом примере.

Поскольку наполненная содержанием схема принципиально отличается от пустой и формальной, анализа схем 11 и 12 уже недостаточно. Содержательную схему придётся анализировать заново — не отменяя прежнего анализа, а опираясь на него.

Теперь у нас наконец появился предмет для такой работы.

И, разумеется, новые неприятности.

Глава 8.
Между мирами

8.1. Семантика и семиотика языка схем

От различия сукцессивной организации высказывания и симультанной организации схемы к схеме как средству организации мыслительной работы — Язык как средство различения, связывания и организации мира в мышлении — Разведение мира, позиции и знаково-понятийного содержания — Понимание языка как средства деятельности, а не только как инструмента описания — От естественного языка к специальным, математическим, цифровым и графическим языкам как разным способам моделирования — Язык схем как средство одновременного удержания целого, масштаба, связей и разных типов содержания — Пределы схемы и необходимость перехода от попперовской трёхмирной модели к собственно СМД-методологическому языку.

Напомним схему, которой мы закончили предыдущий раздел.

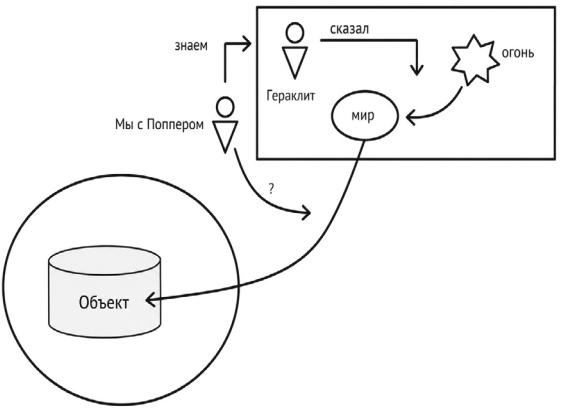

Рисунок 25. Что мы знаем о том, что Другой говорит о мире (Схема 15)

Полученная схема графически представляет наше понимание вербального выражения: «Мы (1) знаем (2), что Гераклит (3) думает (4), что мир (5) есть (6) огонь (7)».

В высказывании мы выделили семь элементов. На схеме они распределены по трём ПФМ и связям между ними. Но складывать семь элементов высказывания и шесть элементов схемы, получая тринадцать отдельных предметов, не стоит. Это не два множества предметов, а два способа организации одного содержания: сукцессивный, развёрнутый во времени, — во фразе; и симультанный, представленный сразу, — на схеме.

Именно это различие нас сейчас интересует.

Без схемы мы должны последовательно удерживать: кто знает, что именно знает, кто думает, о чём думает, что утверждается о мире и какое сказуемое ему приписывается. Схема не добавляет к этому ещё несколько предметов. Она раскладывает вложенные отношения по местам и тем самым освобождает нас от необходимости всё время удерживать их в оперативной памяти. Не отменяет работу мышления, конечно. Просто часть этой работы выносит наружу.

Но держать всё равно приходится гораздо больше, чем изображено.

Каждое ПФМ можно рассматривать по меньшей мере в двух планах:

- как функциональное место — логический субъект или грамматическое подлежащее, о котором нечто сказывается;
- как поле допустимых наполнений — множество сказуемых, которые могут быть осмысленно отнесены к этому месту.

Это не значит, что ПФМ представляет собой «двойное множество». Перед нами два аналитических среза одного

образования. В одном срезе мы спрашиваем: о чём говорится? В другом: что именно об этом может быть сказано?

В живой речи и на содержательной схеме мы обычно имеем дело уже с их соединением: субъектом, которому приписан предикат; подлежащим, связанным со сказуемым; местом, получившим наполнение. Разделяем мы их только в анализе, когда хотим понять, как возникло это, кажущееся простым, единство.

Изобразим такое соединение на основе схемы 13.

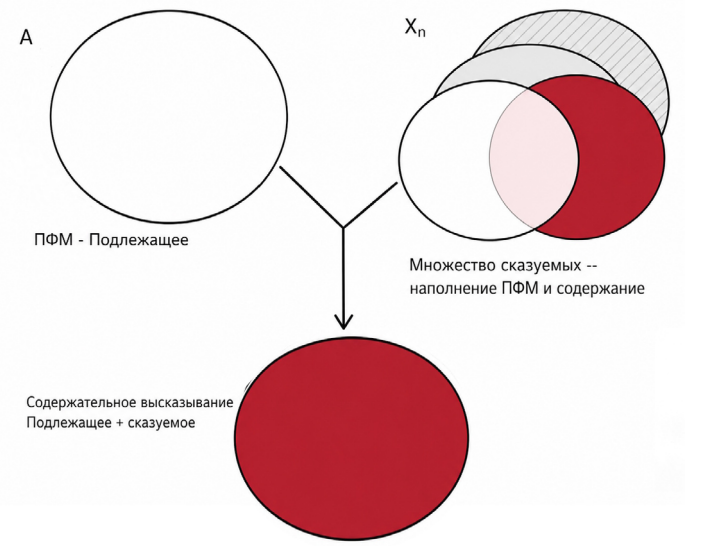

Рисунок 26. Схематизация распространённого в споре высказывания: «Но может быть другое мнение» (Схема 16)

Схему 16 следует читать не как сложение двух множеств, а как операцию заполнения. Слева — функциональное место, подлежащее заполнению. Справа — поле возможных содержаний. Внизу — результат выбора и связывания: не пустой знак, а содержательное высказывание.

Слово, термин или знак мы обычно воспринимаем холистически — как целое. Мы не задумываемся о том, что это единство производится сложнейшей работой связывания формы и содержания, знака и значения, имени и понятия. Мы встречаем знак в некоторой ситуации, и контекстуально, а иногда окказионально, схватываем его сразу вместе со значением. Схватываем форму уже наполненной содержанием.

И забываем, что это только одно из возможных значений. Одно из возможных наполнений.

На схеме итог высказывания помечен цветом. Мы видим уже не пустой овал, а заполненный. Но он мог быть заполнен другим цветом — другим содержанием, другим сказуемым, другим смыслом.

Так на табло сознания в схеме 15 мы разместили Гераклита с его высказыванием, в котором «мир» выступает субъектом, а «огонь» — предикатом. Хотя у Гераклита были и другие высказывания: о мире, человеке, политике, религии и многом другом. Мы могли бы остановиться не на Гераклите, а на Демокрите. Или рассмотреть Декарта, Гуссерля, Поппера — каждого с его высказываниями.

Помним ли мы об этом?

Или поставим вопрос острее: нужно ли помнить о Демокрите, когда мы говорим о Гераклите?

Вопрос простейший. Но поспешные ответы на него быстро заводят в неприятную развилку.

Если мы ответим: «Да, говоря о Гераклите, нужно помнить о Демокрите», — то почему только о нём? Почему не о Протагоре, Пифагоре, Зеноне и тысячах других греков? И почему только о греках, а не о французах, немцах, Декарте, Гуссерле и всех, кто потом перечитывал Гераклита?

Так мы открываем бесконечный контекст, с которым заведомо не справимся.

Если же ответим: «Нет, говоря о Гераклите, мы забываем всех остальных философов и всё сказанное ими», — то вырываем его слова из споров, вопросов, возражений и проблем, в которых они только и могли обрести смысл. Тем самым мы не столько понимаем Гераклита, сколько избавляемся от необходимости его понимать.

При первом ответе мы не понимаем, потому что тонем в контексте. При втором — потому что заранее его отрезали. Есть ли выход?

Есть. Нам придётся управлять контекстом: вводить рамку, устанавливать масштаб и переходить от единичного высказывания к классу или типу высказываний. Отвлечься от конкретного Гераклита и рассмотреть его как представителя определённого типа философствования. Тогда и Гераклит, и Демокрит, и многие другие могут рассматриваться как элементы одного типа — если, разумеется, мы сумеем указать основание этого объединения.

С множествами и типами работают не так, как с единичными вещами. Во-первых, мы должны назвать принцип, по которому отдельные элементы объединяются. Во-вторых, тип позволяет удерживать сразу множество объектов, не перебирая каждый заново. В-третьих, некоторые типы можно объединять в типы более высокого порядка, регулируя масштаб и степень конкретности рассмотрения. Но здесь требуется осторожность. Не всё, что мы поняли про Гераклита, автоматически становится понятым про Демокрита. Переносится только то, что относится к основанию типологизации.

Если мы обнаружили, что высказывание Гераклита имеет форму «мир есть X», то такую же процедуру анализа можно применить к высказыванию Демокрита. Но из этого ещё не следует, что огонь и атомы — одно и то же, что Гераклит и Демокрит решали одну и ту же задачу или оди-

наково понимали мир. Одинаковой может быть операция анализа. Содержание останется разным. Но и операция — уже немало.

Поздняя традиция приписывает воротам платоновской Академии надпись: «Да не войдёт сюда не знающий геометрии». Свидетельства об этой надписи появляются более чем через тысячу лет после Платона, поэтому принимать её за надёжный исторический факт не следует. Но как формула она хороша.

Зачем Платону, озабоченному проблемами бытия, знания и государственного устройства, понадобилась геометрия? Потому что проблемы, которые в обыденном языке оставались темами для бесконечного разговора, в геометрии могли быть оформлены как задачи. Геометрия давала правила построения, доказательства и опровержения. Она позволяла не просто рассуждать о соотношениях, а строить их, показывать и проверять.

Позднее Аристотель систематизировал силлогистику и тем самым дал философам ещё один специальный язык постановки и решения задач. Не универсальный и не последний. Но для своей эпохи — чрезвычайно мощный.

Если бы платоновская Академия просуществовала до наших дней, на её воротах пришлось бы написать: «Да не войдёт сюда не знающий семантики и семиотики, современной логики, математики, научного метода, инженерного подхода, теории систем, языков программирования…». И обязательно оставить многоточие. Совершенно необходимых языков для современного мышления уже слишком много, чтобы перечислять их на воротах. Ворота закончатся раньше.

Но геометрия решала ещё одну задачу — визуализировала проблемы и способы их решения. Визуализация — не украшение рассуждения и не картинка для тех, кому лень

читать. Это способ организации и ускорения мышления. Способ сжатия содержания, при котором из множества подробностей извлекается конструкция, сохраняющая существенные отношения. То, что в обыденном или философском языке приходится долго объяснять, в геометрии кладётся на чертёж и показывается. В линию, точку, угол и простой жест указки может быть упаковано множество слов, понятий, различений и доказательств. Упаковано — но не забыто.

Философы специально тренировались читать длинные и многосложные тексты, не забывая к концу предложения, о чём шла речь в начале. Многие философы древности и Нового времени писали так, что чтение их текстов само становилось интеллектуальным упражнением. Иногда это было следствием сложности предмета, иногда — особенностью принятого стиля, иногда — способом отделить подготовленного читателя от случайного. А иногда они просто не умели написать короче. Философы тоже люди.

Способность читать и понимать такие тексты делала философское знание почти эзотерическим — недоступным тому, кто, дочитав абзац до конца, уже не помнил его начала. Но как ни тренируй эту способность, она не беспредельна. Устная речь исчезает сразу после произнесения — если, конечно, она не записана и не может быть повторена. Слово не воробей: вылетит — не поймаешь. У этой поговорки на самом деле два смысла. Первый: произнесённое слово уже вызвало реакцию, вошло в ситуацию и не может быть из неё изъято. Второй: звучание исчезает, и слушающий должен понимать речь по мере её развёртывания. Непонятое слово ещё не обрекает на непонимание всего последующего: контекст позволяет восстановить пропущенное, переспросить, переинтерпретировать. Но чем больше таких провалов, тем труднее удержать целое.

Речь разворачивается последовательно. Однако сам акустический сигнал не состоит из аккуратно отделённых друг от друга звуков, как надпись — из букв. Дискретные единицы выделяются в нём восприятием и языком. Мы слышим не акустический поток сам по себе, а речь. В восприятии мы симультанируем сукцессивный ряд: собираем последовательность звучаний в относительно целостные комплексы — фонемы, слоги, слова, фразы. Говорящий может проглотить звук, изменить произношение или оборвать слово, а мы всё равно услышим то слово, которое ожидали в данном контексте.

На следующем уровне мы собираем слова в предложения. Понимаем фразу, даже если говорящий что-то пропустил, нарушил порядок слов или не закончил мысль. Смысловая конструкция фразы помогает определить значение отдельных слов — точно так же, как узнаваемое слово помогает различить звуки. Это не означает, что мы вообще не слышим звуков вне слов и не понимаем слов вне предложений. Можем услышать и понять, особенно если специально переключим внимание. Но обычное восприятие движется сверху и снизу одновременно: от звучания — к слову и от ожидаемого смысла — к распознаванию звучания.

Музыка позволяет увидеть это ещё яснее. Аккорд мы слышим как единство одновременно звучащих тонов, хотя при должной подготовке и хорошем музыкальном слухе можем различать и отдельные звуки. Мелодию слышим как целостность, развёрнутую во времени, а не как простую сумму нот. Чтобы услышать фальшь, абсолютный слух не нужен — часто достаточно относительного слуха и усвоенной музыкальной системы.

С речью происходит нечто подобное. Только аналогом музыкальной системы является не «абсолютный слух», а

освоенный язык. Лексику, грамматику и способы различения звуков родного языка мы усваиваем вместе. Поэтому легко замечаем чужой акцент, а сами, говоря на поздно освоенном языке, нередко сохраняем акцент родного. Возраст здесь важен, но он не единственная причина: значение имеют интенсивность практики, окружение, слуховая чувствительность и многое другое.

Письменная речь устроена иначе. Написанный текст не исчезает вслед за чтением. Дочитав предложение до конца, мы можем вернуться к началу, перечитать, переставить смысловые акценты, выделить главное, расчленить текст на части и заново собрать его структуру. По тексту можно двигаться вперёд и назад.

Появление письменности стало революционным поворотом в мышлении. Мысль получила внешнее и относительно устойчивое существование, стала доступна для повторного чтения, анализа, редактирования и критики. Мышление обрело возможность возвращаться к собственным продуктам как к предметам.

Чем сложнее тексты, с которыми человек действительно работает — разбирает, сопоставляет, преобразует, а не просто пробегает глазами, — тем более сложные способы мышления он осваивает. Не потому, что длинный текст сам по себе делает человека умнее. Телефонная книга тоже длинная. Дело в операциях, которые читатель вынужден совершать.

Текст относительно устойчив. Чтение, истолкование и способы анализа меняются. Мышление вырабатывает методы работы с текстом как со своим объектом, а затем переносит эти методы на другие объекты. Научившись читать текст, мы начинаем читать всё остальное.

К XX веку некоторые философы сообразили, что весь мир можно читать как текст. Постструктуралисты были

так ошарашены этим открытием, что отдельные их последователи до сих пор принимают метафору за онтологию.

У этой идеи есть по меньшей мере два аспекта.

Первый. Утверждение «мир есть текст» по своей логической форме ничем не лучше и не хуже утверждения «мир есть огонь». Поэтому метафизику структурализма и постструктурализма можно отнести к тому же типу, что и метафизику Гераклита или Демокрита. Но этот аспект пока отметим между делом.

Второй важнее. Мир читается, понимается, исследуется и анализируется как текст — и при этом легко забывается язык, делающий чтение возможным. Языки тоже изучаются, но чаще всего уже опредмеченными: в виде корпусов, словарей, грамматик и текстов. Между тем язык — не текст. Язык является одним из условий производства и понимания текстов. Не единственным, но необходимым.

В ранней философии Людвига Витгенштейна высказывание выступает логическим образом факта: изображение и изображаемое должны иметь общую логическую форму. Он не говорил буквально, что мир повторяет структуру языка. Его тезис осторожнее: предложение может изображать положение дел потому, что между ними имеется структурное соответствие[68].

Но мы можем сделать следующий, уже наш собственный методологический шаг.

Не мир сам по себе повторяет структуру языка. Структуру языка повторяет мир, каким мы его различаем, описываем, обсуждаем и превращаем в объект деятельности.

---

68 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. и сверено с авториз. англ. переводом И. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958 — прежде всего тезисы 2.1, 2.18 и 4.01.

Повторение здесь не означает тождества. И даже подобия недостаточно. Речь идёт о проекции — о переносе некоторой структуры с сохранением выбранных отношений.

Почему структура языка проецируется в мир, а не просто извлекается из мира?

Вернёмся к тезису «мир есть текст». Его оправданность состоит в том, что мы действительно можем читать мир как текст. Если мышление формировалось и развивалось в работе с текстами, овладело методами их чтения и анализа, оно применяет эти методы к другим объектам. Мы берём мир как текст. Но взять мир как текст — ещё не значит доказать, что мир является текстом. Тексты произведены деятельностью и мышлением, а объективно существующий мир не спрашивает у мышления, каким ему быть.

Здесь необходимо сохранить принцип реальности. Мир не создаётся нашим описанием. Зато объект, с которым мы работаем, строится в языке, знаках, моделях и схемах. Различие принципиальное. Когда мы говорим о проекции, полезно вспомнить аналоговый кинематограф. На экране мы видим движущиеся фигуры. Самих людей и событий на экране нет. Есть световая проекция изображений, сохранённых на плёнке. Изображения пробежали по экрану и исчезли, но запись осталась, поэтому движение можно воспроизвести. Изображение на плёнке, в свою очередь, могло быть снято с реального события или нарисовано. На экране мы получаем проекцию уже произведённого изображения.

Но не надо доводить метафору до онтологической нелепости. Объективный мир — не пустой белый экран. Пустым является ПФМ в нашей модели до его заполнения. Мир существует независимо от того, что мы на него проецируем. Проекция определяет не существование мира,

а способ, которым мир становится для нас различимым, описанным и организованным как объект.

Поэтому формулу «мы видим в мире только то, для чего в языке есть обозначение» следует уточнить. Мы можем увидеть новое, ещё не названное. Можем столкнуться с чем-то, что не укладывается в имеющийся язык. Именно такие столкновения и заставляют язык меняться.

Попробуем разобрать это на схеме.

Рисунок 27. Элемент и единица языка (Схема 17)

В этой главе рассматривается только одна из функций языка — способность описывать мир и отдельные явления и объекты мира. Эту функцию языка можно разбирать на семиотических схемах. Саму семиотику можно рассматривать как язык описания языка. То есть язык — это объект. Понятия, категории, схемы семиотики — язык описания этого объекта, мира языка. Разработано много семиотических схем, начиная с Пирса, Соссюра, Ельмслева[69] и дру-

69 *Чарльз С. Пирс в работах 1860–1900-х гг. разрабатывал триадическую модель знака — репрезентамен, объект и интерпретанта; Фердинанд де Соссюр в лекциях 1906–1911 гг. сформулировал диадическую модель знака как единства означающего и означаемого (лекции изданы в «Курсе общей лингвистики», 1916); Луи Ельмслев в*

гих авторов, и заканчивая цифровыми языками программирования. Но я вслед за Г.П.Щедровицким максимально упрощу все эти схемы для понимания того, как может меняться язык через отношение с тем, что он описывает.

На схеме 17 знак/язык связан с означаемым/объектом отношениями номинации и референции. Эти отношения изображены стрелками с ополовиненными остриями. Это означает, что эти отношения не инвариантны и не взаимообратимы. То, как мы номинируем, называем объект, может не совпадать с тем знаком, которым мы замещаем объект в системе знаков, то есть, в языке.

Ещё ярче несовпадение этих отношений проявляется, если мы рассмотрим эти отношения как операции в мышлении (и в деятельности). Какой-то существующий в нашем языке знак мы относим к какому-то обнаруженному в деятельности и наблюдаемому объекту. А с другой стороны, наблюдаемое явление или объект мы замещаем каким-то знаком, которым оперируем в коммуникации и мышлении. Возникающие противоречия, парадоксы, проблемы в таком оперировании могут потребовать от нас изменить знаки нашего языка описания в коммуникации и в мышлении. Но возможен и другой путь. В художественном творчестве, в инженерии и дизайне мы можем менять то, что лежит в ПФМ «означаемое».

Устойчиво различить, удержать, сообщить другому и включить нечто в мышление мы можем лишь тогда, когда находим или создаём для этого знак, различение, понятие, схему. Язык не устанавливает пределы всякого восприятия. Он устанавливает пределы артикулированного и общественно организованного мира, с которым мы можем

1930–1940-х гг. развивал структурную теорию знака через различение плана выражения и плана содержания («Пролегомены к теории языка», 1943). — Прим. ред.

мыслительно работать. Мы видим нечто в мире. С помощью языка выделяем это как предмет. Строим знание и размещаем его на табло сознания, то есть в 3МП. После этого смотрим на мир уже через построенное знание.

Получается не односторонняя проекция, а цикл:

- мир воздействует на позицию;
- позиция, пользуясь языком и мышлением, строит картину мира;
- картина мира организует новое видение мира и действие в нём.

То, что мы размещаем на табло сознания, — не сам мир. Это его знаковое, понятийное, модельное представление. Картина мира и мир — действительно «две большие разницы».

Мы не отождествляем 1МП и 3МП. Не отождествляем мир и мышление о мире. Не отождествляем мир и язык. Но рассматриваем способы, которыми содержание одного пространства отображается, преобразуется и опредмечивается в другом.

Здесь придётся уточнить и принцип параллельности трёх пространств. Параллельность не должна означать их изоляцию. У Поппера три мира взаимодействуют: мир сознательных состояний посредничает между физическим миром и миром объективного содержания мышления; продукты третьего мира, в свою очередь, способны через людей изменять первый.

Поэтому под параллельностью мы будем понимать не отсутствие взаимодействия, а несводимость одного пространства к другому. У каждого пространства своя организация, свои процессы и свои условия существования. Но между ними происходят переходы, отображения, объективации и действия. Иначе вся наша схема была бы не системой, а тремя аккуратно разложенными трупами.

Что же именно из языка проецируется в выстраиваемый нами объект?

Если мы всерьёз употребляем слово «структура», то должны спросить: структура чего? Слова? Предложения? Высказывания? Семантического поля? Языка в целом?

Следует предположить, что в разных ситуациях проецируются разные фрагменты языковой организации. Иногда — грамматическая форма «А есть В». Иногда — система классификаций. Иногда — причинная конструкция. Иногда — пространственная метафора. Иногда — весь освоенный способ расчленения действительности.

Но тогда возникает следующий вопрос: какова структура языка? Можем ли мы её познать? Можем ли изменять? И в каких отношениях состоят с языком люди, занимающие позиции во 2МП?

Всем известно, что мы учим и осваиваем языки. Это создаёт иллюзию полного присвоения: будто язык становится нашим инструментом и после освоения послушно исполняет распоряжения хозяина. Гумбольдтовскую линию в философии языка иногда пересказывают формулой: не только мы овладеваем языком — язык овладевает нами. Принимать эту формулу за точную цитату Гумбольдта не стоит. Но мысль в ней схвачена верно: осваивая язык, человек получает не только средство выражения, но уже сложившиеся способы различения, связывания и оформления опыта.

Язык позволяет нам говорить. И одновременно заранее предлагает, что именно можно сказать (без дополнительных умственных усилий). Но человек всё же не является беспомощной жертвой языка. Он может рефлексивно отнестись к языку, сделать его предметом деятельности, менять правила употребления, вводить термины, создавать формальные системы и новые языки.

Начнём с самого простого. Даже если воспринимаемый нами мир повторяет некоторые структуры языка, люди используют язык для описания мира. Философы объясняли мир, описывали его с разных сторон, на разных языках, в разных понятиях. Можно спросить: возможно ли описать в языке весь мир — целиком и полностью? Это давняя мечта философов: построить систему, в которой мир был бы описан без остатка. Может быть, без рутинных подробностей, но так, чтобы ни одна существенная часть не осталась снаружи. Говорят, даже Гегель страдал этой ерундой. Его попытку часто считают последней великой попыткой такого рода. Несмотря на трагическую неудачу Гегеля, мы можем ещё некоторое время разделять его мечту.

Допустим, мир можно полностью описать в естественном языке. Описание получится огромным, нечётким, многозначным и безнадёжно подробным. Но дело даже не в объёме. Полное описание мира должно включать самого описывающего, язык описания, процесс описания и уже созданную часть описания. Пока описание строится, описывающий и мир меняются. Значит, описание должно включить и собственное изменение. А затем — описание этого изменения… Вот тут начинается знакомая дурная бесконечность.

Но привлекать для её доказательства «расселовские множества» и множества Ришара нельзя. Рассел не изобретал специального множества, чтобы полное описание мира включило само себя. Его парадокс показывает противоречивость неограниченного принципа образования множеств: предположение, будто всякому условию соответствует множество всех и только удовлетворяющих ему объектов, приводит к антиномии. Парадокс Ришара касается другого: возможности перечислить все вещественные числа, определимые конечными выражениями естествен-

ного языка, а затем диагональным способом построить ещё одно определение. Он обнаруживает смешение естественного языка, формальной системы и метаязыка. Никакого доказательства возможности бесконечного обновления описания мира здесь нет[70].

Но оба парадокса полезны нам как предупреждение.

Как только описание пытается включить собственные условия, средства и процесс построения, простое отношение «язык описывает внешний объект» перестаёт работать. Возникают уровни, самореференция, переходы между языком и метаязыком, между объектом и способом его задания. Полное описание мира нельзя просто объявить возможным, утешиться и отправить в бесконечность — пусть там себе дописывается. Возможность такого описания как раз не доказана.

Впрочем, для гносеологического оптимизма полное описание мира и не требуется. Нам нужно описание, достаточное для постановки задачи и действия. Любое описание останавливается не там, где мир исчерпан, а там, где мы можем что-то сделать. После действия описание придётся дополнить, изменить или выбросить.

Логические и математические построения располагаются в 3МП. Утомление от них — состояние человека, занимающего позицию во 2МП. А состояние позиции способно мотивировать действие. Понимая принципиальную незавершённость описания мира и чувствуя утомительность бесконечного текста, люди пытаются сделать язык предметом деятельности: сократить, упорядочить, формализовать.

---

70 *О парадоксе Ришара в контексте семантических антиномий см.:* Cantini A., Bruni R. Paradoxes and Contemporary Logic // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Summer 2025 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2025.

Здесь можно вспомнить Людвика Заменгофа и эсперанто. Но его замысел следует понимать точнее. Заменгоф создавал не строгий логический язык описания мира, а простой и относительно нейтральный международный вспомогательный язык, способный облегчить общение между людьми[71]. Как попытка сделать естественное общение проще — это интересный и живой эксперимент. Как путь построения универсального языка мышления — тупик. Не потому, что эсперанто «не получился», а потому, что упрощённый естественный язык остаётся естественным языком со всеми его достоинствами и ограничениями.

Гораздо продуктивнее оказались искусственные языки научных предметов, логики и математики. Существуют также язык искусства, религии, техники, программирования. Значит, люди способны создавать и развивать языки под определённые задачи. Не универсальный язык для всего, а специальный язык для конкретной работы.

Искусственные языки действительно могут быть компактнее живого естественного языка. Особенно язык математики. Естествоиспытатели Нового времени обнаружили, что математические языки чрезвычайно продуктивны при описании природы. Галилей выразил эту установку категорически: книга природы написана языком математики, а её знаки — треугольники, окружности и другие геометрические фигуры[72].

Но природа — ещё не весь мир. Гераклита, его сознание, политические споры и способы философствования

---

71 *Исходное изложение замысла Заменгофа:* Заменгоф Л. Международный язык. Предисловие и полный учебник. — Варшава : Типо-литография Х. Кельтера, 1887.

72 Галилей Г. Пробирных дел мастер / пер. Ю. А. Данилова. — М.: Наука, 1987.

математика долгое время описывать не бралась. Утвердилось даже мнение, что математические языки вообще не годятся для объектов наук о духе и культуре — для всего того, чем занимаются гуманитарии и философы. Соглашаться с этим без сопротивления не стоит. Границы применимости математики нельзя устанавливать заранее, пока не разобраны её конкретные языки, способы моделирования и задачи.

Вспомним Платона и геометрию. С древних времён в математике можно выделить две разные тенденции. Назовём их, с известной долей условности, евклидовской и пифагорейской — или аналоговой и цифровой. Это наша типология, а не классификация, которой пользовались сами Евклид и Пифагор.

Аналоговый язык строится на изображении, подобии, пространственном отношении, конгруэнтности, непрерывности и инвариантах преобразования. Цифровой — на дискретных знаках, числах, операциях, правилах и вычислимых переходах. Противопоставление грубое. Геометрия может быть аналитической, число — представлено пространственно, а естественный язык сочетает дискретную организацию с непрерывным акустическим сигналом. Но для нашего движения этого различения достаточно.

Аналитическая математика возникла задолго до XX века. Булева алгебра появилась в XIX. В XX веке математическая логика, теория алгоритмов и вычислительная техника соединили дискретные формальные языки с работающими машинами. Вот тогда «цифровой язык» обрёл современный смысл: описание стало не только читаемым человеком, но и исполнимым устройством.

Сегодня языки программирования являются мощнейшими средствами построения моделей. Они позволяют в

короткие сроки делать то, на что в естественных и традиционных искусственных языках прежде уходили годы и десятилетия: рассчитывать процессы, проверять варианты, воспроизводить динамику систем и моделировать отдельные интеллектуальные операции. Но именно моделировать. Цифровая модель мира остаётся описанием и конструкцией в языке. Сам мир не обязан ей соответствовать.

Впрочем, технический мир уже начинает повторять структуру цифровых языков — потому что построен по программам и управляется ими. Здесь происходит не чудесное приспособление природы к коду, а деятельностная проекция: сначала создаётся цифровая модель, затем через деятельность и технику её структура воплощается в 1МП. Вне искусственно построенных систем дело сложнее. Люди по-прежнему воспринимают значительную часть мира образно и пространственно, хотя само восприятие включает и дискретные различения. Проекции между мирами никогда не бывают чисто аналоговыми или чисто цифровыми.

Тысячелетиями аналоговые языки казались более полными и конгруэнтными миру. Пифагору и Платону хотелось порядка числа, поскольку в числах порядка действительно больше, чем в большинстве человеческих дел. Развитие математики и техники усиливало цифровые языки. Но соревнование не закончено. Более того, всё самое интересное происходит не в победе одного языка над другим, а в их соединении и взаимном переводе.

С иной стороны к естественному языку подходит Ноэм Хомский с генеративной грамматикой. «Порождающая» грамматика — хорошая идея, но понимать её нужно точно. Это формальная система правил, которая задаёт структурные описания допустимых предложений языка. Конечное число правил позволяет характеризовать потен-

циально бесконечное множество предложений[73]. Это не аналоговый язык, противопоставленный цифровому. Это один из способов формализации внутренней организации естественного языка.

Другой путь — язык схем и изображений. Языки искусства пока оставим в стороне: для его рассмотрения придётся менять рамку. Остановимся на схемах. Язык графических изображений имеет давнюю историю. Геометрические чертежи, географические карты, архитектурные планы, кристаллические решётки и структурные формулы органической химии отличаются и от естественной речи, и от математической символики, и от языков программирования.

Естественная речь вынуждена последовательно разворачивать содержание во времени. В этом её ограничение, но в этом же её сила: речь задаёт порядок прохождения, связывает одно с другим и позволяет строить рассуждение шаг за шагом.

Графический язык располагает отношения на плоскости одновременно. Он не передаёт непосредственно «любую размерность», но позволяет кодировать многомерные отношения с помощью проекций, условных обозначений, слоёв, цвета, перспективы и других средств.

Человечество долго осваивало изображение трёхмерного пространства на плоскости. Один путь проходил через перспективу в живописи, другой — через аналитическую и начертательную геометрию.

Графические схемы дают нам несколько возможностей.

---

73 Chomsky N. Syntactic Structures. — The Hague : Mouton, 1957. На русском языке см.: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. — Вып. II / сост. В. А. Звегинцев. — М.: Издательство иностранной литературы, 1962. — С. 412–527.

- Во-первых, позволяют охватить объект или ситуацию как целостную конфигурацию — разумеется, не весь объект со всеми его свойствами, а ту конструкцию, которая выделена задачей.
- Во-вторых, позволяют менять масштаб и степень детализации.
- В-третьих, дают возможность читать схему последовательно, переходя от элемента к элементу, не теряя из виду целого.
- В-четвёртых, содержание элементов, связей и отношений можно дополнительно описывать в естественных, математических и цифровых языках.
- В-пятых — и это совсем немаловажно, — по схеме можно водить пальчиком или указкой, объясняя и саму схему, и мир, который ею моделируется.

Минимально заполненная содержанием схема *15* является именно такой графической схемой. Она удерживает общую конструкцию трёх миров и может наполняться содержанием, выраженным в разных языках.

Но сказать, что язык схемы «схватывает мир целиком», всё же слишком сильно. Он схватывает мир в установленной рамке, в выбранном масштабе и по тем различениям, которые внесены в схему. Графический язык может фиксировать пространственно-временную организацию объекта в форме хронотопа. Но только в том случае, если время и способы его развёртывания специально обозначены. Модальность, интенсивность и интенциональность также требуют дополнительных обозначений или дополнительных языков.

Так и происходит в настоящем тексте. Методологический язык схем дополняется развёрнутым нарративным описанием того, что изображено, того, как схему следует читать, и того, чего на ней пока нет. Однако все приведён-

ные до сих пор схемы ещё не являются специфически методологическими — во всяком случае, в смысле СМД-методологии.

Я все ещё использую концепт трёх миров Поппера для объяснения того, как в методологии работают с онтологическими представлениями, с объектами и предметами. В дальнейшем мне придётся отказаться от языка Поппера и оперировать уже только схемами СМД-методологии.

На схемах этой главы не хватает по меньшей мере одного существенного пространства, без которого схема не становится системо-мыследеятельностной. Введением этих схем я займусь во второй части этой книги.

8.2. От онтологических схем к организационно-деятельностным

Проблема соотнесения в единой схеме объекта, позиции и объективированного содержания — Переход от объекта №1 к объектам №2 и №3 как всё более сложным организациям познания, деятельности и рефлексии — Связь понимания объективности (научного) знания с процедурами его получения — Недостаточность субъект-объектной схемы для различения позиций, действий, средств, знаний и организации деятельности — Переход от онтологических схем к организационно-деятельностным и постановка вопроса о мышлении как средстве построения и изменения системы деятельности.

К схеме 15, с которой мы работали в предыдущей части, можно поставить несколько вопросов. Эти вопросы возникают и из самого текста, и из уже введённых схем — в частности, схем 6 и 9 с объектами №1, 2 и 3.

В объектном пространстве схемы 15 представлен только объект №1.

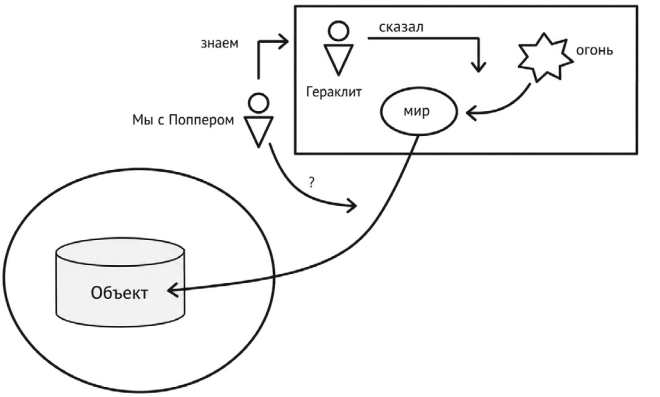

Рисунок 28. Рассматривая высказывание Другого о мире, мы выносим за скобки его познавательную деятельность, сосредотачиваясь только на результате этой деятельности (Схема 15)

Первое, что бросается в глаза, — различие состава 3МП и 1МП: табло сознания, или мира объективного содержания знания по Попперу, и пространства объективного мира. Именно различие, а не несоответствие. Было бы странно требовать от двух разных миров одинакового наполнения. На табло сознания мы разместили то, что знаем об упрощённом высказывании, приписываемом Гераклиту.

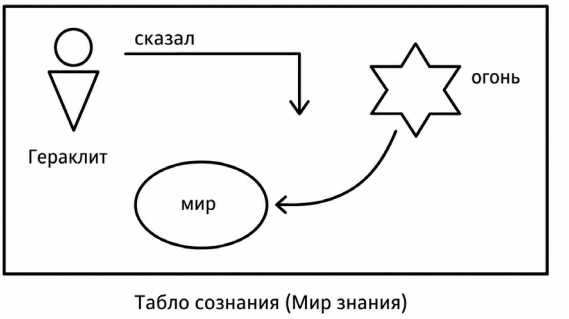

Рисунок 29. Содержание на табло сознания в схеме 15 (Схема 18)

Здесь присутствуют: Гераклит, мир, огонь и действие, обозначенное словом «сказал». Всё это собрано в конструкцию: Гераклит сказал, что мир есть огонь. Точнее, мы знаем, что историческая традиция приписывает Гераклиту фрагмент, в котором космос назван «вечно живым огнём». Оригинал его сочинения не сохранился; мы располагаем цитатами и пересказами позднейших авторов. Поэтому формула «Гераклит сказал» уже содержит длинную цепь передачи, отбора и интерпретации. Но пока оставим эту цепь за рамкой и примем условность: был Гераклит, и ему принадлежало высказывание о мире и огне.

Из всего содержания на рисунке 29 мы соотнесли с 1МП только мир, о котором говорится в высказывании. Гераклита, огонь, текст и сам акт сказывания оставили на табло сознания. Можно ли перенести их в объективный мир? Поставленный таким образом вопрос содержит ловушку. Из 3МП в 1МП нельзя просто переносить одни и те же элементы. В разных пространствах одно слово отсылает к образованиям разного типа.

Гераклит может быть рассмотрен:

- как живший когда-то человек — в 1МП;
- как мыслящий и переживающий субъект — во 2МП;
- как историко-философский персонаж, известный нам по текстам и интерпретациям, — в 3МП.

Огонь тоже может быть рассмотрен по-разному:

- как физический процесс горения — в 1МП;
- как наблюдаемое и переживаемое явление — во 2МП;
- как слово, понятие, образ или предикат высказывания — в 3МП.

Текст имеет материальный носитель: камень, папирус, книгу, файл, последовательность звуков. В этом качестве он принадлежит 1МП. Но содержание текста, его грамматическая конструкция и заключённая в нём мысль относятся уже к 3МП. Понимание текста происходит в позиции — во 2МП. Один и тот же знак может быть размещён в разных пространствах. Но образования, к которым он отсылает, не тождественны.

Это различение можно временно отложить и дополнить 1МП теми образованиями, которые имеют или могли иметь физическое существование: человеком по имени Гераклит, огнём как природным процессом, материальным носителем текста. Именно это изображено на следующей схеме.

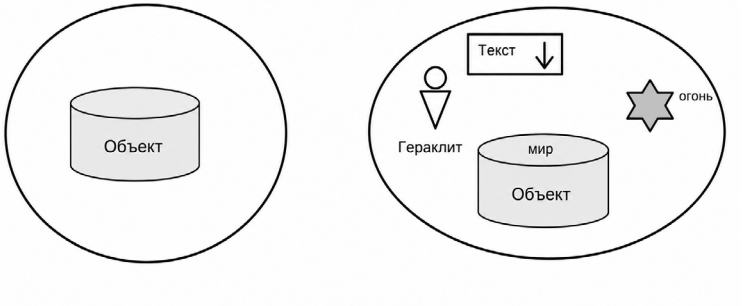

Рисунок 30. Мы что-то знаем о мире, и знаем о том, что знает о мире Другой (Схема 19)

Два овала на схеме 19 следует понимать не как два объективных мира, а как два состояния нашей модели:

- сначала в 1МП был представлен только объект-мир;
- затем мы дополнили его Гераклитом, огнём и материальным носителем текста.

После такого дополнения в 1МП оказываются четыре образования. Но называть их четырьмя объектами одно-

го типа нельзя. Мир, человек, физический процесс и материальный носитель текста существуют по-разному. Их можно опредметить, исследовать и сделать объектами. Но само слово «объект» ещё не делает их однородными.

Тем более нельзя утверждать, что в объективном мире вообще нет ничего, кроме явлений, предметов, данных в ощущениях, и объектов, полученных путём абстрагирования и идеализации. Абстрактные и идеальные объекты не лежат в мире рядом с камнями, людьми и огнём. Они строятся в мышлении и получают объективное существование в знаках, теориях, схемах и способах деятельности.

Здесь снова обнаруживается двусмысленность категории объекта. Одно дело — реально существующая вещь или процесс. Другое — предмет деятельности, осуществляемой из занимаемой позиции. Третье — построенный в мышлении объект знания. Четвёртое — объект №1, 2 или 3 в нашем специальном схемном языке. Пока эти значения не разведены, мы будем всё время переносить образования из одного пространства в другое, сохраняя старое название и теряя изменение их природы.

На следующем шаге соотнесём Гераклита с объектом, о котором он высказывается, — так, как это уже делалось на схемах 1, 2, 14.

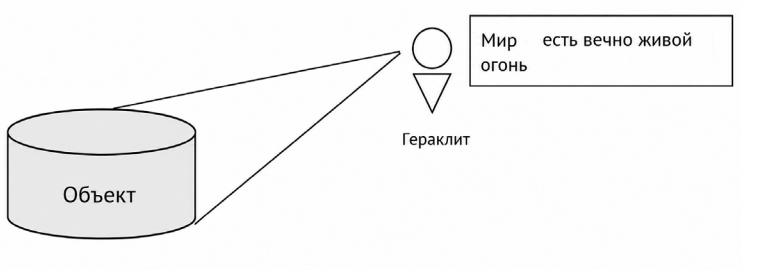

Рисунок 31. Можем забыть на время, что мы знаем о мире, но помним о том, что сказал о нём Другой (Схема 20)

Получилась субъект-объектная схема: есть позиция, направленная на объект, и есть результат этого отношения, оформленный в высказывании. Но называть Гераклита познающим субъектом пока следует с осторожностью. Схема показывает, что ему приписано высказывание о мире. Она не показывает, каким образом он получил своё знание, какие операции совершал, какими средствами пользовался и в какой ситуации говорил. Схема фиксирует отношение. Познавательную деятельность нам ещё предстоит в неё ввести.

Субъект-объектная схема стала одной из главных моделей познания в философии Нового времени и сохраняет влияние до сих пор. Но нельзя говорить, что ею руководствовалось всё познание вплоть до XX века. Античные философы не мыслили в картезианском или кантовском разделении субъекта и объекта, а философы и учёные XX века от этой схемы вовсе не отказались. Она продолжает работать. Вопрос состоит в границах её применимости.

Первоначально мы поместили в 1МП только объект-мир — то, что, по нашему предположению, существует независимо от высказывания Гераклита. Формулу «мир есть огонь» мы сочли сомнительной и не стали переносить её содержание в объект. Теперь же мы признали объективное существование самого высказывания. Тем самым в нашей картине мира появилось реально существующее заблуждение.

Словосочетание звучит странно, но только поначалу. Ошибочные теории, ложные утверждения и заблуждения существуют как объективированное содержание знания. Они записываются, передаются, обсуждаются, вызывают возражения и организуют действия. Ошибка может быть ложной по отношению к объекту и совершенно реальной как культурный факт. Мы знаем не то, что мир является

огнём. Мы знаем, что Гераклиту приписывается такое высказывание. И не обязаны даже утверждать, что Гераклит заблуждался. «Вечно живой огонь» можно интерпретировать как физическое первоначало, космологическую модель, метафору процесса или выражение постоянного становления. Нам достаточно того, что мы не принимаем эту формулу как буквальное и исчерпывающее описание мира.

Но что для нас важнее:

- что Гераклит это сказал;
- что его высказывание может быть ошибочным;
- чем мир является «на самом деле»;
- или каким образом вообще устанавливается отношение между высказыванием и миром?

Последний вопрос постепенно становится главным.

Вернёмся к Декарту. Декарт не просто говорит о мире, но обнаруживает самого себя как мыслящего. Однако он не размещает себя в материальном мире в качестве его мыслящей части. Картезианская конструкция, напротив, разводит мыслящую и протяжённую субстанции. Поэтому Декарт не говорит, что мир мыслит Декартом. Это можем сказать мы — но уже как собственную метафизическую или методологическую формулу. Если мир включает людей, а люди мыслят, то в мире происходят процессы мышления. Однако из этого не следует, что мир в целом мыслит. Иначе пришлось бы утверждать, что мир пишет книги, заблуждается, сердится и страдает зубной болью, поскольку всё это делают некоторые его части.

Эта ошибка называется просто: свойство части приписывается целому. Но за неудачной формулой сохраняется важная мысль. Онтология, включающая человека, не может описывать человека только как тело среди тел. Она

должна найти место мышлению, рефлексии, целям, действиям и создаваемым людьми объектам.

Субъект-объектная схема делает первый шаг: выделяет человека в особую позицию относительно объекта. Однако она немедленно сталкивается с трудностью. Субъект может ошибаться и заблуждаться, а существование объекта не должно зависеть от его заблуждений. В классической формулировке свойства объекта считаются независимыми от того, что о них думает субъект. Именно это позволяет различать истинные и ложные утверждения.

Но эту независимость нельзя понимать как отсутствие всякого взаимодействия. Познание почти всегда воздействует на познаваемое. Мы освещаем предмет, касаемся его прибором, разрезаем, нагреваем, помещаем в экспериментальную установку. Даже простое наблюдение требует физического взаимодействия света, объекта и органов восприятия.

Классическая наука не отрицала взаимодействия. Она предполагала, что его можно сделать пренебрежимо малым, учесть или отделить от свойств исследуемого объекта. В XX веке выяснилось, что в атомной физике такое отделение не всегда возможно.

Вот здесь квантовая механика действительно становится важной для нашего рассуждения. Но не потому, что она доказала зависимость реальности от человеческого сознания. Принцип дополнительности Бора утверждает не то, что наблюдатель своим взглядом превращает свет то в волну, то в частицу. Разные экспериментальные устройства позволяют получить данные, требующие взаимно исключающих классических описаний. В одном устройстве обнаруживается интерференционная картина, в другом — локализованные акты регистрации. Фо-

тон при этом не «становится» волной или частицей по желанию наблюдателя. Меняется экспериментальная ситуация и тот класс явлений, который в ней может быть зарегистрирован.

Для Бора квантовое явление нельзя однозначно отделить от условий наблюдения и измерительного устройства. Описание должно включать всю экспериментальную установку[74]. Соотношения неопределённостей Гейзенберга также нельзя сводить к тому, что неумелый наблюдатель своим прибором портит объект. Они выражают структурное ограничение на совместную определённость несовместимых наблюдаемых — например, координаты и импульса[75]. Ни Бор, ни Гейзенберг не доказали, что микроскопический объект не существует «на самом деле». Это уже философская интерпретация квантовой механики, причём далеко не единственная.

Квантовая физика заставляет утверждать более определённую вещь: единицей анализа становится не изолированный объект, а экспериментальное явление, включающее исследуемую систему, устройство, операцию измерения и результат регистрации. И это уже прямой шаг от объекта №1 к объекту №2. Не человеческое сознание создаёт фотон. Но организованная экспериментальная деятельность создаёт ситуацию, в которой фотон может быть определён и описан как объект знания.

---

74 Бор Н. Квантовый постулат и новое развитие атомистики // Успехи физических наук. — 1928. — Т. 8, вып. 3. — С. 306–337.

75 *Впервые Гейзенберг формулирует соотношения неопределённостей в статье 1927 года «Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik» (русский перевод*: Гейзенберг В. О наглядном содержании квантовотеоретической кинематики и механики // Успехи физических наук. — 1977. — Т. 122, вып. 4. — С. 651–671.). Современный историко-философский разбор темы см.*:* Hilgevoord J., Uffink J. The Uncertainty Principle // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta. — Winter 2016 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2016.

Объективность при этом не исчезает. Она просто обеспечивается не нетронутостью объекта, а воспроизводимостью экспериментальной организации:

- одинаковыми условиями;
- явно описанными операциями;
- согласованными средствами измерения;
- проверяемыми результатами.

Два исследователя не получают право произвольно объявить фотон волной или частицей. Они получают дополнительные описания в разных экспериментальных условиях. И оба описания могут быть правильными в пределах условий их получения.

В начале XX века действительно заговорили об «исчезновении материи». Но эта формула возникла ещё в связи с открытием электрона, радиоактивности и разрушением прежней модели атома. Ленин уже в 1908 году язвительно замечал: исчез не материальный мир, а прежний предел нашего знания о строении материи[76]. Принимать всю ленинскую философию физики мы не обязаны. Но в этом пункте замечание точное: фальсифицирована была не материя, а определённая картина материального объекта. Изменился объект физики.

А если меняется объект, должна измениться и схема организации познания. Нельзя оставить прежнего субъекта, прежние средства, прежнюю процедуру наблюдения и просто заменить картинку объекта на табло сознания. Именно поэтому на схемах 4, 5 и 6 появляются другие типы объектов.

---

76 Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии. — М. : Издательство политической литературы, 1984. — *См. главу V «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм», § 2 «Материя исчезла».*

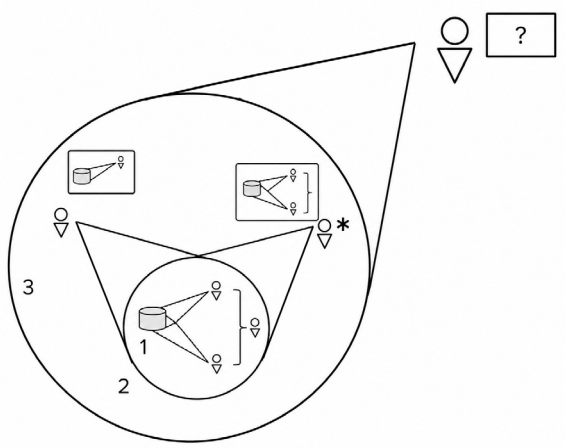

Рисунок 32. Интересуясь миром/объектом, мы знаем, что о нём говорят Другие, и то, как это обсуждается и анализируется Другими (Схема 6)

Не будем заново повторять всю аргументацию введения объектов №1, 2 и 3. Но необходимо восстановить различия между ними, иначе дальнейшее движение будет построено на подмене.

Объект №1 — это вещь, явление или идеальный объект, извлечённый из деятельности и представленный как относительно самостоятельный предмет рассмотрения.

Объект №2 не является мыслящим человеком или множеством мыслящих людей. Это построенная конструкция, включающая объект №1, позиции, отношения между позициями, операции и средства, благодаря которым объект №1 выделяется, исследуется и используется.

Объект №3 — конструкция следующего масштаба. Она включает один или несколько объектов №2 вместе с деятельностью их построения, воспроизводства и преобразования, а также позиции, способные рефлексивно организовывать эту деятельность.

Точное содержание объекта №3 нам ещё придётся устанавливать. Но уже сейчас ясно: объекты №1, 2 и 3 отличаются не количеством элементов, а способом организации.

Поэтому нельзя говорить, что Бор и Гейзенберг являются объектами №2. Они — люди, занимавшие определённые позиции в организации научного мышления и экспериментальной работы. Сформулированные ими принципы существуют в ЗМП как содержание знания. А экспериментальные ситуации, в которых эти принципы получают значение, могут быть представлены как объекты №2.

Нельзя также без уточнения утверждать, что объект №1 создаётся объектом №2. Физический процесс может существовать независимо от нашей деятельности. Но то, каким образом он выделен, ограничен, включён в эксперимент и представлен как определённый объект знания, зависит от организации объекта №2. Не фотон создан экспериментом. Экспериментом создан фотон как объект данного исследования — с установленными средствами его регистрации и описания.

Рефлексивность тоже не является свойством объекта №2 как такового. Рефлектируют люди, занимающие позиции. В объекте №2 могут быть представлены рефлексивные отношения и действия, но сама схема не приходит ночью в сознание и не начинает размышлять о себе.

Особенно осторожно следует обращаться с интенциональностью. Интенциональность сознания — направленность на нечто. Намерение — цель или замысел действующего человека. Стремление скрыться, обмануть или выдать себя за другого — стратегическое действие. Это разные вещи. Именно наличие действующих людей с несовпадающими намерениями отличает многие социаль-

ные и гуманитарные объекты от объектов классического естествознания.

Здесь уместен афоризм Эйнштейна: «Господь изощрён, но не злонамерен»[77]. Смысл прост: природа может быть сложной и трудно постижимой, но она не меняет сознательно своё поведение, чтобы обмануть физика. А вот человек может. Человек способен скрывать намерения, менять поведение в ответ на наблюдение, изображать другого и противодействовать исследователю. Поэтому в социальном объекте наблюдаемый не только испытывает воздействие наблюдения, но может понять, что его наблюдают, и начать действовать относительно наблюдателя. Вот здесь объект классической субъект-объектной схемы окончательно перестаёт быть достаточным.

Тест Тьюринга можно использовать как иллюстрацию, но не как доказательство наличия у машины намерений. Тьюринг предложил заменить метафизический вопрос «может ли машина мыслить?» операциональной проверкой: сможет ли человек в текстовой коммуникации отличить машину от другого человека[78]. Если машина окажется неотличимой от участника коммуникации, это ещё не доказывает наличия у неё сознания, рефлексии или намерений. Но для организации взаимодействия нам придёт-

---

77 *Фраза Альберта Эйнштейна «Raffiniert ist der Herrgott, aber boshaft ist er nicht» («Господь изощрён, но не злонамерен») была произнесена в Принстоне в мае 1921 года, по-видимому, в связи с обсуждением экспериментальных проверок теории относительности. Её часто интерпретируют как выражение убеждения Эйнштейна в рациональной упорядоченности и принципиальной познаваемости природы. — Прим. ред.*

78 *Оригинальная работа Тьюринга:* Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. — 1950. — Vol. 59, No. 236. — P. 433–460. *Перевод на русский язык:* Тьюринг А. М. Может ли машина мыслить? / пер. с англ. Ю. А. Данилова ; ред. и предисл. С. А. Яновской. — М. : Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. — С. 12–41.

ся функционально учитывать её как отдельную позицию, способную отвечать, менять стратегию и влиять на действия других участников. Этого для организационно-деятельностной схемы уже достаточно.

Итак, в реальном мире мы встречаем не только вещи и природные процессы, но людей, их действия, средства, тексты, организации и создаваемые ими конструкции.

Однако видеть всё это недостаточно. Необходимо уметь различать:

- человека как физическое тело;
- человека как занимающего позицию деятеля;
- содержание его сознания;
- объективированное содержание знания;
- действие;
- средство действия;
- предмет, на который действие направлено;
- организацию, связывающую множество действий и позиций.

Субъект-объектная схема всего этого не вмещает. Именно поэтому мы переходим к организационно-деятельностным схемам. Но прежде нужно разобраться со знаком «?» на схеме 6.

В прежней системе схем он обозначал не табло сознания и не третий мир Поппера. Это было ПФМ мышления, отнесённое к внешней рефлексивно-методологической позиции. Содержание, которое мы размещали на табло сознания в схемах 15-17, нельзя просто удалить как «отработанное». Оно остаётся материалом анализа. Начинать сначала не нужно. Нужно сменить масштаб и поставить новый вопрос: «Что именно должно происходить в мышлении, чтобы человек мог не только представить объект, но построить, организовать и изменить систему деятельности?».

С этого вопроса и начинается переход к СМД-схеме.

8.3. В поиске отсутствующих полноты и завершённости

8.3.1. Три проблемных места в устройстве схемы

Постановка вопроса о полноте и завершённости схемы — Различение трёх миров как разных способов существования содержания, разница в содержании картины мира и самой картины мира — Проблема размещения деятельности в онтологической схеме — Переосмысление объекта как отношения позиции к выделенному и удерживаемому целому — Переход от объекта познания к предмету деятельности через различение исследовательской и деятельной позиций — Практика как организация позиций, целей, средств, операций, материала и результатов, необходимая для построения объекта №2 — Переход от комплексирования разных представлений к реконструкции целостной структуры деятельности.

Начиная работать с составом элементов схемы-модели — Ссс, — я имел поименованные ПФМ, пустые функциональные места. Определив возможности и ограничения схемы-модели, я начал наполнять её простейшим содержанием, взяв за основу элементарное высказывание о мире/объекте. Разместив это минимальное знание на табло сознания, я спроецировал его на пустое функциональное место, предназначенное для объектов. Затем проанализировал полученную схему-модель и развил представление об объекте.

Теперь я могу временно очистить табло сознания. Именно временно. Знание, с помощью которого был построен объект, не исчезло: оно снято в устройстве полученной модели. Я лишь сворачиваю уже проделанную работу, чтобы освободить место для следующей.

В результате получаем схему-модель 21: максимально заполненный на данном этапе объект и пустое табло сознания.

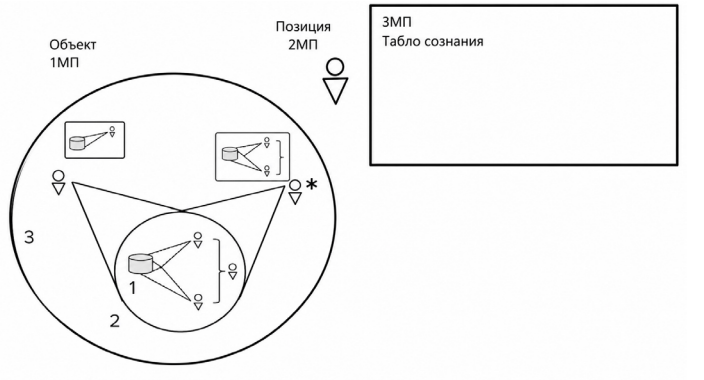

Рисунок 33. Со-знание. На табло сознания собираем всё, что знали Другие о том, о чём мы хотим знать (Схема 21)

Если теперь совершить обратное действие и спроецировать содержание объекта на табло сознания, ничего нового мы не получим. На табло появится то, что уже есть в объекте. Но чем тогда заполнять табло сознания — то есть схематизировать наше знание, — если не отражением объекта? Отвечая на этот вопрос, ещё раз проанализируем видоизменённую и перерисованную схему.

Моя задача — заполнить картину мира на табло сознания, принадлежащем позиции, работающей с объектами №3. Но прежде чем рисовать эту картину мира, зададимся вопросом: что уже есть на схеме-модели и чего на ней нет?

Мы строим схему, претендующую на полноту. Но полноту чего? Не всего мира без остатка. Такая претензия была бы не только самонадеянной, но и бессмысленной. Полнота схемы означает, что в ней не пропущены функциональные места, необходимые для нашей работы. А завершённость означает не окончательную истину, а возможность остановить рассуждение и начать действовать

со схемой. Вот на такую полноту и такую завершённость мы пока можем претендовать.

И тут обнаруживаются три странности.

Первая состоит в том, что полнота мира представлена комплексом из трёх миров, или трёх МП. Мы уже приняли такое устройство схемы. Но не стоит обосновывать его принципами дополнительности и неопределённости в квантовой механике. Объекты микромира действительно требуют нескольких взаимодополнительных описаний, но три мира Поппера — не три описания одного объекта.

В нашей схеме это три разных способа существования и организации содержания:

- 1МП — мир объектов;
- 2МП — позиция, состояния сознания и активность;
- 3МП — объективированное содержание мышления, знания и картины мира.

Неверным также будет сказать, что каждое из этих пространств описывает один и тот же мир со своей стороны. Они существуют по-разному, и именно поэтому должны быть различены, а затем соотнесены.

Вторая странность состоит в том, что в схеме, претендующей быть картиной мира, выделено специальное место для размещения картины мира — табло сознания. Получается, что у нас две картины мира:

а) вся схема-модель;
б) картина мира на табло сознания, то есть внутри самой схемы-модели.

На первый взгляд тут действительно возникает дурная бесконечность: схема содержит картину мира, эта картина мира должна содержать схему с картиной мира, та — следующую схему... Но математического парадокса здесь нет. Мы имеем дело не с множеством всех множеств, а с двумя уровнями работы.

Вся схема является методологической метасхемой. Она показывает, как организованы мир объектов, позиция и табло сознания. А на табло сознания размещается содержание, с которым работает позиция: знания, представления, модели и картины мира. Схема организации картины мира и сама картина мира — не одно и то же.

Теория множеств здесь полезна только как дисциплина, запрещающая безнаказанно смешивать уровни: элемент и множество, объект и описание объекта, высказывание и высказывание о высказывании. На этом можно остановиться. Ни аксиоматика NBG[79], ни теория категорий[80], ни проблема остановки машины Тьюринга[81] нашу методологическую задачу не решают. Звать их на помощь незачем.

Различение уровней позволяет нам работать с рефлексивными схемами. Табло сознания может содержать изображение всей схемы, частью которой само является.

---

79 *Система аксиом фон Неймана — Бернайса — Гёделя (NBG) — аксиоматическая теория множеств и классов, в которой наряду с множествами рассматриваются собственные классы — «слишком большие» совокупности, такие как класс всех множеств, которые сами не являются множествами. NBG позволяет формально рассуждать о таких объектах, не допуская парадоксов наивной теории множеств. — Прим.ред.*

80 *Теория категорий — раздел математики, возникший в 1940-е годы в работах Сэмюэла Эйленберга и Сондерса Маклейна и описывающий математические структуры прежде всего через связи и преобразования между ними. Её базовыми понятиями являются объекты, морфизмы между объектами, их композиция и тождественные морфизмы; благодаря высокой степени абстракции теория категорий служит общим языком для выявления структурных аналогий и связей между различными областями математики. — Прим.ред.*

81 *Проблема остановки — фундаментальная проблема теории вычислимости, восходящая к работе Алана Тьюринга 1936 года: существует ли универсальный алгоритм, способный для произвольной программы (машины Тьюринга) и входных данных определить, завершит ли она вычисление или будет продолжать его бесконечно. Тьюринг доказал неразрешимость соответствующей общей задачи, тем самым установив одну из принципиальных границ алгоритмической вычислимости. — Прим.ред.*

Но мы должны каждый раз понимать, на каком уровне читаем изображение. То же относится ко времени и развитию. Категория времени, без которой невозможно мыслить развитие, в схемах Ссс — состава — и сСс — структуры — непосредственно не отображается. Можно обозначить время стрелкой или ввести временную координату, но стрелка и координата остаются пространственными элементами рисунка. Временем они становятся только в интерпретации.

Один и тот же знак можно нарисовать дважды. Но само удвоение ещё не означает развития.

Два изображения могут обозначать:

- два момента времени;
- два состояния объекта;
- два ракурса;
- два масштаба;
- два уровня организации;
- две различные объективации.

Чтобы прочесть удвоение как развитие, необходимо задать переход: что именно изменилось, благодаря чему и в каком направлении.

Схемы ссС — системы — позволяют интерпретировать элементы и связи как процессы и функции. Но и там время не появляется автоматически. Его приходится вводить в понимание схемы. Такой приём давно используется в искусстве: в житийных иконах, комиксах, египетских изображениях, музейных экспозициях. Герой изображён несколько раз на одной плоскости, поскольку показаны разные события его жизни. Но мы понимаем это как историю только потому, что можем восстановить последовательность событий.

То же и с методологическими схемами.

Любой знак на схеме может обозначать единичную вещь — Гераклита, например. Но тот же знак может обозначать тип философа, класс философских позиций или целую традицию. В зависимости от этого меняется смысл всех связанных с ним элементов. Поэтому недостаточно нарисовать знак. Нужно определить его логический тип и удерживать выбранную интерпретацию.

Высказывание «Гераклит думает, что мир есть огонь» — не простая куча элементов или множество слов. Это структурированное целое: позиция, акт мышления, логический субъект, предикат и отношение между ними. Разобрав высказывание на части, мы ещё не поймём его. Нужно снова собрать связи.

Картина мира, которую мы хотим видеть на табло сознания, не может быть статичной. Она должна содержать историю мира, его эволюцию и развитие. Но и сам мир в 1МП берётся нами как развивающийся. Из этого не следует, что мир нужно несколько раз рисовать внутри одного ПФМ. Следует лишь понимать, какой модус его существования и какое состояние мы в данный момент схематизируем.

И тут появляется третья странность. На нашей схеме нет того, чего Маркс требовал от Фейербаха и от всей предшествующей философии: человеческой чувственной деятельности и практики. В первом тезисе о Фейербахе Маркс пишет, что главный недостаток предшествующего материализма заключается в том, что «предмет, действительность, чувственность берутся только в форме объекта, или в форме созерцания, но не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно». И далее: Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных, но не понимает саму человеческую деятельность как предметную деятельность.

Это важнее для нас, чем филологическая игра словами Gegenstand и Objekt[82]. Маркс не предлагает поменять объект и предмет местами. Он указывает на отсутствующее звено: деятельность.

Не потеряли ли и мы человеческую чувственную деятельность и практически-критическую работу, как несчастные материалисты и идеалисты? Нужно искать.

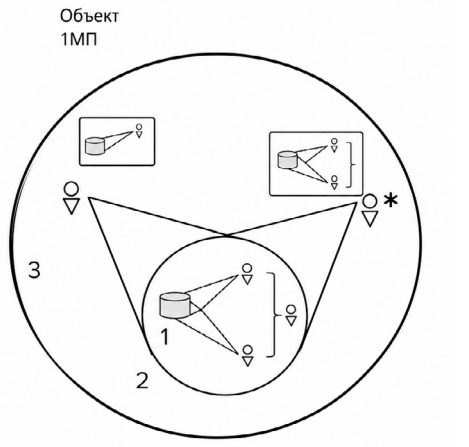

Рисунок 34. Фрагмент схемы 21. Мир Знания (Схема 22)

82 *В формулировке первого тезиса Маркс пишет, что прежний материализм понимает действительность только «unter der Form des Objekts oder der Anschauung» — «в форме объекта или созерцания», — а не «als sinnlich menschliche Tätigkeit, Praxis; nicht subjektiv». При этом предложение начинается словами „Der Hauptmangel alles bisherigen Materialismus … ist, daß der Gegenstand, die Wirklichkeit, Sinnlichkeit…“. То есть одна и та же реальность сначала названа Gegenstand, а затем критикуется способ её понимания как Objekt. Эту разницу обычно интерпретируют следующим образом: смысловой оттенок Gegenstand — это «предмет»: то, что предстоит человеку, на что направлена его деятельность и что составляет предметный мир. В то время как Objekt — «объект» — употребляется в более специально эпистемологическом смысле: нечто противостоящее познающему субъекту и данное ему как объект созерцания. Поэтому Маркс критикует не предметность (Gegenständlichkeit) как таковую, а редукцию предметной действительности к Objekt, пассивно созерцаемому субъектом. — Прим.ред.*

Рассмотрим фрагмент 1МП, объявленный нами полным изображением мира/объекта. На нём три типа объектов: №1, №2 и №3. Более того, объект №1 появляется внутри разных конструкций несколько раз. Но где здесь предмет деятельности?

Пока вынесем за скобки различия между объектами №1, №2 и №3. Они устроены по-разному, но все названы объектами. Поэтому сначала разберёмся, что мы называем объектом. Можно было бы сказать совсем просто: Объект — это то, что мыслится. Но эту формулу необходимо уточнить. Всё, что мыслится, может стать объектом мышления. То, что мышление выделяет, полагает перед собой и удерживает как некоторое целое, становится объектом. Вне такого полагания нет объекта для данной позиции. Но из этого вовсе не следует, что вне мышления не существует мир, вещи или процессы. Не нужно путать отсутствие объекта в мышлении с отсутствием существования.

Объект — не вещь и не картинка в голове. Это то, к чему мышление относится как к относительно самостоятельному целому. Поэтому объект правильнее изображать не одиночным знаком, а как отношение.

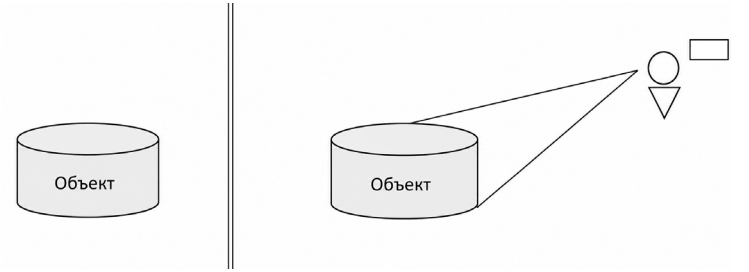

Рисунок 35. Два способа обозначения объекта на схеме — объект как вещь и объект как отношение (Схема 23)

Объект возникает в отношении позиции к чему-то. В простейшем случае — в субъект-объектной схеме. Субъект

и объект здесь являются парой категорий, не имеющих смысла друг без друга: как лево и право, верх и низ. Однако традиционный реализм соединяет в этой схеме два разных утверждения:

1. Объект является объектом познания, поскольку выделен и удерживается субъектом;
2. То, с чем имеет дело субъект, существует независимо от его познания.

Эти утверждения совместимы, пока мы не смешиваем объект познания с независимо существующей вещью. Мир может существовать независимо от нас, но объект появляется в определённой работе мышления и познания. Из независимости мира нельзя вывести, что объект полностью и в готовом виде дан субъекту. И уж тем более нельзя вывести разделение мира на достойное и недостойное познания.

Усложним схему. Если нечто рассматривается из разных позиций, то из этих позиций открываются разные стороны и свойства. Физик и химик могут работать с одним фрагментом реальности, но задавать разные вопросы, применять разные средства и совершать разные операции.

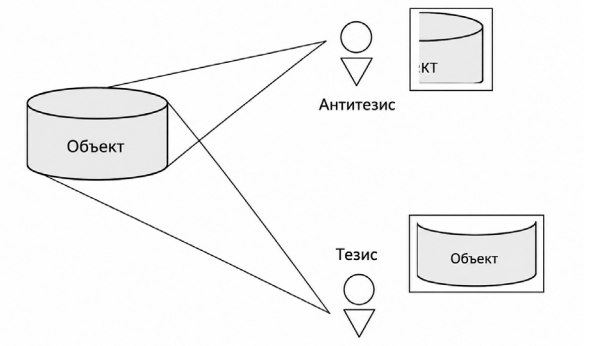

Рисунок 36. В знании о мире, как об объекте, объект выступает предикатом суждения. А что такое объект как субъект логического суждения? (Схема 24)

Однако позиция, «точка зрения», с которой рассматривается объект, ещё не является научным предметом.

Научный предмет включает:

- проблемы и задачи;
- понятия и знания;
- средства и методы;
- операции;
- нормы доказательства;
- способы построения и преобразования объектов.

Точка зрения — только один элемент этой организации. В методичках по написанию диссертаций обычно всё упрощают. Объектом называют широкую область исследования, а предметом — выбранную сторону, свойство или отношение внутри неё. Объект объявляется общим, предмет — частным. Для бюрократического оформления диссертации такая формула удобна. Для анализа мышления и деятельности она почти бесполезна.

Предмет исследования оказывается фрагментарным изображением объекта, выделенным исследователем. Внутри химии можно выделить один предмет, внутри физики — другой, внутри биологии — третий.

Но такого ли предмета требовал от нас Маркс? Очевидно, нет.

Маркс пишет: «Предмет, действительность, чувственность берутся только в форме объекта, или в форме созерцания». Это не означает, что предмет является формой объекта. Напротив, предмет, действительность и чувственность схватываются в одной-единственной, односторонней форме — как объект созерцания. Маркс требует не перевернуть отношение общего и частного, а выйти за пределы созерцания.

На следующем этапе анализа мы снова оказываемся в ситуации, изображённой на схемах 3 и 23.

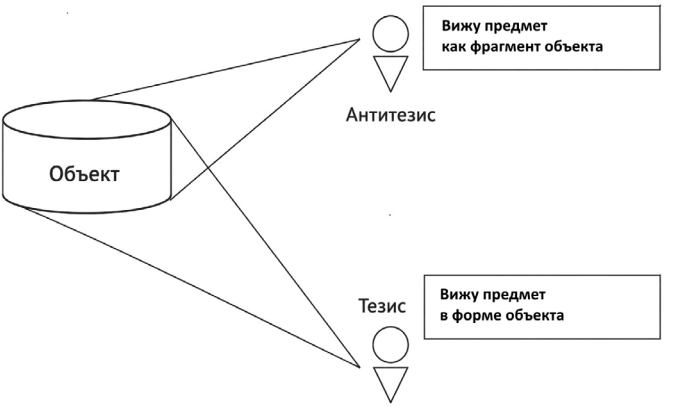

Рисунок 37. Возвращаемся к схеме антиномий, но иного порядка (Схема 25)

Маркс утверждает, что предмет нельзя брать только в форме объекта созерцания. Методички требуют представить объект в форме предмета исследования. Ситуация почти как у Козьмы Пруткова: на клетке слона написано «буйвол». Самое банальное предложение — договориться о терминах. Но в данном случае — это не спор о словах. Мы можем договориться называть объект предметом, а предмет объектом. После этого мы просто перестанем понимать и познание, и деятельность.

У Маркса фигурируют Gegenstand, Wirklichkeit, Sinnlichkeit, Objekt, Anschauung, Tätigkeit и Praxis. Причём Gegenstand — мужского рода, а Objekt — среднего: der Gegenstand, но das Objekt. Современное употребление этих слов в немецком, английском и русском языках проблемы не решает. В немецком Gegenstand der Forschung вполне может соответствовать русскому «объекту исследования», а английское subject of research — русскому «предмету». Этимология полезна, но сама по себе мышления не заменяет. Придётся разбираться с устройством категорий.

Предмет и объект играют в исторические прятки: в разные эпохи на первый план выходит то один, то другой. Но не стоит превращать эту историю в прямую линию от Сократа к Марксу. Античная философия не знала субъект-объектного отношения в его новоевропейском виде. Однако она различала чувственно воспринимаемые вещи, формы, сущности, материал, высказывания и то, о чём они высказываются. Платон и Аристотель развили способы работы с идеальными объектами. Галилей сделал идеализацию и математическое конструирование центральным средством науки. Кант перестроил отношение субъекта и объекта, поставив вопрос об условиях возможного опыта. Но ни один из этих поворотов сам по себе не вводил в онтологическую схему человеческую деятельность как её полноправный элемент.

Позднее неокантианцы сделали специальной темой ценности и культурную значимость. Это различение может помочь нам понять практику, но оно не исправляет и не заменяет (тем более, задним числом) Маркса.

Марксовский ход радикальнее. Во втором тезисе он утверждает, что вопрос об объективной истине мышления является не теоретическим, а практическим: действительность и силу своего мышления человек должен доказать в практике. Следовательно, практика не просто добавляет к объекту полезность, стоимость или субъективный интерес. В практике объект строится, проверяется, преобразуется и приобретает определённость. Маркс добивается включения в философскую схему не произвольной субъективности, а деятельности. Но и этого ещё недостаточно, чтобы получить объект №2.

Объект №2 нельзя построить простым сложением: объект + чувственность + субъективность + ценность. Нужно восстановить организацию деятельности: пози-

ции, цели, средства, знания, операции, преобразования и результаты. Только тогда мы выйдем к объекту №2.

На схеме 24 можно обнаружить несколько мест, в которых предметные отношения пока скрыты объектными обозначениями. Но предмет не лежит за объектом, как ещё одна спрятанная вещь. Его нужно реконструировать из деятельности. Сначала попробуем найти предметное отношение, связанное с объектом №1. Для этого временно отвернёмся от 1МП и рассмотрим, как его содержание отображается на табло сознания в 3МП из позиции, находящейся во 2МП.

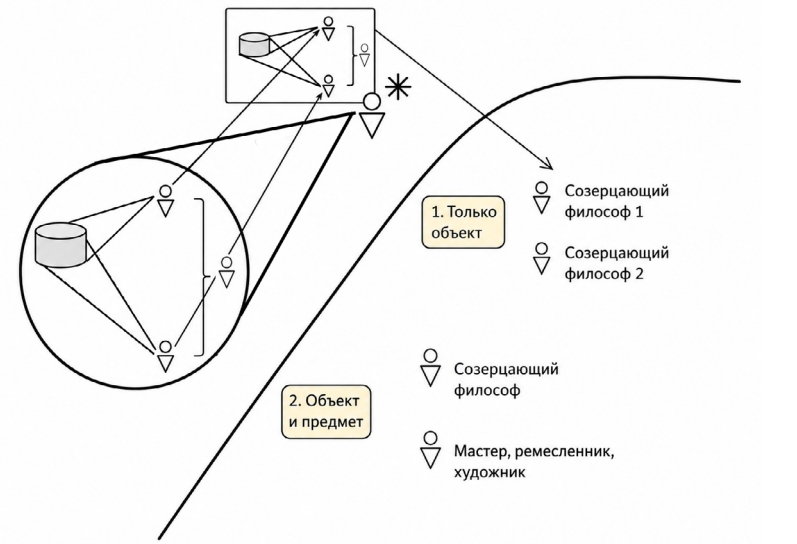

Рисунок 38. Два типа диалога: 1. Спор философов о мире; 2. Разговор теоретика и практика (Схема 26)

На схеме 26 воспроизведена схема 4 и выделено место для чтения того, что отображается на табло сознания рефлектирующей позиции. На табло изображены две позиции, из которых одно и то же нечто дано по-разному.

Две позиции обозначают здесь не число два, а множество. Позиций может быть сколько угодно. Мы рисуем две, поскольку этого достаточно для постановки вопроса. Важно не количество точек зрения, а их тип.

Возможны два прочтения.

Первое прочтение: позиции одного типа**.**

Обе позиции являются позициями созерцания и познания. Такую модель хорошо иллюстрирует притча о слепцах, ощупывающих слона. Одному доступна нога, другому хобот, третьему хвост или бивень. Каждый получает ограниченную тактильную информацию и делает вывод. Тот, кто ощупывает ногу, говорит: слон похож на колонну. Тот, кто держится за хобот, уверен, что слон похож на змею или шланг. Колонна и змея являются объектами, которые слепцы способны мыслить. Но ни один такой объект не является слоном.

Слон является каждому из слепцов по-разному. Но говорить, что «слон является самому себе слоном», не стоит. Мы не знаем, как и чем слон является самому себе. Мы лишь постулируем его тождественность себе и независимое существование. Это и есть «объективный слон» — не слон, уже исчерпывающе познанный, а то, относительно чего проверяются и сопоставляются наши построения.

Проекции из разных позиций можно комплексировать. Но простое сложение проекций ещё не даёт объекта. Их необходимо соотнести, проверить, сделать взаимно переводимыми, найти инварианты и устранить несовместимости. Только после такой работы конфигурация разных объектных представлений может претендовать на приближение к объективному слону.

В истории науки этот приём действительно применялся постоянно. Но научные дисциплины не склады-

вались простым суммированием точек зрения. Вместе с объектами создавались языки, методы, приборы, экспериментальные процедуры и нормы доказательства. Советская методичка сокращает всю эту работу до формулы: «Объект и предмет исследования соотносятся как общее и частное».

Но такой предмет нам не нужен. Во всяком случае, не этот предмет имел в виду Маркс.

Второе прочтение: позиции разных типов.

Теперь предположим, что одна позиция является позицией созерцателя и исследователя, а другая — позицией деятеля.

Исследователь спрашивает, чем является слон и как он устроен. Для него слон — млекопитающее отряда хоботных, травоядное животное, представитель определённого вида. Деятель спрашивает иначе: что со слоном можно делать, как с ним обращаться, чем он полезен, опасен или ценен? Для охотника слон может оказаться дичью, для торговца — источником слоновой кости, для погонщика — тягловой силой, для военачальника древности — боевым орудием. Сегодня к этому добавится позиция защитника животных, для которого всё перечисленное является не полезностью, а преступлением.

Объект один и тот же — если мы пока позволим себе так сказать. Предметы деятельности разные.

Созерцающий мыслитель объявляет свою установку бескорыстной и объективной. Практику он склонен видеть так, как Маркс описывает Фейербаха: практика «берётся и фиксируется только в грязноторгашеской форме её проявления»[83]. Если разыграть привычную марксистскую пьесу,

---

83 В оригинале Маркса стоит schmutzig-jüdischen Erscheinungsform — откровенно антисемитская формула, которую советский перевод смягчил до «грязноторгашеской». Эту деталь не стоит скрывать. Но

то идеалист Платон окажется «классовым врагом», а материалисты Демокрит и Фейербах — «классовыми друзьями». Но первый тезис Маркса устроен сложнее. Маркс признаёт заслугу идеализма: именно идеализм развивал деятельную сторону — хотя и абстрактно.

Платоновский Сократ разговаривал с ремесленниками и признавал, что они знают множество вещей, которых не знает он сам. В «Апологии» Сократ говорит, что ремесленники действительно мудрее его в своём деле. Их ошибка начинается там, где мастерство в одном деле принимается за мудрость обо всём[84]. Значит, Сократ не презирает знание ремесленника как таковое. Он ограничивает его притязания.

То же нужно сказать о математических объектах. В пифагорейской традиции числа связывались с фигурами, отношениями и музыкальными гармониями. Евклид различал числа и величины, а несоизмеримые величины рассматривал геометрически. Называть их иррациональными числами можно только в современном переводе, помня об анахронизме. Математические сущности стали одним из наиболее чистых примеров объектов мысли. Но объявлять их первыми объектами вообще не стоит. За этот историко-философский афоризм пришлось бы заплатить слишком большой философский налог.

Есть старая учебная байка о философах, рассуждающих в монастырском саду о зрении крота[85]. Садовник

и заменять анализ марксовского хода биографическим приговором Марксу тоже не следует. — Прим. авт.

84 Платон. Апология Сократа, 22d–e.

85 *В исторической реальности этого спора, по-видимому, никогда не было, а его «участники» — персонажи позднейшего академического анекдота. В современных пересказах этой философской байки главными героями нередко делают Альберта Великого и его ученика Фому Аквинского — как символических представителей зрелой схоластики. Такая атрибуция довольно несправедлива к Альберту*

предлагает выкопать настоящего крота и посмотреть. Философы возмущаются: их интересует идеальное зрение идеального крота, а грязное животное только мешает чистоте рассуждения. Байка смешная, но философская проблема не решается предложением садовника. Эмпирический крот тоже должен быть описан, измерен и понят. С другой стороны, философы, отказывающиеся посмотреть на крота, заслуживают садовника, который всё-таки бросит его им на стол.

Марксовский предмет практически-критической деятельности — это не какой-то крот, и не просто идеальный объект схоластов. Это организация, в которой соединяются знания, средства, действия и сопротивляющийся материал. Как совместить идеальное и чувственно воспринимаемое? Как соединить объективирующее знание со знанием заинтересованным, ценностным и практическим?

Этими вопросами занимались и продолжают заниматься философы, учёные и методологи после Маркса. По-прежнему существуют снобы, презирающие практическое знание мастеров, бизнесменов и инженеров. И существуют снобы с другой стороны, презирающие «сферических коней в вакууме», а вместе с ними — всякое теоретическое мышление.

Пока в мире признаётся только объект №1, а предмет деятельности считается его частным, субъективным и потому второстепенным дополнением, эта проблема неразрешима. Первый шаг состоит в переключении внимания с объекта №1 на объект №2.

Великому, который уделял исключительное внимание изучению природы, опирался на наблюдения и собственный опыт и занимает заметное место в истории средневекового естествознания. — Прим.ред.

Но объект №2 — тоже объект. Он идеален, может мыслиться и изображаться на схеме. Предмет же дан в деятельности: в действиях, операциях, преобразованиях, сопротивлении материала, полезности и результате. Следовательно, нам придётся повторить процедуру. Но уже не с самого начала. Мы знаем, где искать недостающее:

- в позиции;
- в цели;
- в средствах;
- в операциях;
- в материале;
- в результате;
- в отношениях между участниками деятельности.

Рассуждение о слоне демонстрирует только один фрагмент этой процедуры — комплексирование разных представлений. Но это середина пути, вырванная из целого. У процедуры ещё нет начала и нет завершения. Именно их нам теперь предстоит восстановить.

8.3.2. Что мы говорим, и что делаем своим говорением

От исторического материала к методологической реконструкции операций мышления: распредмечивания, объективации, идеализации и опредмечивания — Различение независимо существующего мира и объекта, строящегося в познавательной деятельности — Инакомыслие и различие позиций как условие движения мышления — Ограничения субъект-объектной схемы в работе с социальными и гуманитарными объектами — Необходимость различить и связать объект познания и предмет деятельности.

Итак, начнём с самого начала. По схеме 26 будем разбирать системный объект №2 и его отображение на табло сознания. Строго говоря, речь пойдёт о взаимных отобра-

жениях 1МП и 3МП. 2МП — это позиция, из которой такое отображение производится, читается и понимается.

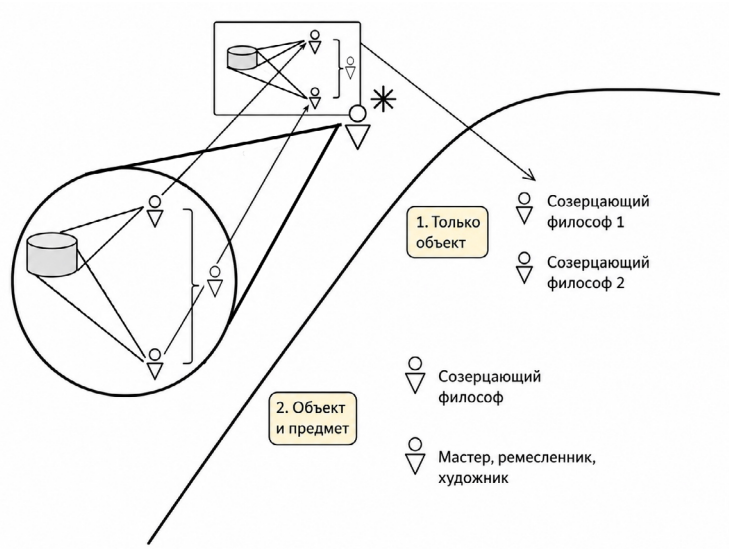

Рисунок 39. Почему разговор философа с ремесленником продуктивнее чисто философского диспута (Схема 26)

Дальше я выделю четыре этапа: распредмечивание, объективацию, идеализацию и опредмечивание.

Сразу предупреждаю: это не учебник истории философии. Сократ не передавал Аристотелю операцию распредмечивания, Аристотель не завещал Галилею объективацию, а Галилей не готовил для Маркса идеализацию. Я раскладываю историю по операциям мышления. Исторические фигуры нужны здесь не для полноты исторического обзора, а как носители и демонстраторы этих операций.

Если принять эту конструкцию за действительную хронологию, она развалится. Если читать её как методологическую реконструкцию, она может оказаться полезной.

1. Распредмечивание (этап сократической майевтики**)**

1.1. Гносеологический принцип

Сократу приписывают формулу: «Я знаю, что ничего не знаю». У Платона она сформулирована сложнее: Сократ не считает себя знающим то, чего он не знает. Я обычно добавляю: «…но не совсем в этом уверен». Последний оборот нужен мне для того, чтобы незнание тоже не превратилось в догму.

Сократ начинает не с сообщения знания, а с признания собеседника человеком, у которого есть какое-то знание — или, по крайней мере, притязание на знание. Собеседник нужен ему не как пустой сосуд, куда можно что-то налить. И не как справочник, из которого извлекают готовый ответ. Он нужен как Иной.

В майевтике всегда есть как минимум две позиции и диалог между ними. Это ещё не означает равенства знаний, социального положения или способностей. Но без признания другого участником исследования никакой майевтики не получится.

В «Апологии» Сократ рассказывает, как расспрашивал политиков, поэтов и ремесленников. В других диалогах он разговаривает с софистами, юношами, военачальниками, будущими правителями. Они знают разное, претендуют на разное и по-разному понимают сам вопрос. Сократ каждый раз имеет дело не с другим Сократом, а с человеком, который занимает иную позицию. Сам Сократ не описывал происходящее в таких терминах. Это уже наша реконструкция. Но без неё мы увидим только разговоры древних греков и пропустим устройство мышления.

Гносеологический принцип Сократа поэтому нельзя обнаружить среди готовых ответов самого Сократа. Он

проявляется в организации ситуации: один спрашивает, другой отвечает, потом ответ становится предметом совместного исследования.

На табло сознания должна быть изображена не одна голова, созерцающая объект, а по меньшей мере две позиции, между которыми разворачивается мыслительная работа.

1.2. Онтологический принцип

То, что сказано о вещи, ещё не есть то, чем она является.

Собеседник сообщает Сократу нечто о мужестве, справедливости, благочестии, власти или ремесле. Но высказанное определение сразу же становится подозрительным. Оно может выражать привычку, выгоду, частный опыт, предрассудок или удачное попадание. Предстоит выяснить, выдержит ли оно вопросы.

В нашей реконструкции этот ход выглядит так:

1.2.A. Сократ просит собеседника сообщить знание, которого у самого Сократа нет или в котором он сомневается;

1.2.B. Сократ спрашивает, что именно сообщено: случайный признак, личное мнение, способ употребления вещи или то, без чего она перестаёт быть собой;

1.2.C. Сократ подвергает сомнению и первоначальную видимость, и предложенное определение сути.

Распредмечивание начинается в тот момент, когда привычный предмет перестаёт быть само собой разумеющимся. Пока мастер действует, инструмент для него остаётся инструментом. Пока политик властвует, власть остаётся властью. Пока благочестивый человек исполняет обряд, благочестие не нуждается в определении. Сократ останавливает действие и спрашивает: что это такое? Предмет извлекается из привычной деятельности и превращается в проблему.

1.3. Деятельностный принцип

Вещь существует в деятельности не так, как она существует в рассуждении.

Ремесленник знает, как ею пользоваться, что она позволяет сделать, где ломается и чего стоит. Сократ спрашивает, чем она является. Это разные знания. В майевтике уже заложена операция распредмечивания. Мы берём вещь, нагруженную употреблением, интересом, пользой, вредом и ценностью, и пытаемся освободить её от случайных связей. Не уничтожить эти связи, а временно отложить их в сторону.

Задача распредмечивания состоит не в том, чтобы отделить истину от лжи. Это было бы слишком легко. Нужно отделить устройство вещи от сложившегося способа обращения с ней.

2. Объективация (этап аристотелевской аналитики**)**

Это очень продолжительный методологический слой: от аристотелевской аналитики и силлогистики до развитой средневековой логики, метафизики и теологии. Не следует думать, что все эти столетия люди занимались одним и тем же. Нас интересует только одна линия: превращение всего мыслимого в определённые и различённые объекты рассуждения.

2.1. Гносеологический принцип

Аналитическому разбору подлежит всё, о чём можно осмысленно рассуждать.

Ничего нельзя путать, всё нужно различать: род и вид, сущность и свойство, причину и следствие, необходимое и случайное, возможное и действительное. Схоласты находили или создавали имена, строили определения, различали значения и проверяли допустимые следствия. Словесная щепетильность доходила порой до виртуозности, а порой — до того, что позднейшим читателям казалось

бессмысленным словоблудием. Но без этой работы невозможно было бы построить ни современную логику, ни научный язык.

2.2. Онтологическая проблема

Имя само по себе не дарует существования. Хотя читатели и почитатели «Этимологий» Исидора Севильского[86] примерно так и относились к словам. В магии и мистических учениях есть представление об истинных именах вещей, знание и употребление которых даёт власть над вещами. В наше время такое представление встречается в фэнтези, например, у Урсулы Ле Гуин. Но и в массовом сознании тоже, если речь идёт о психических феноменах и социальных явлениях.

Именно поэтому схоласты так долго разбирались, чему соответствуют общие имена: существует ли «человек вообще», «краснота», «благо», «единое» — или существуют только отдельные люди, красные вещи и единичные поступки. Спор реалистов и номиналистов был спором о том, какой онтологический статус следует приписать объектам мышления.

Трансценденталии — сущее, единое, истинное, благое — были предельными понятиями этой аналитической работы. Но схоластический мир состоял не только из них. Он был переполнен объектами разного статуса — реальными, возможными, мыслимыми, воображаемыми, логически допустимыми и теологически обязательными.

---

86 *«Этимологии, или Начала в двадцати книгах» — энциклопедический труд раннего Средневековья, составленный Исидором Севильским приблизительно между 615 годом и началом 630-х годов. В нём автор стремился систематизировать обширный корпус унаследованных от античности и христианской традиции знаний о мире, нередко рассматривая происхождение названий как ключ к пониманию природы обозначаемых ими вещей.— Прим. ред.*

Объективация состоит не в признании всего существующим, а в установлении того, о чём именно мы говорим и в каком смысле оно существует.

3. Идеализация (этап галилеевской механики)

Этот этап связан с Коперником, Галилеем, Кеплером, Ньютоном и всей научной революцией Нового времени. Имя Галилея здесь обозначает не период и не единственного изобретателя, а тип операции.

3.1. Гносеологический принцип

Наблюдаемая вещь рассматривается как неточное проявление идеального объекта.

Если факты не соответствуют теории — тем хуже для фактов. Разумеется, это шутка. Но это полезная шутка, в ней почти исчерпывающе выражен метод идеализации.

Люди видят движение Солнца и неподвижную Землю. Научная модель требует принять обратное: видимое движение объясняется движением наблюдателя вместе с Землёй.

Тела в опыте падают по-разному. Перо, камень и металлический шар ведут себя неодинаково. Но в идеализированной модели свободного падения, где исключено сопротивление среды, тела движутся с одинаковым ускорением.

Наука не отбрасывает наблюдаемое. Она строит такой объект, на котором можно установить закон, а потом возвращается к наблюдаемому и объясняет отклонения.

3.2. Онтологический принцип

Объект существует в науке постольку, поскольку включён в систему законов.

Несоответствие наблюдаемого уже известному закону не обязательно означает, что закон неверен. Оно может указывать на неучтённый объект, процесс, условие или взаимодействие.

В результате научный объект начинает мультиплицироваться. Отклонение планеты требует новой причины. Неожиданный след в приборе — новой частицы. Ошибка измерения — нового описания условий измерения.

Идеализация не обедняет мир. Она сначала очищает объект, а потом вынуждена возвращать в деятельность всё то, от чего очистилась.

3.3. Деятельностный принцип

Идеальный объект действителен, если с ним можно организовать воспроизводимую работу.

Математическая модель должна получить физический смысл. Операции с физическими референтами модели должны повторяться. Результаты должны быть сравнимы, а отклонения — объяснимы. Доверительные интервалы, статистическая значимость и специальные процедуры контроля появились значительно позже Галилея, но они продолжают его ход: отделяют устойчивую структуру от шума, случайности и ошибки.

3.4. Методологический принцип

Научная теория должна рисковать.

Должны быть мыслимы факты и результаты эксперимента, которые поставят её под сомнение или заставят отказаться от неё. В строгой форме этот принцип сформулировал Поппер[87], а не Галилей. Но Поппер довёл до методологического выражения то, что стало возможным

---

87 *Имеется в виду принцип фальсифицируемости (критерий Поппера), предложенный Карлом Поппером как критерий демаркации эмпирической науки. Согласно ему, теория может считаться научной лишь в том случае, если существуют мыслимые наблюдения или результаты эксперимента, которые могли бы вступить с ней в противоречие и тем самым дать основание для её опровержения. Теория, совместимая с любым возможным исходом опыта, не является эмпирически фальсифицируемой и в этом смысле не удовлетворяет попперовскому критерию научности. — Прим.ред.*

благодаря построению идеальных объектов и экспериментальной проверке. Затем этот принцип подвергался критике у Имре Лакатоса и в СМД-методологии, но в результате этой критики он только конкретизировался.

4. Этап опредмечивания

Познанный объект возвращается в деятельность, из которой был извлечён при распредмечивании. Но возвращается уже другим.

Он снова наделяется человеческим отношением, способностью вызывать чувства и желания, быть полезным или вредным, ценным или безразличным. Возвращается не прежний предмет, и не прежняя деятельность. Объект изменил деятельность, а деятельность заново опредметила объект. Эту операцию нам ещё предстоит развернуть подробнее.

Пока зададим вопрос: о каком предмете говорит Маркс в «Тезисах о Фейербахе»? О предмете ремесленника — собеседника Сократа? О предмете практической деятельности? Или уже о чём-то другом?

Разберём последовательность «распредмечивание — объективация — идеализация — опредмечивание» в кратком и развёрнутом вариантах.

Изменение представления об объекте

Объект появляется не в начале, а в результате специальной работы. Это не буквальный тезис Маркса, это наша деятельностная реконструкция его хода. Маркс не утверждает, что познающий философ создаёт мир. Он утверждает другое: действительность и чувственность нельзя понимать только в форме объекта созерцания. Их необходимо понимать как человеческую чувственную деятельность, практику.

Следовательно, нужно различить две вещи:

- мир может существовать независимо от философа;

- объект, с которым работает философ или учёный, строится в познавательной деятельности.

Если это различение не удержать, мы быстро попадём в теологию: раз объект создан, значит, создан и мир. Но это будет наша собственная ошибка. Это будет значить, что мы перепутали мир с формой, в которой его организовало мышление.

Объект не сотворён из ничего. Он выделен, ограничен, очищен, связан отношениями, положен в схему и наделён определённостью. Всё это — действия мышления. Маркс сделал важнейший шаг: философское созерцание и научное познание не противостоят деятельности. Они сами являются деятельностью. Отличной от труда, производства или политического действия, но всё же деятельностью.

В первом тезисе Маркс ещё различает *Gegenstand* и *Objekt*. В русских переводах оба слова постоянно стягиваются к «предмету» и «объекту», отчего философский налог с перевода приходится платить каждому новому читателю.

Маркс не создал политическую экономию — она существовала до него. Он создал критику политической экономии и изменил её предмет. То же относится к материалистическому пониманию истории: оно не просто добавило новое объяснение к старым, а заново организовало то, что подлежало объяснению.

Изменение представления о субъективности

Во втором тезисе о Фейербахе Маркс говорит о мышлении: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь, посюсторонность своего мышления». Далее говорится, что

спор о мышлении, изолированном от практики, является схоластическим[88].

Для нас различение мышления и сознания имеет принципиальное значение. Сознание — то, что позволяет людям понимать друг друга, пользоваться общими знаками, узнавать объекты и считать себя участниками одного мира. Мышление — то, чем люди отличаются друг от друга. Это не марксовское определение. Это наше рабочее различение. Своим мышлением люди становятся разными, индивидуализируются. И именно поэтому оказываются нужны друг другу — нужны не как экземпляры одного сознания, а как Иные.

Маркс хорошо понимал, что человек не производится из самого себя. В шестом тезисе он называет человеческую сущность ансамблем общественных отношений. В «Капитале» человек Пётр начинает относиться к себе как к человеку, лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному. Павел становится для Петра зеркалом — не потому, что они одинаковы, а потому, что один обнаруживает себя через другого. Теперь нам нужно разобраться, чем человек Сократ отличается от человека Платона и нужны ли они друг другу. Для этого надо вернуться к Сократу, разговаривающему с ремесленниками на Агоре.

В майевтике предполагается, что собеседник способен породить мысль. Но неизвестно, какой она окажется. В «Теэтете» Сократ прямо сравнивает свою работу с повивальным искусством: нужно отличить жизнеспособную мысль от призрака и пустышки.

Ремесленник обладает предметным знанием. Он знает вещь в употреблении. Сократ ставит вопрос об объектном

---

88 Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Том 3. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1955 — С.1-2, тезис 2.

знании: что это за вещь, если отвлечься от частного способа обращения с ней? Но собеседниками Сократа были и софисты, уже рассуждавшие об идеях, добродетелях и сущности вещей. Тогда Сократ мог совершать обратный ход: возвращать рассуждение к поступкам, последствиям, человеческим интересам и противоречиям.

Сократ и его собеседники говорили об одном и том же, но мыслили по-разному. Они были инакомыслящими — если позволить себе модернизировать ситуацию. Инакомыслие не гарантирует истины. Оно гарантирует только возможность движения. Двое могут вместе прийти к истине, к более точному вопросу, к продуктивному затруднению — или разойтись, оставшись каждый при своём.

Многие платоновские диалоги именно так и заканчиваются: не решением, а апорией. Платон, наблюдая за диалогами Сократа, увидел различие позиций. Сократ ищет истину, а некоторые его собеседники — победу, пользу, влияние или оправдание уже принятого решения. Из этого Платон совершает ход всемирно-исторического значения. Не буквально и не одной фразой, а устройством своей философии.

Полноценным мышлением объявляется поиск истины. Практическое отношение, связанное с пользой, вредом, выгодой, страстью и интересом, оттесняется в область мнения. Мыслит философ. Остальные могут обладать опытом, искусством, навыком, верным мнением и даже приносить большую пользу. Но философия присваивает себе право решать, что из этого достойно называться мышлением. Так возникает платоновский снобизм. Не личное высокомерие Платона, а устройство позиции.

Суд над Сократом не был всенародным голосованием о пользе его диалогов. Сократа обвиняли в нечестии и развращении молодёжи. Но философское раздражение было

переведено на язык права и политики, а большинство судей признало его виновным. Платон сделал из этого понятный ему вывод: истину нельзя доверять большинству. Она требует специально устроенной позиции, образования и образа жизни.

Итак, на этапе распредмечивания мы видим по меньшей мере две разнотипные позиции: предметно-практическую и объектно-познавательную.

На этапе объективации картина меняется. В легитимное пространство мышления допускаются только объектно-ориентированные позиции. Философы могут спорить друг с другом, но их различия интерпретируются как разногласия внутри одного типа мышления. Практик, мастер, ремесленник и эмпирик не исчезают. Они просто перестают отображаться на философском табло сознания как мыслящие позиции.

В этом и состоит главное: не то чтобы инакомыслия не существовало. Схема перестала его видеть.

Философский снобизм Платона выразился в том, что на табло сознания остались объект и созерцающий его субъект. Предполагалось, что всякий правильно мыслящий человек, вглядываясь в суть одного объекта, должен увидеть то же самое. Различие результатов объяснялось ошибкой, недостатком образования, заблуждением или нравственной испорченностью. Инакомыслие не было ресурсом мышления. Оно было дефектом, который следует устранить.

Наука стала для европейской философии не первым инакомыслием в истории, но первым институционально самостоятельным соперником, которого уже нельзя было просто объявить невежественным. До науки «иначе» мыслили математики и теологи. Но математика долго служила для философии образцом строгого мышления, а теоло-

гия — рамкой, внутри которой философия получала место и границы. Чтобы разобраться с этим, нужно понять, как объект был связан с истиной.

Математика сосуществовала с философией на протяжении всей их истории. Если считать Платона создателем философского типа мышления, стоящим на плечах гиганта Сократа, а Евклида — создателем образца аксиоматического изложения математики, то разрыв между ними невелик. Во времена Платона математика уже предлагала философии объекты-образцы: числа, геометрические фигуры, отношения и пропорции.

Математическая задача не обязательно имеет единственное решение. Но доказательство принудительно: если приняты основания и правила вывода, нельзя по желанию объявить правильным любой результат. Именно эта принудительность завораживала философов. Если математик способен доказать нечто так, что другой математик обязан согласиться, почему философ не может доказать, что такое благо, справедливость или государство?

В «Парменид» Платон не доказывает существование Единого. Он испытывает следствия разных предположений о едином и многом. Но именно это и важно: философское содержание организуется по образцу доказательной работы. Мы уже вспоминали легенду, согласно которой над входом в Академию было написано: «Да не войдёт сюда не знающий геометрии». Скорее всего, такой надписи не существовало, но она настолько хорошо выражает установку Академии, что культура решила не обращать внимания на факты. Тем хуже для фактов.

Объект скрыт в видимых вещах, как в них скрыты отношения и пропорции. Истина состоит в усмотрении этого объекта. Философ должен увидеть его так же, как математик обнаруживает доказуемое отношение. Только фило-

софу это даётся труднее — иногда настолько труднее, что доказательство длится две с половиной тысячи лет.

Иначе складывались отношения философии и теологии. Так называемая теория двух истин не была договором о том, что философы занимаются природой, а теологи — Богом. И тем более не была разрешением считать два противоречащих утверждения одновременно истинными. Но вера и разум действительно могли разводиться по разным основаниям, авторитетам и процедурам. Это давало философии ограниченную автономию и одновременно ставило ей пределы.

Латинское Средневековье знало Платона не только по Аристотелю и неоплатоникам. Был доступен значительный фрагмент «Тимея», позднее появились переводы некоторых других диалогов. Но почти полный платоновский корпус вошёл в латинскую культуру только в XV веке благодаря переводам Марсилио Фичино. Это усилило уже начавшееся перестраивание отношений между философией, теологией, математикой и исследованием природы. Но новая наука возникла не из одного чтения Платона и не из одной идеи единой истины.

Настоящее инакомыслие возникает тогда, когда рядом появляются не просто разные утверждения, а разные институции, способы подготовки людей, нормы доказательства и формы жизни.

Теологи столкнулись с таким инакомыслием во время Реформации. Католики, лютеране и кальвинисты рассуждали о том же Боге и читали те же тексты, но принадлежали разным церковным и политическим порядкам. Ересь уже нельзя было устранить одним приговором. За ней стояли князья, города, общины, университеты и армии. Теологические различия оказались включены в борьбу за власть, собственность и устройство общества.

Спор об истине вышел из аудитории и церкви на поля религиозных войн. Но это отдельная история. Может быть, когда-нибудь я напишу «Методологию для протестантов», хотя пока не уверен, что протестанты ощущают в ней острую нужду.

Философия, встретившись с наукой, пережила не менее серьёзное потрясение. Нельзя сказать, что наука два столетия не допускалась в университеты. Она развивалась и внутри университетов, и вне их — при дворах, в академиях, мастерских, лабораториях и переписке. Галилей преподавал в Падуе, Ньютон — в Кембридже. Университеты сопротивлялись не науке вообще, а тем программам, которые разрушали сложившуюся иерархию дисциплин, должностей и авторитетов.

Математика была одним из пространств встречи философии и науки, но не единственным. Были ещё астрономия, медицина, механика и естественная философия. Общее между ними состояло в другом: объект предполагался одним, а правильно организованный субъект должен был получить о нём истинное знание. Инакомыслие по-прежнему не входило в схему как необходимое условие мышления.

Сосуществование нескольких типов мышления и нескольких картин мира долго не становилось предметом специальной рефлексии. Философы могли считать, что учёные заняты чувственными вещами, а когда переходят к сущности, превращаются в философов. Учёные могли считать, что философы занимаются примерно тем же, чем наука, только без приборов, экспериментов и внятного результата.

Для такого высокомерия у науки были основания. Она научилась строить идеальные объекты, организовывать эксперимент и быстро накапливать результаты. Рэндалл

Коллинз назвал такой тип науки высококонсенсусной «наукой быстрых открытий»: исследовательский фронт движется вперёд, оставляя за собой полосу достигнутого согласия.

Наука не верифицирует объекты. Она проверяет теории, модели и утверждения об объектах. Но для философии и это было достаточно унизительно. Философия столетиями рассуждала о мире, благе, государстве, добродетели, власти и любви, не достигая согласия, сравнимого с математикой или физикой. Образец математического объекта оказался для неё недостижимым.

Но, может быть, дело не в слабости философии. Платон рассуждал о благе, власти, государстве, добродетели и любви — обо всём том, что нельзя без потерь превратить в объект №1. Это социальные и гуманитарные объекты. Они не существуют в отрыве от отношений, позиций, чувств, намерений и действий людей. Исключив всё это, мы получим идеальный объект, но потеряем то, что собирались понять. Перед нами опять появляется предмет. Не как «часть объекта исследования» из методички, а как то, что существует в деятельности и отношении.

На табло сознания субъект-объектная схема выглядит так:

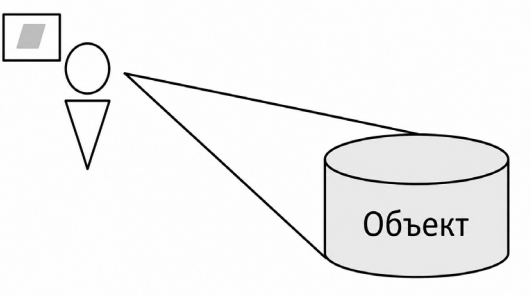

Рисунок 40. Архаика гносеологии (Схема 1)

Но схема, пригодная для понимания объектов, интересовавших Платона и гуманитариев всех времён, должна быть гораздо сложнее. Она должна включать не только объект и созерцающего субъекта, но и деятельность, отношения, разные позиции, ценности, намерения и предмет. Объект и предмет здесь не две части одной вещи. Это две разные формы существования того, с чем мы имеем дело.

И теперь придётся выяснить, как они связываются.

Глава 9.
Конфигуратор

От множества разнородных представлений к конфигуратору как схеме их соотнесения и сборки в представление об объекте — От платоновской монополии на мышление к признанию Иного — Галилей и его способ конфигурации теории и эмпирики — Разотождествление с собственной позицией и удержание нескольких картин объекта как условие конфигурирования — Построение картины объекта не через суммирование ракурсов, а через последовательную работу в разных планах — Идеализация как способ преодоления противоречий в науке — Переход от галилеевского конфигурирования разных представлений об объекте к марксовскому включению деятельности и позиций в устройство самого объекта.

Схема, с помощью которой мы продолжим анализировать предмет и объекты № 1, 2 и 3, в СМД-методологии называется схемой конфигуратора. Сразу ограничим это утверждение: не всякая методологическая схема является конфигуратором. Конфигуратор появляется там, где несколько разноприродных представлений, полученных в разных предметах и позициях, нужно соотнести и собрать в одном представлении об объекте. Именно гетерогенность, а не просто множественность картинок, делает схему конфигуратором[89].

---

89 *См. работы Г. П. Щедровицкого о схеме многоплоскостной организации знания и конфигурировании разнородных предметных представлений:* Щедровицкий Г. П. Заметки о мышлении по схемам двойного знания (1966), Щедровицкий Г. П. Синтез знаний: проблемы и методы (1984) и др.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды / ред.-сост. А. А. Пископпель, Л. П. Щедровицкий. — М.: Школа культурной политики, 1995.

В самом общем виде она выглядит так:

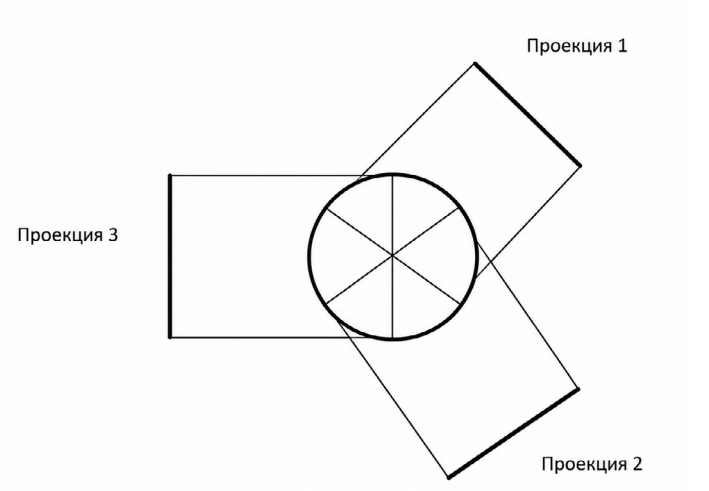

Рисунок 41. Принцип конфигуратора (Схема 27)

На схеме изображено ПФМ для объекта и ПФМ для его проекций. Место объекта пусто: оно обозначает, куда может быть положено представление об объекте, — подлежащее без сказуемого. Сам объект в схему, разумеется, не помещается. В схеме появляется его знак, модель или идеальный заместитель.

Проекции объекта, полученные в разных ракурсах, научных предметах или деятельностных позициях, тоже пока пусты. Представление об объекте должно быть собрано, сконфигурировано из этих проекций. Но схема ещё не говорит, как именно их собирать, какие из них совместимы и что делать с противоречиями между ними. Она только задаёт принцип: одного ракурса недостаточно.

Схема конфигуратора — схема-принцип, а не готовая онтологическая схема. Но ей можно придать онтологический смысл. Например, так:

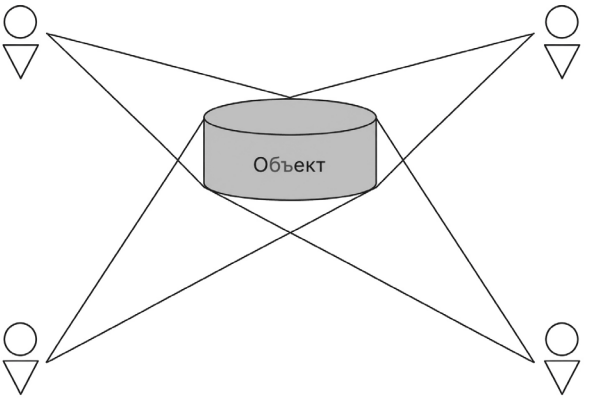

Рисунок 42. Точки и «кочки» зрения (Схема 28)

Это схема созерцания или познания, которой мы уже не раз пользовались. На ней есть как будто бы заполненное место объекта и созерцающие его субъекты, занимающие разные позиции. Но схема всё ещё пуста. Она показывает состав, но не показывает структурных связей, не различает типы мышления и ничего не говорит о том, как из нескольких видений возникает один объект.

Эту схему состава можно интерпретировать по-разному. Вспомним Сократа, беседующего со случайными собеседниками на Агоре или с софистами, учениками и правителями, которых Платон специально отбирал для своих диалогов. Собеседники обсуждают одну вещь, но видят её по-разному. Сократ своими вопросами заставляет их сдвигаться с первоначальной точки зрения. Это ещё не конфигурирование, но уже подготовка к нему: позиция обнаруживается как позиция, а не как «объективно существующая» истина.

Метафора пещеры доводит это различение до предела. Узники принимают тени за вещи и могут сколько угодно

обсуждать увиденное между собой. Платон не слишком верит в спасительную силу такого обмена мнениями: из пещеры выводит не удачная дискуссия, а освобождение отдельного человека и «поворот» его к источнику света. Сначала освобождается один узник, а не особая каста людей, свободно гуляющих между пещерой и солнечным светом. Каста появится потом, когда освобождённого философа обяжут вернуться и управлять оставшимися.

В VI книге «Государства» Платон формулирует это различение довольно резко: «Философы — это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе; другие же этого не могут и блуждают среди множества разнообразных вещей»[90]. Дальше следует вопрос, кто из них должен править государством. Нас сейчас занимает не власть, а проведённая граница. По одну сторону — философы, любители мудрости; по другую — «любители мнений», как они названы в конце V книги.

Обычная интерпретация этих книг «Государства» подчёркивает аристократические, а иногда и тоталитарные установки Платона. Гносеологии Платона приписываются социальные корни — или, если пользоваться марксистским языком, классовая природа. Не отрицая этих корней, посмотрим на другую опору платоновского различения: пифагорейское понимание математики и музыки.

Пифагорейцы связали музыкальные интервалы с числовыми отношениями. Гармония не просто «слышится» и не просто «вычисляется»: она схватывается слухом, а затем воспроизводится и объясняется через отношения длин струны. Для этого не нужен абсолютный слух. Нужны инструмент, процедура сравнения и способность удержать отношение. В этом и состоит решающий ход:

---

90 Платон. Государство, VI, 484b. Там же о различении философов и «любителей мнений» —V 479e–480a.

чувственное различие превращается в воспроизводимую числовую конструкцию.

Помните надпись «Да не войдёт сюда не знающий геометрии», которая как будто бы предваряла вход в Академию? Мы уже отмечали, что эта легенда очень точно выражает платоновскую установку. Если бы пифагорейцы решили ответить Платону, они могли бы вывесить свою: «Да не войдёт сюда не знающий музыки». Но речь бы шла не о врождённом даре и не об абсолютном слухе, а о дисциплине, позволяющей перейти от впечатления к отношению.

Платон включает в обучение будущих философов арифметику, плоскую и объёмную геометрию, астрономию и гармонику. Позднее четыре из этих областей составят квадривиум. Математика здесь нужна не для украшения философии, а для тренировки перехода от видимого к мыслимому. Дар может помочь, но ссылкой на отсутствие дара обычно оправдывают только нежелание учиться (гуманитарии пользуются этим оправданием до сих пор). В такой интерпретации схема выглядит так:

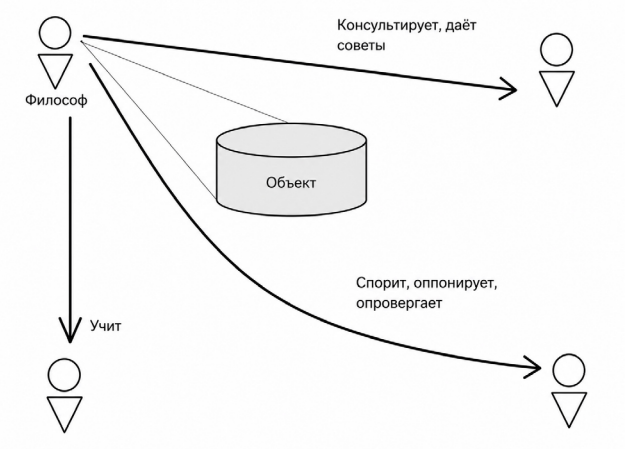

Рисунок 43. Редукция схемы конфигуратора к трансляции (Схема 29)

Это не новая схема, а конфигуратор в платоновской редукции. Философ разговаривает с людьми, занимающими другие позиции, но разговор каждый раз имеет особый статус. Одних философ учит, других наставляет, третьих консультирует. И только с другим философом он полемизирует, признавая за ним право на самостоятельный тезис.

Здесь требуется оговорка, но не академическая, а методологическая. Мы не утверждаем, что Платон сам нарисовал бы такую схему. Мы реконструируем его способ организации познания. В этой реконструкции мышление монополизировано философской позицией; все остальные поставляют мнения, материал, затруднения и поводы для философской работы.

Отношение философа с философом мы уже рассматривали в схеме «тезис — антитезис — синтезис».

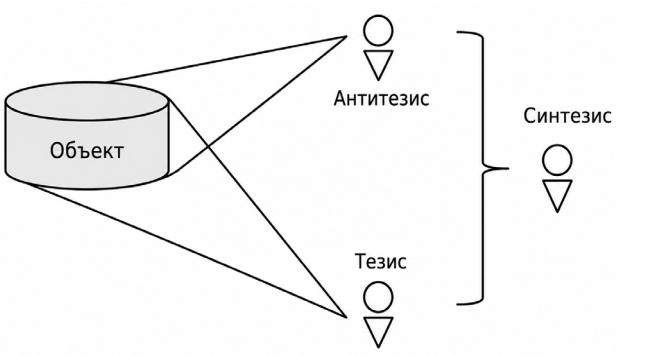

Рисунок 44. Антиномии и диалектика (Схема 3)

Эту формулу часто приписывают Гегелю, но в таком чистом виде у Гегеля её нет. Его диалектика устроена сложнее школьной трёхходовки. Нет у него и списка из «трёх законов диалектики». Такой список сформулировал Энгельс, опираясь на гегелевскую логику. Отрицание отрицания у Гегеля есть, но превращать его в механический

алгоритм «тезис — антитезис — синтезис» не следует[91]. И всё же эта школьная формула полезна как простейшая модель философского спора. На любой синтезис можно ответить новым антитезисом, затем построить новый синтезис — и повторить ход ещё раз. Но до каких пор?

В теории вычислимости существует проблема остановки. В 1936 году Алан Тьюринг показал, что не существует общего конечного способа, позволяющего для любой вычислительной машины заранее решить, завершит ли она соответствующее вычисление. Исторически Тьюринг формулировал близкую, но не буквально современную «задачу об остановке» проблему: можно ли распознать любую машину, не прекращающую печатать символы[92].

Философский спор — не машина Тьюринга, а диалектика — не алгоритм. Поэтому перед нами не одна и та же проблема, а сильная аналогия. Она позволяет поставить точный вопрос: содержится ли внутри данной организации рассуждения правило, по которому участники могут сказать «достаточно»? Если такого правила нет, возражение может порождать возражение без конца. Не всякий диалектический, софистический или схоластический спор бесконечен. Люди устают, умирают, меняют тему, прибегают к авторитету или расходятся. Бесконечность относится не к биографии спорщиков, а к форме спора: в ней самой может не быть критерия остановки.

На смену схоластической организации рассуждения пришла наука быстрых открытий — воспользуемся снова выражением Рэндалла Коллинза. Одним из главных ин-

---

91 Гегелевскую категорию отрицания отрицания следует отличать от формулы «трёх законов диалектики», сформулированной Энгельсом в «Диалектике природы». — Прим. авт.

92 Turing A. M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // *Proceedings of the London Mathematical Society*. — 1937. — Ser. 2, Vol. 42, No. 1. — P. 230–265.

струментов остановки стала идеализация: не последняя истина и не запрет на сомнение, а построение такого объекта, с которым уже можно действовать, считать и проверять результаты. Идеализация завершает определённый цикл объективации. Не всю объективацию вообще и не философию навсегда. Она останавливает конкретный спор, переводя его в другую форму работы.

Попробуем разобрать этот тезис на всё той же схеме конфигуратора, но теперь в галилеевской интерпретации.

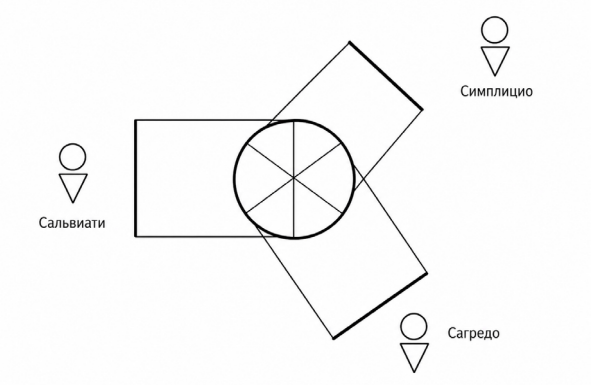

Рисунок 45. «Диалоги…» Галилея на схеме конфигуратора (Схема 30)

Имена участников триалога взяты из двух книг Галилея. Первая — «Диалог о двух главнейших системах мира», опубликованный в 1632 году. В ПФМ объекта мы можем положить устройство мира, а в позиции — птолемеевскую и коперниканскую системы. Симпличио защищает аристотелевско-птолемеевскую линию, Сальвиати — коперниканскую и галилеевскую, Сагредо занимает позицию образованного собеседника, способного следить за доводами обеих сторон[93].

93 Galilei G. Dialogo di Galileo Galilei Linceo … sopra i due massimi sistemi del mondo tolemaico, e copernicano. — Fiorenza : Per Gio. Batista Landini, 1632. *Galilei G.* Discorsi e dimostrazioni matematiche, intorno à due nuove

Система Тихо Браге соединяла движение планет вокруг Солнца с движением Солнца вокруг неподвижной Земли. Но называть её простым компромиссным синтезисом несправедливо. В отношении доступных тогда наблюдений тихоническая и коперниканская системы долго оставались конкурентоспособными; решающим достижением Браге была прежде всего точность наблюдений. Его модель была не химерой, а серьёзной альтернативой.

И Галилей вовсе не оставляет вопрос нейтрально открытым. Формально он сопоставляет две системы, но устройство диалога и распределение аргументов недвусмысленно работают в пользу Коперника. Другое дело, что имевшихся у Галилея доказательств ещё не хватало для окончательной эмпирической развязки.

Вторая книга — «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки», опубликованная в 1638 году. Она стала одной из ключевых книг в становлении современной науки. Участники носят те же имена, но предмет и способ рассуждения меняются. Разговор начинается со строительных конструкций — объекта ремесленной практики, который многие схоласты сочли бы недостойным метафизики. Галилей делает его достойным математики.

Но то новое, что нам нужно для интерпретации конфигуратора, нельзя просто «срисовать» с галилеевской книги. Его придётся реконструировать. Симпличио не является чистым эмпириком, Сальвиати — чистым теоретиком, а Сагредо — готовым методологом. Схема покажет не буквальное распределение ролей между персонажами, а деятельностную ситуацию Галилея и современного ему знания.

---

scienze attenenti alla mecanica & i movimenti locali, con una appendice del centro di gravità d'alcuni solidi. — *Leida : Appresso gli Elsevirii, 1638.*

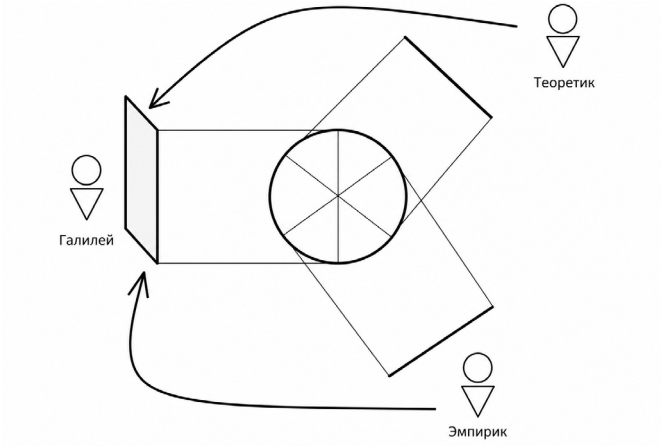

Рисунок 46. Работа Галилея, рассмотренная через схему конфигуратора (Схема 31)

Галилей связывал по крайней мере два типа работы с объектом:

1. Теоретические рассуждения, гипотезы, логические опровержения и математические модели.
2. Наблюдения, измерения и эксперименты.

Существует легенда, будто Галилей сам сбрасывал тяжести с Пизанской башни, хотя надёжных свидетельств этого нет. Зато Симон Стевин и Ян Корнетс де Гроот действительно провели в Делфте опыт с падающими свинцовыми шарами и сообщили о нём в 1586 году. Николай Орем задолго до них критиковал некоторые аристотелевские представления о движении.

В диалогах Галилей не разводит эмпирика и теоретика так чётко, как это делаем мы на схеме. Не выделяет он и себя как особую позицию конфигуратора. Сальвиати, Сагредо и Симпличио вместе, в коммуникации, совершают то, что автор книги организует один: сталкивает и связывает разные типы знания.

Конфигуратор в данном случае — не просто итоговая картинка объекта. Это организация переходов между теоретическими построениями, математическими моделями, наблюдениями и измерениями. Галилей работает не с мышлением живых Орема и Стевина, а с результатами мышления, отделившимися от своих авторов: текстами, расчётами, описаниями опытов. Он заново оживляет их в вымышленном диалоге.

Платон тоже вкладывал собственные мысли в уста реально существовавшего Сократа. И Платон, и Галилей имитируют диалог, но организуют его по-разному. С учётом этой разницы ещё раз взглянем на конфигуратор — и ещё раз его перерисуем.

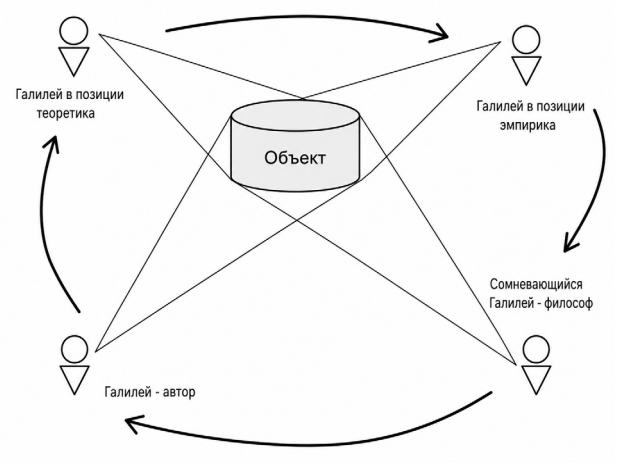

Рисунок 47. Дискурсивное разворачивание конфигуратора (Схема 32)

Галилею уже не обязательно устраивать схоластический диспут со столкновением тезиса и антитезиса здесь и сейчас. Он может сам обходить позиции, рассматривая объект с разных сторон. Но для этого приходится выполнить несколько требований.

– Необходимо признать Иного мыслящим. Философ созерцает, теоретик рассуждает, эмпирик наблюдает и экспериментирует. Каждый получает свою картину объекта. Эти картины не равны по содержанию и результативности, но сам факт мышления не является монополией одной позиции. Иной не просто заблуждается — он инакомыслит.

– Необходимо разотождествиться со своей позицией. Позиция — не личное свойство Галилея, Сократа или Платона, а место, которое можно занять и сменить. Видимое из позиции определяется не только способностями человека, но средствами, нормами и ограничениями самой позиции. Значит, индивидуальные способности или дарования здесь далеко не всё решают.

– Смена позиции не требует немедленно отказаться от прежней картины объекта. Переход позволяет удерживать две и более картины одновременно.

– Возвращение в авторскую позицию с несколькими картинами мира требует отказаться от привилегии исходной картины. Автор должен не выбрать любимую, а соотнести собранные представления.

– Новая картина возникает не из суммы ракурсов. Она строится посредством специальной работы: сопоставления, перевода, устранения несовместимостей, разведения планов и конфигурирования.

– Конфигурирование не делает спор об истинности бессмысленным. Оно меняет предмет спора. Теперь проверяется не изолированный тезис отдельной позиции, а построенная конфигурация: что она объясняет, какие следствия позволяет вывести, где работает и при каких условиях ломается.

Последний пункт требует ответа на неприятный вопрос: почему новая картина должна считаться лучше старых?

Сама схема конфигуратора ответа не даёт. Как не даёт она и универсального решения проблемы остановки. Но она позволяет остановить конкретную диалектическую возгонку: не потому, что получена последняя истина, а потому, что построен объект, достаточный для следующего действия.

Слабый вариант остановки — эмпирическая проверка теоретического построения. «Слабый» не потому, что эмпирия второсортна, а потому, что теория и проверка рассинхронизированы. Между построением и опытом могут пройти годы и столетия.

Опыт Стевина не завершил исследование падения тел. Даже если сам Галилей действительно бросал ядра с башни, этого было бы недостаточно для вычисления точного закона равноускоренного движения. Воздух создавал помехи, а хорошего вакуума ещё не было. Торричелли получил барометрическую пустоту в 1643 году, уже после смерти Галилея. Годичную аберрацию света, ставшую сильным свидетельством движения Земли вокруг Солнца, Джеймс Брэдли обнаружил в 1727 году и объяснил в 1728-м. Прямые измерения годичного параллакса звёзд появились ещё позже, в 1838 году.

Сильный вариант остановки — идеализация найденной картины объекта. Объективация доводится до математической формы. Но математическая модель не впитывает автоматически всю логику и всю эмпирию, не становится непротиворечивой по праву рождения и не застрахована от ошибок. Она делает предпосылки явными, связывает величины, задаёт правила измерения и позволяет выводить проверяемые следствия. На основе модели можно перепроверять рассуждения, строить доказательства от противного, повторять измерения и искать условия, при которых модель перестаёт работать.

Доверие вызывает не красота формулы сама по себе, а возможность публично повторить путь от предпосылок к следствиям и обратно.

Идеальный объект «отчуждается» от автора, но ценность его не в том, что он ничей. «Ничейных» моделей не бывает: их строят люди в определённых историях, институтах и интересах. Но хорошо построенная модель отделяется от автора и допускает использование, проверку и критику другими.

Отсюда два следствия:

– Доверие к объективности знания позволяет остановить конкретный спор и перейти к действию;

– Идеальный объект организует деятельность: задаёт то, с чем действуют, что измеряют, какие операции допустимы и какой результат считается значимым. Схема объекта — ещё не вся схема деятельности, но уже одно из её условий.

Сочетание идеального объекта и веры (доверия) режет слух. Наука привыкла противопоставлять знание вере. Но рассказывать историю науки как непрерывную войну с религией слишком просто и потому неверно. Конфликты были; были также союзы, взаимные заимствования и общие институты. Для нашего рассуждения важнее другое различение: опора на освящённый авторитет и практическое доверие к публично проверяемому построению — не одно и то же.

Вернёмся к задаче остановки.

Ни один реальный спор не длится бесконечно. Бесконечный спор — такой же идеальный объект, как абсолютно твёрдое тело или точка без размеров. Реальные споры заканчиваются усталостью, конвенцией, сменой поколения, потерей интереса, вмешательством власти или переходом к другой организации мышления.

Иногда оппоненты договариваются. Иногда разводят области применимости своих утверждений. Иногда прибегают к так называемой концепции двух истин — как это было с религиозной и философской. Но и здесь не стоит сочинять удобную схему вместо истории. Средневековая «теория двух истин» была сложным и часто полемически приписываемым учением, а не простым разрешением каждому остаться при своём мнении. Фраза *credo quia absurdum est* — «верую, ибо абсурдно» — тоже поздняя переделка, а не точная цитата из Тертуллиана и не формула средневековой концепции двух истин[94]. Ею можно пользоваться как полемической меткой, но не как историческим доказательством.

Если конвенция не удаётся, спорщики зовут власть. В схоластическую эпоху церковные и светские институты действительно устанавливали границы допустимого, осуждали отдельные положения и наказывали их защитников. Но инквизиция не была универсальной комиссией по разрешению философских споров. Она останавливала не рассуждение, а людей. Это разные результаты. Наш монастырский садовник, пытавшийся вмешаться в спор учёных монахов, получил палкой не потому, что его аргумент был опровергнут, а потому, что у монахов была палка и более высокий статус. Аргумент к палке логически слаб, но организационно иногда очень эффективен.

Галилей оказался именно в такой ситуации. Его «Диалог» не был нейтральным перечислением двух мнений: книга доказывала правоту Коперника. В ответ действовали богословские запреты, интерпретации Писания, институциональная политика, предписания самому Галилею

---

94 Формула *credo quia absurdum* является поздней парафразой, традиционно приписываемой Тертуллиану; буквально у него она не встречается. В *De carne Christi 5.4* сказано: *credibile est, quia ineptum est* («это достойно веры, потому что нелепо»), а далее — *certum est, quia impossibile est* («это несомненно, потому что невозможно»). — Прим. авт.

и, наконец, суд инквизиции. Власть остановила Галилея, но не остановила движение Земли и не решила вопрос об устройстве мира.

Философия и власть — отдельная тема, но связь между ними не случайна. Если автономный философский спор не содержит собственного критерия остановки, он рано или поздно апеллирует к внешнему авторитету: канону, школе, кафедре, рейтингу, государству или церкви. Это не «вечная природа философии», но устойчивое свойство философии, замкнувшей мышление на самой себе.

Интерес Платона к власти объясняется не только происхождением и родственными связями с участниками олигархического переворота. Монополия философов на постижение сущности прямо ведёт к их претензии наставлять правителей. В западной истории власть неоднократно искала учёную легитимацию. Фридрих Барбаросса, например, обращался к болонским юристам при формулировании имперских прав на Ронкальском сейме. Это был не «схоластический диспут, организованный императором», а использование учёного знания для укрепления власти. Различие существенное. Наука подорвала монополию философии, но выстроила собственные отношения с властью, финансированием, государством и войной. Так что нимб независимости ей тоже не полагается. Но это другая история.

Вернёмся от власти к вере — точнее, к доверию. Наука стремится не к единственной и вечной истине, а к такому устройству знания, при котором утверждение можно проверить независимо от социального ранга автора. Идеальный объект заслуживает доверия не потому, что он истинен навсегда, а потому, что позволяет действовать и заранее указывает, где действие может его опровергнуть.

Христофор Колумб здесь действительно хороший пример — только не тот, каким его обычно делают в популярном историческом мифе. Он не доказывал, что Земля является шаром: образованные европейцы и так это знали. Спор шёл о размерах Земли и расстоянии до Азии. Колумб ошибочно уменьшил расстояние и переоценил протяжённость Азии. Если бы между Европой и Азией не оказалось Америки, его конфигурация могла стоить жизни всей его экспедиции.

Но именно ошибочная конфигурация организовала действие. Колумб доверился идеальному глобусу, убедил власть вложить деньги и поплыл. Отсюда следует важное различение: идеальный объект может остановить сомнение и организовать деятельность, не будучи истинным. Остановка сомнения и установление истины — не одно и то же.

Поэтому принцип объективности лучше сформулировать строже[95].

– Не всякая истина обязана быть фальсифицируемой. Но эмпирическое научное утверждение должно указывать условия, при которых мы признаем его несостоятельным.

– Пока такие условия не обнаружены, утверждение не становится вечной истиной. Оно получает право использоваться дальше.

– Иная позиция помогает обнаружить скрытые предпосылки и условия опровержения, но сама смена позиции ничего не гарантирует. Иной тоже может ошибаться — иногда даже оригинальнее нас.

---

95 Фальсифицируемость у Поппера является критерием эмпирического характера теории, а не определением истины вообще. *См.: Karl Popper. The Logic of Scientific Discovery (1959), перевод на русский язык:* Поппер К. Р. Логика научного исследования // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избранные работы / пер. с англ. В. Н. Брюшинкина, А. Л. Никифорова ; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — С. 33–235. — Прим. авт.

– Объективность относится не к отдельной картине объекта и не к самому объекту №1, а к организации работы с несколькими картинами: к конфигуратору, процедурам перевода, проверки и воспроизведения. В этом смысле конфигуратор сам становится объектом №2.

– В объекте №2 теоретические построения проверяются измерением и экспериментом, эмпирические данные — моделями, средствами измерения и повторными наблюдениями, а модели снова возвращаются к эмпирической проверке. Это не замкнутый круг доказательства, а цикл работы.

Раймунд Луллий резко выступал против учения о двух истинах и строил свою *Ars* как комбинаторный способ получения и демонстрации единой истины. Называть его процедуры вычислением в современном смысле преждевременно, но ограниченный набор элементов, правила их сочетания и графические устройства уже задавали программу формализации рассуждения[96]. Эта мечта вдохновляла и Лейбница. Он надеялся построить язык, в котором спор после точной формулировки можно было бы заменить вычислением: «Calculemus!» — «Давайте посчитаем!»[97]. Для Луллия и Лейбница это остава-

---

96 О луллиевском Ars как проекте универсальной демонстративной науки, направленном, в частности, против аверроистского разведения истин философии и веры и использующем комбинаторику общих принципов, см.: Llull R. Ars generalis ultima; Ars brevis. — Прим. авт.

97 *Готфрид Вильгельм Лейбниц разрабатывал проект characteristica universalis — универсального символического языка, способного представлять понятия и отношения между ними, — и связанного с ним calculus ratiocinator, формального исчисления, которое позволило бы разрешать споры посредством вычисления. Этот замысел выражает приписываемая Лейбницу формула «Calculemus!» — «Давайте вычислим!»: разногласие, представленное в надлежащей символической форме, должно в принципе решаться посредством формальной процедуры. — Прим. ред.*

лось проектом. После Галилея проект уже не выглядел чистой фантазией.

Сегодня тот же вопрос возвращается в разработках искусственного интеллекта: можно ли свести интеллект к вычислительным процедурам?

Схема конфигуратора не отвечает на этот вопрос, но позволяет выдвинуть гипотезу. Если искусственный интеллект должен пройти путь Галилея — менять позиции, удерживать несовместимые картины, переводить между разными языками и строить новый объект, — одной однородной вычислительной процедуры недостаточно. Потребуется организация разных моделей, способов проверки и типов работы. Будут ли они размещены в одной машине, сети машин или сообществе людей и машин — вопрос технический и организационный. Главное: конфигуратор не равен одному интеллекту, уверенно произносящему верный и окончательный ответ.

Мы проследили не историческую эволюцию готовой схемы — у Сократа, Платона и Галилея не было нашего конфигуратора, — а построили методологическую генеалогию этой схемы. В ней конфигуратор проходит путь от сократического обнаружения позиций через платоновскую монополию философа к галилеевской организации разных типов работы.

Следующий шаг в этой реконструкции делает Маркс, с которого мы начали критику предшествующей философии — предшествующей Марксу и до сих пор существующей. Галилеевский и марксовский способы конфигурирования сосуществуют с платоновской практикой института философии. Философы и теперь возвращаются к Сократу, модернизируют Платона гегелевским языком и работают с Иным как с собеседником, учеником, противником или поставщиком материала. Имея дело с Иным, философы

часто пытаются снять противоречие словесным синтезисом или апелляцией к авторитету. Не всякий синтез является химерой, как показывает (хотя бы) научная судьба модели Тихо Браге. Химерой он становится тогда, когда несовместимые положения просто склеены, а условия и процедуры их связи не построены.

После Маркса апелляция к внешней власти всё сильнее ослабляет философскую позицию. В споре между разными типами мышления философский авторитет уже не является последней инстанцией. Требуются исследование, проектирование, организация и действие.

У философии остаётся выбор: стать участником исследовательской и преобразовательной практики — не сверху и не снизу, а рядом с инженерным, управленческим, научным и методологическим мышлением, — или закрыться в автономном институте, на кафедрах, в своих журналах и рейтингах.

Пока многие философы предпочитают кафедральную пещеру. Там можно бесконечно рассматривать знакомые тени и симулякры, не рискуя встретиться с Иным. Внутри пещеры действует собственная система власти и авторитетов, а между пещерами — система рейтингов. Каждый знает своё место.

За пределами кафедры философа ждут уже не выдуманные «идолы площади и рынка», а полный бэконовский набор: идолы рода, пещеры, рынка и театра. Собственная пещера здесь не защита от идолов, а один из них. Философская ксенофобия начинается со страха перед иным разумом, а заканчивается снобизмом: отказом признать иное мышление равным участником работы.

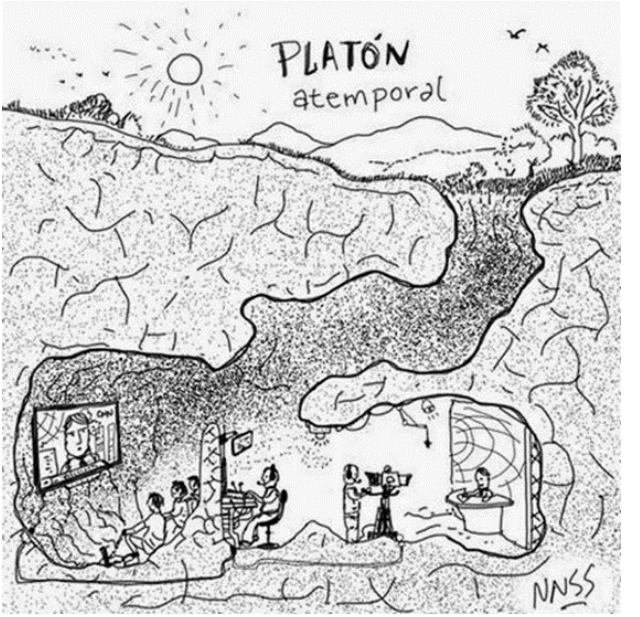

Рисунок 48. Карикатура «Platón atemporal» («Платон вне времени») испанского художника-иллюстратора (публикуется под псевдонимом NNSS), 2017 г.

Маркс идёт дальше, включая иные типы мышления и деятельности в сам объект: в предмет политической экономии и материалистическое понимание истории. Он выходит из пещеры на рынок, фабрику и площадь с баррикадами. Там философская схема встречается не с очередным возражением, а с практикой, которая может её подтвердить, переделать или выбросить.

Но мы ещё не закончили с галилеевским конфигуратором. Нам нужно разобрать ещё один момент, связанный с идеализацией: место, топ, ПФМ, в котором размещаются картины объекта, полученные в разных позициях.

Для этого понадобится понятие идеального плана. Его мы рассмотрим в следующем фрагменте.

Глава 10.
Идеальный план

10.1. Материалы и инструменты построения идеального плана

Различение чувственно воспринимаемого мира и идеального плана — Идеальный план как особая организация мышления, в которой вещи замещаются знаками, идеальными объектами, отношениями и операциями — Удержание инварианта и удержание изменения как разные способы организации материала и построения идеальных объектов — Идеальный план как исторически складывающаяся и воспроизводимая организация содержания — Культурно-генетическая реконструкция становления идеального плана — Различение третьего мира Поппера и идеального плана как накопленного объективированного содержания и пространства его восстановления, преобразования и использования в мышлении.

Когда-то Беррес Фредерик Скиннер[98] говорил — или ему приписывают такие слова, — что для открытия всех законов поведения ему достаточно одного голубя. Это существенное преувеличение. Конечно, для открытия «всех законов» одного голубя маловато, но, возможно,

98 *Беррес Фредерик Скиннер (Burrhus Frederic Skinner, 1904–1990) — американский психолог, один из крупнейших представителей бихевиоризма и основоположник радикального бихевиоризма. Разработал теорию оперантного обусловливания, объясняющую формирование и изменение поведения в зависимости от его последствий, прежде всего подкрепления. Его исследования оказали значительное влияние на экспериментальную психологию, теорию научения и становление прикладного анализа поведения. — Прим.ред.*

его достаточно для демонстрации метода. Примерно то же самое можно сказать о биографии и творческом пути Галилео Галилея. Анализ его научной деятельности, книг и конфликтов позволяет увидеть почти весь набор открытий, сделанных гораздо позже, уже в XX веке: диалог, герменевтику, социальную обусловленность науки, смену парадигм, эвристическую силу заблуждений, и ещё многое.

Галилей не разговаривал с Аристотелем, Альбертом Саксонским, Николаем Оремом и другими давно умершими авторами. Но их идеи, способы постановки вопросов и ошибки присутствуют в его диалогах. Зато Галилей непосредственно разговаривал с правителями итальянских государств, придворными учёными, церковными иерархами и инквизицией, спорил о приоритете изобретений и очень хорошо понимал, что научный результат существует не в безвоздушном пространстве. Галилей умел ставить задачи — поэтому и находил решения. Но нам сейчас интересны не решения, нам важно посмотреть, что именно означает «поставить задачу».

Возьмём спор о плавающих телах и, в частности, о льде. Лёд — та же вода, но твёрдая. Для аристотелика начала XVII века холод должен был уплотнять воду: лёд, следовательно, обязан быть плотнее воды. Но он плавает. Галилей не прошёл мимо этого противоречия, он сформулировал проблему и в 1612 году посвятил ей специальное рассуждение[99]. Поскольку лёд плавает, утверждал он, вода при замерзании не уплотняется, а разрежается; лёд легче воды. В этом пункте Галилей опирался не на исключение из закона Архимеда, а именно на архимедовскую конструкцию плавания тел. Плавающий лёд подтверждает её. Исключе-

99 Galilei G. Discourse on Floating Bodies / trans. by T. Salusbury. — London : William Leybourn, 1663. — Project Gutenberg, eBook No. 37729.

нием он выглядит только для привычного ожидания, что твёрдое непременно плотнее жидкого.

О чём нам говорит этот пример? Галилей видит не просто кусок льда на воде. Он видит столкновение двух способов объяснения: аристотелевского рассуждения о холоде и уплотнении и архимедовского рассуждения о плотности и вытеснении жидкости. Сам лёд молчит. Говорят за него две разные конструкции.

Теперь сравним это с падением тел. В обычном опыте перо падает медленнее камня, а камень — не так, как пушечное ядро. Аристотелевская физика связывала скорость естественного движения с тяжестью тела и сопротивлением среды. Галилей разрушал эту схему не одним эффектным сбрасыванием шаров с башни, а серией рассуждений, идеализаций и опытов. Чтобы получить закон свободного падения, нужно было отвлечься от сопротивления воздуха, формы тела, случайных толчков, несовершенства измерений — то есть уйти от непосредственно видимого движения к движению, построенному в идеальном плане.

Поэтому наблюдаемые явления вовсе не даны любому наблюдателю одинаково. Аристотель, Архимед, Орем и Галилей могли смотреть на похожие вещи, но видели не одно и то же. Наблюдение зависит от вопроса, позиции, инструмента и того идеального объекта, относительно которого нечто наблюдается. Именно поэтому результаты наблюдений приходится конфигурировать.

Схема 28, которую мы вводили в прошлом разделе, иллюстрирует принцип конфигуратора, но пока не различает две позиции: позицию наблюдателя чувственно воспринимаемых предметов и позицию, работающую с идеальными объектами. Это различение теперь необходимо.

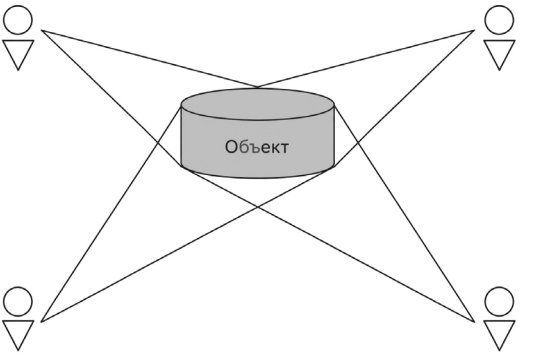

Рисунок 49. Точки и «кочки» зрения (Схема 28)

Работая с данными наблюдений, Галилей обнаруживает рассогласование видимого и мыслимого. Работая с падением тел, он строит движение, которого в чистом виде нельзя увидеть: движение без помех, с измеримыми отношениями пути и времени. Работая с плаванием, он соотносит наблюдаемые тела с плотностью, объёмом, весом вытесненной жидкости. В обоих случаях чувственный материал включён в работу, но сам по себе ничего не решает.

Тексты здесь тоже необходимы. Галилей работает не только с шарами, наклонными плоскостями и сосудами с водой. Он работает с тем, что было сказано до него, — с проблемами и решениями, пережившими своих авторов. Текст сохраняется дольше отдельного впечатления и может быть заново включён в работу другим человеком. Но не будем слишком быстро противопоставлять текст наблюдению: записанное наблюдение уже преобразовано языком, прибором, единицами измерения и целью опыта. Мы сохраняем не «само впечатление», а результат его обработки. Визуальное впечатление исчезает с прекращением наблюдения. Его можно запомнить, зарисовать, описать, измерить. Память остаётся индивидуальной, пока не

оформлена в знаках, доступных другим. Но и знак не переносит содержание автоматически. Его ещё нужно прочесть, понять и восстановить за ним ту работу, результатом которой он стал.

Итак, Галилей работает в идеальном плане.

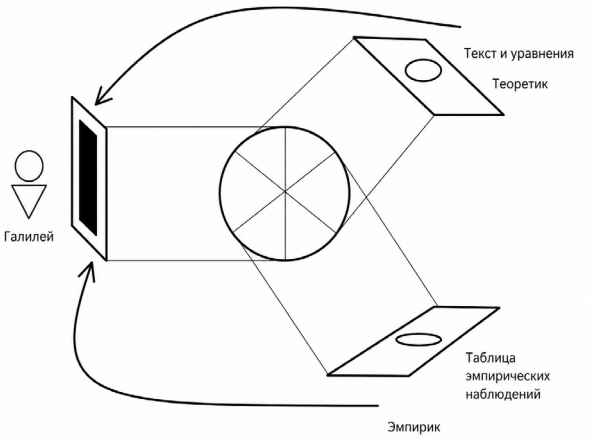

Рисунок 50. Выстраивание разных позиций (теоретик, эмпирик) и вынесение содержания в идеальный план (Схема 33)

Но что это значит? В идеальный план нельзя перенести чувственный предмет целиком. Туда помещается не шар, а идеальный объект: тело, масса, траектория, скорость, отношение величин. Слово «помещается» тоже не следует понимать буквально. Идеальный план — не склад идей и не ещё один тайный мир. Это особая организация работы, в которой вещи замещаются знаками, идеальными объектами, отношениями и операциями с ними.

Сам идеальный план нельзя увидеть рядом с наклонной плоскостью или обнаружить при вскрытии мозга. Мы узнаём о нём по следам работы: по схемам, доказательствам, текстам, преобразованиям объектов, ошибкам и ис-

правлениям. Мышление нуждается в идеальном плане и одновременно производит его. Здесь круг, но не порочный: работа создаёт средства своего продолжения.

Без идеи идеального плана невозможно исследовать и организовывать мышление. Но эта же идея постоянно порождает мифы.

Первый — миф о сознании как сосуде. Сначала сознание объявляют субъективным отражением объективного мира, затем помещают в него мышление, а потом находят для всего этого материальный адрес — мозг. Из того, что мышление невозможно без работающего мозга, делают вывод, будто устройство мышления исчерпывается устройством мозга. Но из необходимого условия ещё не получается достаточного объяснения. Скрипка необходима для исполнения сонаты, однако разбор скрипки не заменяет анализа музыки.

Второй миф, куда более величественный, создал Платон. Идеям был придан статус более «настоящего» бытия, чем бытие чувственных вещей; учение о припоминании связало познание с тем, что душа уже знала прежде. Отсюда очень соблазнительный ход: если идеи не рождаются на наших глазах, значит, они вечны. Если мы их открываем, значит, где-то они уже есть.

Оба мифа питаются одним обстоятельством: мы обнаруживаем идеальное содержание как нечто устойчивое и не зависящее от данного мгновения. Теорема не исчезает, когда математик засыпает. Текст не перестаёт что-то означать после смерти автора. Но из этой независимости от отдельного сознания ещё не следует вечность и безначальность идеального.

Здесь нужно развести бытие, существование и историю. Философская традиция действительно часто наделяла «настоящее», истинное бытие неизменностью и проти-

вопоставляла его становлению. Но не вся традиция и не всегда: Гераклит, Аристотель, христианская история творения, Джамбаттиста Вико — всё это мешает рассказать простую сказку, будто изменчивость была открыта только в XIX веке. В XIX веке произошло другое: историчность, развитие и эволюция стали универсальными принципами объяснения. Историческое перестало быть досадной примесью к сущности и само стало способом существования.

Сознание, язык, книга, наука и идеальный план не обязаны быть вечными, чтобы быть объективными. Они возникли, стали и продолжают изменяться. Историческая объективность не слабее вечности; она просто требует другого способа рассуждения.

Вечность тоже не сводится к бесконечной длительности. В одной сильной традиции вечное понимается как вневременное, не подлежащее возникновению и исчезновению. Но это именно философская конструкция, а не единственно возможное значение слова. Нам важно другое: философы часто отбрасывали временное и изменчивое как второстепенное, а потом незаметно переносили результат собственной работы в устройство самого бытия.

Легенда о Бернарде Клервоском, который, размышляя о вечном, не заметил Женевского озера, конечно, слишком хороша, чтобы быть надёжным историческим свидетельством. Но для иллюстрации философской привычки она годится. Изменчивость и мимолётность достаются поэтам и художникам. Клод Моне может десятки раз писать один и тот же Руанский собор в разном освещении. Философу же подавай собор, который остаётся тем же самым при любых рассветах и закатах.

Не будем делать из художника и философа два биологических вида. Они способны проделывать обе операции. Различаются не их сознания, а способы работы. В одном

случае удерживается изменение впечатления; в другом — инвариант, сохраняющийся при смене ракурсов и состояний.

Художник наблюдает фасад Руанского собора с выбранной точки и удерживает игру света. В каждой картине собор узнаваем, но каждая картина другая. Философ или инженер может обойти предмет со всех сторон, зафиксировать проекции и попытаться восстановить его устройство. Для этого впечатления нужно не просто хранить в памяти, а привести к общим правилам соотнесения. Материал такой сборки можно изобразить по аналогии с геометрическими проекциями.

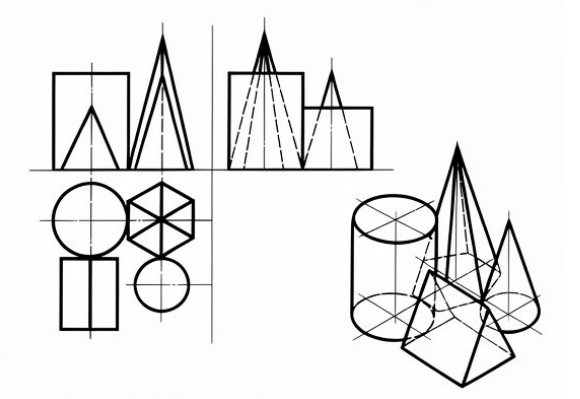

Рисунок 51. Пример комплексного чертежа: ортогональные и аксонометрическая (изометрическая) проекции группы геометрических тел

Проекции предмета на разные плоскости могут быть мало похожи на сам предмет. Но если известны правила проецирования и взаимное положение плоскостей, по ним можно реконструировать форму. Простого складывания картинок недостаточно: конфигурирование требует основания и операции.

Можно ли то же самое сделать с проекциями художника?

Рисунок 52. Фрагмент серии картин «Руанский собор» Клода Моне

Иллюстрации из геометрии и импрессионизма показывают два предельных способа работы: удержание инварианта и удержание изменения. Художник стремится остановить мгновение; философ — получить то, что не исчезает вместе с мгновением. Но вечность и там, и там оказывается не найденной, обнаруженной вещью, а результатом работы. В одном случае результат собран из операций отвлечения и отождествления, в другом — из серии различий.

Мгновенное впечатление было — и его уже нет. Можно ли приписать ему бытие? Можно, если не требовать от бытия неизменности. Но философская традиция часто требовала. В стремлении избавиться от иллюзий чувственного мира Платон создаёт новую, умозрительную конструкцию — мир идей. Называть её просто иллюзией было бы слишком легко: без идеальных объектов мышление не работает. Ошибка начинается там, где способ работы принимают за готовое устройство мира.

Мы не можем игнорировать идеи и не обязаны вслед за Платоном считать их вечными. Поэтому будем говорить не о вечном и неизменном мире идей, а об идеальном плане — области, в которой идеи, знаки, идеальные объекты и операции существуют в работе, воспроизводятся и изменяются.

Для дальнейшей работы аналогий уже недостаточно. Нужно рассмотреть становление идеального плана и его отношения с другими способами отображения и организации мира.

У всякого исторического рассказа есть начало. У самого процесса его может не быть в виде одной даты и одного события. Начало приходится устанавливать — отрезать предысторию и сказать: начнём отсюда. Поэтому вопрос звучит не только «когда всё началось?», но и «какое событие мы согласны считать началом?».

Обычно мы замечаем уже ставшее и задним числом восстанавливаем становление. Так мы различаем виды и реконструируем промежуточные формы. Так же мы поступаем в социальной истории. Буржуазия не родилась 14 июля 1789 года, но Французская революция позволила увидеть и описать как единый процесс то, что раньше существовало в виде разрозненных групп, отношений, притязаний и способов жизни.

Где были глаза историков XVII–XVIII веков? На месте. Они видели купцов, собственников, городские корпорации, финансистов, ремесленников. Они не могли видеть готовую историю класса, которую позднейший историк построил ретроспективно. Ставшее переорганизует собственное прошлое.

Отсюда возникают вопросы. Можно ли написать историю того, чего ещё нет, но что уже становится? Историю чего мы тогда пишем? Где провести начало? Считать ли

днём рождения буржуазии 14 июля 1789 года? Или 17 июня, когда депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием? Любая точная дата здесь подозрительно точна. Следует ли начинать историю буржуазии с купечества? Купечество похоже на неё, но не тождественно ей. В новый класс входили не только купцы, но и чиновники, землевладельцы, ремесленники, интеллектуалы, аристократы — да кто угодно. Предыстория не обязана состоять из уменьшенной копии того, что появится потом.

Мераб Мамардашвили начинал рассказ об истории Московского методологического кружка словами: «Начало всегда исторично, то есть случайно»[100]. Здесь как минимум двойной смысл. Рассказ начинается с события, выбранного среди многих; выбор зависит от цели рассказа. Но и новое впервые обнаруживает себя не как законченная сущность, а как случай, отклонение, странность. Потом мы объявим этот случай симптомом начала. Пока он происходит, никто не обязан знать, что началась история.

У каждой истории поэтому есть предыстория — реконструкция сочетания причин и обстоятельств, приведших к событию, которое мы сделали началом. И эта реконструкция не нейтральна: она строится из будущего.

В жизни и работах Галилея мы уже встречаем сложно устроенный идеальный план. В его текстах он развёрнут в понятиях, чертежах, математических отношениях, мысленных экспериментах и правилах доказательства. В таком виде идеальный план становится частью научного метода и одним из условий «науки быстрых открытий». Я могу проследить эту линию от Галилея к Марксу и дальше.

---

100 Мамардашвили М. К. Начало всегда исторично: беседа с М. С. Хромченко, 5 апреля 1990 г. // Вопросы методологии. — 1991. — № 1. — С. 44–53.

Отчасти так построен и мой текст. Он начался с критики Марксом философии Фейербаха, затем я ушёл к Гераклиту, Платону, схоластам и снова вышел к Галилею. Многое проскочил. История вообще устроена несправедливо: чтобы увидеть линию, приходится оставить за кадром многое, иногда почти всё.

Но идеальный план — не книги, которые читал Галилей. Книга является одним из материальных носителей и одним из средств восстановления идеального плана. В хорошей книге читатель может реконструировать идеальный объект, различения, операции и ход доказательства. Может и не реконструировать. Наличие книги ещё не гарантирует мышления — книжные шкафы знали бы слишком много.

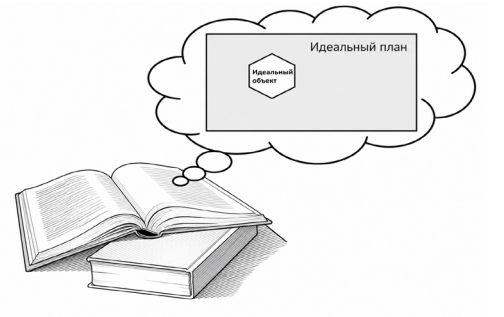

Рисунок 53. В (хорошей) книге (хороший) читатель может реконструировать идеальный объект

Идеальный план не тождественен тексту. Он восстанавливается в чтении и понимании, а затем может быть продолжен, преобразован или отвергнут. Галилей работал с огромной традицией обсуждения движения — от Аристотеля через средневековых комментаторов и авторов теории импетуса до исследователей XVI века. Нам не нужно утверждать, будто он лично прочёл каждую книгу Альберта Саксонского, Николая Орема, Доминго де Сото или

Симона Стевина. Часть идей передавалась через университетское преподавание, комментарии, пересказы, споры и уже преобразованные результаты. Идеальный план существует не как тайная библиотека в голове Галилея, а как восстанавливаемая и перестраиваемая организация содержания.

Книга концентрирует культурную память, но не является самой памятью. Речь позволяет соотнести впечатления разных людей, но не просто перекодирует образы в слова. Письмо фиксирует речь, но не сводится к записи звучащего. На каждом шаге возникает новая организация содержания и новые операции с ним.

Попробуем восстановить генезис идеального плана. Сразу оговорюсь: это не доказанная биологическая филогения и не краткий курс всемирной истории. Это культурно-генетическая реконструкция — рабочая модель, в которой мы ищем необходимые предпосылки и переломы. Её можно критиковать, перестраивать и фальсифицировать. Для того она и нужна.

1. Игра и социальная реальность

Предпосылку иного плана, отличного от непосредственного употребления вещи, можно увидеть уже в игре животных. Хищник способен обращаться с предметом не только как с пищей или препятствием: мёртвая добыча становится предметом игры, искусственная мышь — заместителем добычи. Не будем торопиться и приписывать кошке идеальный план. Но здесь уже происходит важное расщепление: одна и та же вещь включается в разные системы действия и приобретает разные функции.

Предки людей жили в сообществах. Их отношения нельзя свести к зрительно различимым телам. В другом (человеке) мы видим не только рост, шерсть и зубы, но статус, угрозу, союзника, детёныша, соперника. Социальная

реальность не дана как отдельная краска или звук; она распознаётся в действиях и ожиданиях.

Игра и социальность ещё не образуют идеального плана, но подготавливают его возможность: предмет отделяется от единственной функции, а воспринимаемое тело — от роли и отношения. Это грунт, а не готовая картина. До третьего мира Поппера отсюда ещё далеко.

2. Речь-язык

Речь открывает новый план — план знакового замещения, обращения к отсутствующему и совместной организации действия. Павлов назвал слово «сигналом сигналов» и ввёл выражение «вторая сигнальная система». Для физиологии этого различения было достаточно; для теории языка — уже нет.

Речь не только кодирует то, что присутствует в ощущениях. Она позволяет говорить об отсутствующем, возможном, запрещённом, должном и никогда не существовавшем. Слова отличаются по природе от вещей, к которым относятся, и именно поэтому могут соединяться иначе, чем вещи. Можно сказать «летающий город», не поднимая город в воздух.

Разрыв между мыслью, словом и пониманием тревожил не только учёных. Тютчев довёл тревогу до формулы: «Другому как понять тебя?.. Мысль изречённая есть ложь». Свифт довёл противоположную мечту до сатиры: учёные Академии Лагадо предлагали отказаться от слов и носить с собой вещи, необходимые для разговора. Получался очень наглядный язык — и очень тяжёлый.

Речь создаёт план, отличный от непосредственного ощущения. Она расчленяет и связывает содержание, задаёт отношения времени, пространства, модальности, действия; позволяет приказывать, обещать, спрашивать, отрицать. Словом можно организовать поведение другого

человека в отсутствие предмета и даже в отсутствие самого говорящего — если слово запомнено.

Здесь нужно избежать ещё одной крайности. Восприятие имеет врождённые биологические условия: устройство органов чувств, нервной системы, возможности различения интенсивности и модальности. Но видеть расстояние, форму, опасность, изображение и перспективу человек учится в онтогенезе и культуре. Законы линейной перспективы — это не законы самого зрения, а исторически выработанные правила изображения пространства. Научиться читать перспективное изображение и научиться видеть мир — не одно и то же.

Грамматика языка тоже влияет на то, какие различения становятся привычными и легко выражаемыми. Но не диктует человеку единственно возможное время и пространство. Язык предоставляет средства и создаёт склонности, а не строит тюрьму, из которой нельзя выйти.

У речи есть очевидный недостаток: она исчезает вслед за произнесением. Поэтому дописьменные культуры развивали специальные техники памяти — ритм, формулы, повторения, устойчивые сюжеты, профессиональных исполнителей и свидетелей. Культурная память выходила далеко за пределы личного опыта: я помню то, чего со мной не было.

Письмо не уничтожило эту память и не сделало её ненужной. Оно лишило её монополии и изменило устройство культурной передачи.

3. Письменность

Письменность расширила пределы внешней памяти и, главное, сделала запись отдельным предметом работы. Запись можно хранить, перечитывать, сопоставлять с другой записью, исправлять, сортировать и передавать человеку, которого автор никогда не увидит.

Письменность возникала в разных регионах независимо и решала разные задачи[101]. Для Месопотамии хорошо прослеживается линия от счётных средств и регистрации имущества к ранней клинописи. Урожай, выдача зерна, движение товаров, долги, подати, ритуалы и распоряжения администрации — письмо с самого начала служило не только индивидуальному «чтобы не забыть», но и организации коллективной жизни.

Хранилища табличек были архивами, хозяйственными и административными центрами, школьными собраниями текстов, а позднее — библиотеками. Запись могла существовать в одном экземпляре, но читаться многократно. Разрозненные наблюдения можно было сопоставлять, обнаруживать повторения, вычислять, обобщать. Перед мышлением появился объект, который сохранялся, пока с ним работали.

Доступ к записи оставался ограниченным: умением читать, институцией, помещением, властью. Поэтому письмо создавало не только общедоступность, но и новые формы эзотеричности. Надпись в гробнице могла быть обращена не к прохожему, а к богу, умершему или вечности. Письмо усложнило мир. Впрочем, у любых инноваций и изобретений такое свойство.

4. Книга

Письменность не ведёт автоматически к книге. Записка, долговая расписка, перечень зерна, надпись на стене и письмо чиновника — письменные тексты, но ещё не обязательно книги.

Книгу не следует определять через тираж. Существовали уникальные книги, а многие тексты переписывались в

---

101 Schmandt-Besserat D. The Evolution of Writing // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. by J. D. Wright. — 2nd ed. — Amsterdam: Elsevier, 2015.

одном экземпляре для конкретного владельца. Существеннее другое: книга организует относительно завершённый текст, который может быть вынесен за пределы исходной ситуации и адресован неопределённому читателю или многократному прочтению. Тиражирование резко увеличивает масштаб этой возможности, но не создаёт её с нуля.

Публичные надписи, содержащие изложение законов и царских решений, были важным шагом, хотя книгами их называть не стоит. Реформы Урукагины[102] известны по нескольким версиям надписей на глиняных конусах и других носителях, относящихся к середине третьего тысячелетия до н. э. стела Хаммурапи появилась примерно в XVIII веке до н. э. На ней высечено собрание судебных решений, которое мы по привычке называем кодексом. Подобные памятники делают текст устойчивым и публичным, но публичность надписи ещё не означает массового чтения.

Рисунок 54. Глиняный конус с изложением реформ Урукагины и Стела Хаммурапи (копия, фронтальный вид)

102 «*Реформы» Урукагины — древние клинописные тексты царя шумерского города Лагаша (XXIV век до н. э.), которые подробно описывают нарушения и злоупотребления прежних времен и новые правила Урук-Агины. Реформы касаются, в частности, управления землей богов и правил, связанных с погребениями. Этот текст рассматривается как предшественник более поздних сводов законов, но, вероятно, его лучше рассматривать как царскую надпись с особым акцентом на роли царя как защитника слабых. — Прим.* ред.

Все эти формы подготавливают книгу, но не сводятся к ней.

Пример с Ездрой ещё интереснее. В восьмой главе Книги Неемии[103] он читает Закон собравшемуся народу на площади перед Водяными воротами, стоя на специально устроенном деревянном возвышении. Храм к этому времени уже был построен; речь шла о восстановлении общины и её отношения к Закону. Текст не сообщает, что свиток был единственным, и не даёт нам права назвать его единственным экземпляром «будущей Торы». Зато сцена прекрасно показывает другое: книга становится центром публичного чтения, толкования и коллективного самоопределения.

Коммерческий книжный оборот надёжно засвидетельствован в Афинах по крайней мере с V века до н. э. Книги переписывали, покупали, заказывали, передавали через знакомых. Поздние источники рассказывают и о покупке Платоном пифагорейских книг; детали таких рассказов могут быть легендарны, но сама культура приобретения и обращения текстов уже существовала.

Книга создаёт новый тип письма и чтения. Книга пишется не для себя (автора), или, как минимум, не только для автора. Поэтому текст приходится разворачивать, связывать и делать доступным для повторного понимания. Возникает давление в сторону устойчивой орфографии, синтаксиса и композиции — не мгновенно и не повсюду, но неотвратимо.

Книга может быть обращена к неизвестному читателю, который не разделяет ситуации автора. Значит, часть пресуппозиций и контекста приходится восстанавливать внутри текста. Или сознательно не восстанавливать, оставляя вход только посвящённым.

---

103 Nehemiah 8 // The New American Bible, Revised Edition (NABRE). — Washington, D.C. : United States Conference of Catholic Bishops, 2011.

Опыт читателей различен. Поэтому книга не может опереться только на непосредственное указание: «вон то». Она строит собственное пространство предметов, отношений и возможных действий с ними.

Книга несёт не готовый идеальный план, а средства его восстановления. Читатель должен построить предмет, удержать различения, повторить операции. Иногда книга прямо показывает эту работу — доказательством, схемой, чертежом. Иногда прячет её в повествовании.

Любая книга — книга книг. Она цитирует, спорит, продолжает, предполагает другие тексты, даже если не называет их. Следующий шаг поэтому — собрание книг: под одной обложкой, на полке, в каталоге, в библиотеке.

В краткой последовательности нашу реконструкцию можно представить так:

1. игровая и социальная реальность — расщепление вещи, функции, роли и ожидания;
2. речь-язык — знаковое замещение, обращение к отсутствующему и организация совместного действия;
3. письменность — фиксация, повторное чтение, сопоставление и внешняя память;
4. книга — организация текста для чтения за пределами исходной ситуации;
5. библиотека — множество текстов, их взаимные отношения и особая сфера чтения.

Но не будем превращать эту последовательность в марш прогресса. Новая форма не отменяет старую: игра, устная речь, память, запись и книга сосуществуют и перестраивают друг друга.

Теперь можно точнее соотнести эту линию с третьим миром Поппера. Физический экземпляр книги принадлежит первому миру. Переживания автора и читателя

— второму. Объективное содержание текста, проблемы, доказательства и следствия, которые могут быть обнаружены и после смерти автора, — третьему. Идеальный план не тождественен третьему миру. Это способ, которым содержание строится, восстанавливается и преобразуется в мышлении и коммуникации. Третий мир даёт идеальному плану исторически накопленный материал; идеальный план даёт возможность с этим материалом работать.

Такой генезис идеального плана — реконструкция, одна из возможных моделей. Семнадцать лет назад во «Введении в философию»[104] я разворачивал другой вариант, опираясь на реконструкцию Михаила Петрова и историю древнегреческого театра. Эти варианты могут дополнять друг друга и могут быть пересмотрены. Их ценность не в том, что они заменяют археологию, лингвистику и историю культуры. Ценность в том, что модель позволяет поставить вопросы о современном мышлении и проверить, какие переходы мы действительно способны объяснить.

Перед переходом от генезиса к структуре нужно сделать ещё одну оговорку. Всё сказанное о книге относится прежде всего к экзотерическому режиму письма — к тексту, который предполагает возможность понимания за пределами узкого круга посвящённых.

Эзотерический текст устроен иначе: часть условий понимания вынесена в устную передачу, практику, ритуал или совместный опыт. Когда такой текст попадает к постороннему читателю, он неизбежно достраивается другими пресуппозициями. Но из этого не следует, что всякая эзотерика автоматически превращается в лже- или псевдона-

---

104 *Цикл лекций «Введение в философию» был прочитан в рамках методологического семинара в Минске (сезон 2008-2009). Издан в переработанном виде: В. Мацкевич. Введение в философию. Издательство «Янушкевіч», 2023. — Прим.ред.*

уку. Закрытость, иррациональность и ложность — разные характеристики. Их следует различать, иначе критика сама станет суеверием.

Эзотерические содержания невозможно исключить ни из идеального плана, ни из третьего мира Поппера. Но дальше мы сознательно ограничимся экзотерической частью: той областью, где основания, операции и способы проверки хотя бы в принципе могут быть предъявлены другому. Для методологической работы это не вопрос хорошего тона. Это условие продолжения разговора.

10.2. Структура идеального плана

От критики сенсуалистической модели сознания к различению содержания в идеальном плане — Перцепция, апперцепция и адперцепция как разные способы организации опыта — Язык как средство закрепления, передачи и согласования содержания между различными позициями — Переход от диалога к монологу как более сложной форме организации содержания — Письмо, книга и библиотека как средства объективирования, сохранения и возвращения содержания в мышление — Идеальный план как многослойное рабочее пространство — Рефлексия как средство различения способов построения объекта — Обнаружение пределов идеального плана, необходимость дополнения его организационно-деятельностным.

При анализе структуры идеального плана нам понадобится множество гносеологических и эпистемологических категорий. Причём не просто понадобится: некоторые из них придётся разобрать, почистить и собрать заново. Для чистоты модели следовало бы ввести собственные категории и назвать их новыми словами. Тогда мы избежали бы трудностей перевода, многознания и философоведенья. Но такая работа уже подозрительно похожа на создание новой философской системы — чего-нибудь гегелевского масштаба. Это другая задача. Поэтому я пойду более ри-

скованным путём: буду переинтерпретировать известные категории, всякий раз предупреждая, где заканчивается их привычное значение и начинается моё, или наше, совместное с читателем.

Сенсуализма и классического эмпиризма для анализа идеального плана недостаточно. Формула *esse est percipi* — «быть значит быть воспринимаемым» — принадлежит не эмпиризму вообще, а берклианскому имматериализму[105]. Но именно поэтому она хорошо обозначает предел, за который нам придётся выйти: уже игровая и социальная реальность протолюдей не сводится к ощущениям и восприятиям.

Из сенсуалистического хозяйства нам всё же пригодится локковская *tabula rasa*[106]. Правда, не совсем в локковском смысле. Локк вводил «чистую доску» — точнее, «белую бумагу, лишённую всяких знаков» — в борьбе против учения о врождённых идеях. Нас будет занимать другое: не пустота сознания, а доска как рабочая поверхность, на которой что-то появляется, удерживается, стирается и переписывается. К этому мы ещё вернёмся. Пока же важно не спутать два тезиса: «в сознании нет врождённых идей» и «в сознании есть только следы ощущаемого». Второй вовсе не вытекает из первого.

Долгое время рассуждение по субъект-объектной схеме было сосредоточено на созерцаемом и познаваемом объекте. Существование эмпирического или трансценден-

---

105 *Дж. Беркли, «Трактат о принципах человеческого знания» — формула esse est percipi в контексте имматериализма; см. справочную статью:* Downing L., Hilbert D. George Berkeley // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Fall 2026 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2026.

106 *Образ «белой бумаги, лишённой всяких знаков» см.: Дж. Локк. Опыт о человеческом разумении, кн. II, гл. I, § 2:* Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / пер. с англ. А. Н. Савина ; ред. И. С. Нарский. — М. : Мысль, 1985. — Т. 1.

тального субъекта постулировалось как место, в котором этот объект представлен. Но само место оставалось почти нерасчленённым: нечто вроде комнаты, куда вносят мебель. Между тем в сознании, мышлении и идеальном плане есть содержание разного происхождения. Одно приходит через ощущения. Другое появляется в игре, общении и деятельности. Третье производится самим мышлением. Если всё это гомогенизировать и назвать «опытом», схема становится гладкой — и перестаёт работать.

Лейбниц различал перцепцию и апперцепцию[107]. Перцепцией он называл представление множества в едином; апперцепцией — сознание, или рефлексивное схватывание этого представления. Позднее у Канта апперцепция стала единством самосознания: условием, при котором различные представления могут быть отнесены к одному «я». Не «дополненной реальностью» и не особой кладовой вне опыта. Этимология здесь тоже не даёт права на свободную фантазию: русское слово пишется с двумя «п», а латинское *ad-* не превращает апперцепцию ни в «добавку к восприятию», ни в отрицание восприятия.

Но сама мысль о добавленном к восприятию содержании нам нужна. Поэтому введём собственный рабочий термин — **адперцепция**. Именно собственный, а не лейбницевский и не кантовский. Адперцепцией будем назы-

---

107 Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. / ред. и сост. В. В. Соколов. — М. : Мысль, 1982. — Т. 1. — С. 404–412. — § 4.;
Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского ; перевод сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. — М. : Мысль, 1994. — B 131–133 *(перцепция, апперцепция и единство самосознания);*
Краткое терминологическое пояснение: Суворов О. В. Апперцепция // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Стёпин и др. — М. : Мысль, 2010.

вать то содержание, которое не дано в ощущении вещи, но возникает в практическом, игровом и социальном отношении к ней.

Ребёнок воспринимает палку — это перцепция. Он действует с палкой как с лошадью — это адперцепция. Палка не перестаёт быть палкой, но в игре становится лошадью. И не потому, что к зрительному образу палки приклеили ещё один образ. Изменилось отношение, а вместе с ним — возможное действие.

То же происходит с социальным статусом. Физически слабый человек может быть вождём, жрецом или судьёй. Его статус не дан ни в росте, ни в весе, ни в цвете глаз. Он существует в системе отношений и поддерживается действиями других. У животных статус приходится регулярно подкреплять силой, позой, запахом, звуком. С ослаблением вожака ослабевает и статус. В проточеловеческом сообществе статус уже способен пережить физическую силу: старик остаётся вождём, ребёнок становится наследником, шаман сохраняет власть благодаря знакам и ритуалам.

До речи адперцепция ещё крепко привязана к воспринимаемым действиям. Речь-язык не обрывает эту связь, но радикально её перестраивает. Статус получает имя; действие — правило; событие — рассказ. То, что раньше требовало постоянного телесного подтверждения, теперь может удерживаться словом, памятью и ожиданием. Адперцептивное содержание становится воспроизводимым, передаваемым и относительно самостоятельным.

Здесь нам снова понадобится традиционная **апперцепция** — уже не как наша адперцепция, а как рефлексивная организация восприятия и опыта. Получаются не два наглухо разделённых этажа, а три различаемых процесса:

- перцепция — чувственное восприятие;
- адперцепция — практическое, игровое и социальное достраивание воспринимаемого;
- апперцепция — схватывание воспринимаемого и достроенного как моего и связного опыта.

Это различение аналитическое. В живом действии эти процессы сплетены. Мы разводим их на схеме не потому, что они разделены в природе, а потому, что иначе не сможем увидеть работу каждого.

До появления речи перцептивное и адперцептивное пространства существуют параллельно и взаимоотображаются. Из перцепции в адперцепцию попадает чувственный материал; из адперцепции на воспринимаемую ситуацию проецируются игрушка, статус, запрет, угроза, возможность. Так возникают основания представления и воображения. Речь-язык добавляет третью силу: позволяет закреплять эти проекции в знаках и согласовывать их между участниками.

Язык не принадлежит отдельному эмпирическому субъекту так, как ему принадлежит голос или память. Говорящий получает язык от других и возвращает его другим. В этом смысле можно принять максиму, которую обычно приписывают Гумбольдту: не только человек овладевает языком, но и язык овладевает человеком. Не как демон или оккупант. Просто заговорив, человек входит в уже существующую систему различений, правил и допустимых ходов.

Речь бессмысленна без слушания. Говорить можно только тому, кто способен слышать и понимать; даже говоря с собой, человек занимает попеременно обе позиции. Язык делает содержание не просто моим, а воспроизводимым для другого. Не гарантирует понимания — это было бы слишком хорошо, — но создаёт его возможность.

Можно воспользоваться выражением Кастанеды: овладев языком, человек обретает «членство в описании мира». Или пересказать раннего Витгенштейна: мир, который мы можем осмысленно описывать, оказывается соразмерен логической форме языка. Это не значит, что мир сам по себе говорит по-немецки, по-беларусски или на языке логики. Структура языка организует то, что мы в мире различаем, связываем и можем сообщить другому.

Каждый язык располагает средствами для выражения времени, пространства, модальности и интенсивности. Но располагает ими по-разному. Языки не создают разные физические времена и не запирают своих носителей в несовместимых вселенных. Они по-разному расчленяют опыт и заставляют говорящего в одних случаях сделать различие явным, а в других позволяют оставить его в тени.

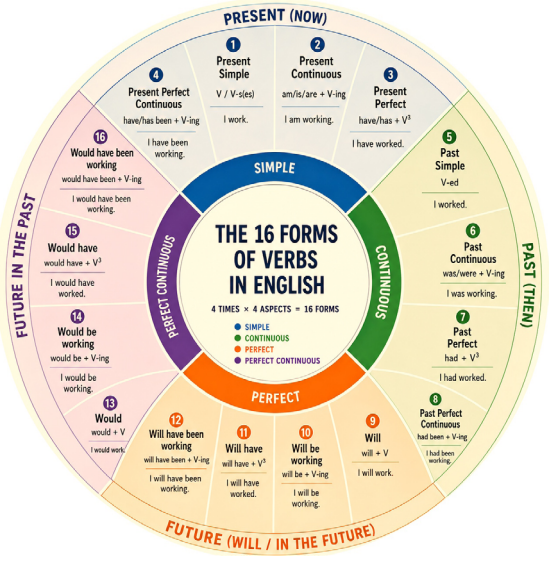

Рисунок 55. Один из вариантов подсчета количества временных форм глаголов в английском языке

С временными формами хорошо видно, как грамматическая классификация превращается в метафизику, если потерять осторожность. В английском языке обычно различают два морфологических времени — настоящее и прошедшее[108]. Школьная таблица из двенадцати «времён» складывается уже из сочетаний времени, аспекта и вспомогательных конструкций. При желании таких сочетаний можно насчитать и больше (в случае с английским языком обычно доходят до 32-х), но это будет число ячеек в выбранной таблице, а не количество времён, реально существующих в сознании англоговорящего. В немецкой учебной грамматике обычно называют шесть временных форм. В русском школьном описании — три времени, хотя исторические грамматики, начиная с Ломоносова, расчленяли глагольную систему иначе и тоньше.

Числа различаются не потому, что англичанин живёт в двенадцати временах, немец — в шести, а русский — в трёх. Различаются способы грамматического оформления высказывания о времени. Но и это немало: язык требует от говорящего одни различия отмечать регулярно, а другие оставляет контексту.

С модальностью ещё интереснее. Немецкое *dürfen* выражает возможность, связанную с разрешением: *ich darf* — «мне можно» в смысле «я имею право». При переводе на русский активная грамматическая форма действительно часто превращается в безличную: «мне позволено». Но отсюда не следует, что немецкий субъект внутренне свободен, а русский обречён ждать начальства. Язык даёт

---

108 *В грамматике под морфологическим временем понимают изменение самого глагола. В английском языке традиционно выделяют только два морфологических (простых) времени — настоящее (Present) и прошедшее (Past). Будущее время (Future) не имеет отдельной морфологической формы слова и образуется с помощью вспомогательных глаголов. — Прим.ред.*

разные готовые конструкции; культура и деятельность наполняют их.

В беларусском есть глагол *мусіць*[109]: *я мушу, ты мусіш, ён мусіць*. А есть прилагательное вінны. *Я не мушу* значит: «я не должен/не обязан», «у меня нет необходимости». *Я не вінны* в одном из значений — «я не должен как должник». Это не глупость и не бессмыслица, а разные типы отрицания долженствования. Язык позволяет их развести. Пользуется ли этим различением говорящий — другой вопрос.

Теперь вернёмся к трём кантовским вопросам[110]:

- *Was kann ich wissen?* — «Что я могу знать?»;
- *Was soll ich tun?* — «Что я должен, или что мне следует, делать?»;
- *Was darf ich hoffen?* — «На что я смею, или могу, надеяться?».

Я встречал русские переводы, где *kann ich, soll ich, darf ich* передаются одинаково: «я могу», могу знать, могу делать, могу надеяться. *Это вполне допустимый вариант перевода, его нельзя назвать неправильным, но он* теряет часть немецкой модальности, очень важную в данном случае. *Können* указывает на возможность и способность; *sollen* — на долженствование; *dürfen* — на дозволенность. Особенно выразителен третий вопрос: Кант спрашивает не только, на что человек способен надеяться психологически, но и на что он вправе надеяться, если связывает надежду с разумом и нравственным законом.

Однако из трудности перевода нельзя выводить отсутствие категорического императива в русском языке

---

109 Не стоит выводить его прямо из немецкого *müssen*: здесь вероятнее западнославянское соседство и польское *musieć*, а дальняя этимология требует отдельного разбирательства. — Прим. авт.

110 «Три вопроса разума» см.: Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. — М. : Мысль, 1994. — A 805 / B 833.

или в русском сознании. Это был бы слишком быстрый прыжок от грамматики к национальной метафизике. Русский язык прекрасно выражает способность, обязанность, разрешение, право и принуждение — просто часто не одним модальным глаголом, а разными конструкциями. Вопрос «Что я должен делать?» может означать и внутреннее долженствование, и внешнее обязательство. Но многозначность не отменяет различия; она заставляет его уточнять.

Вот здесь язык действительно участвует в организации апперцепции. Он не задаёт всем носителям одну и ту же картину мира, зато предоставляет общее поле различений, в котором можно согласовывать, оспаривать и изменять картины. Единство апперцепции, обеспечиваемое языком, — не тождество сознаний, а возможность совместной работы.

Классическая гносеология часто строила познание вокруг индивидуального субъекта. Но будет несправедливо сказать, что феноменология просто не заметила интерсубъективности: Гуссерль посвятил ей специальные разработки, особенно в пятой «Картезианской медитации»[111]. Другое дело, что проблема не исчезла оттого, что была поставлена. Вопрос о том, как из множества индивидуальных потоков сознания получается общий мир, остался нерешённым. Аналитическая философия подошла к нему с

---

111 *Пятая «Картезианская медитация» Эдмунда Гуссерля входит в состав Cartesianische Meditationen, разработанных на основе парижских лекций 1929 года и впоследствии существенно расширенных. Она посвящена проблеме интерсубъективности — тому, каким образом в сфере трансцендентального ego конституируется Другой (alter ego) как иной субъект. Через анализ опыта Другого (Einfühlung) Гуссерль стремится показать, как конституируется общий для множества субъектов объективный мир и тем самым ответить на угрозу солипсизма, возникающую в рамках трансцендентальной феноменологии. — Прим.ред.*

другой стороны: через публичные правила употребления языка, аргументацию и формы коммуникации.

Устный и особенно письменный язык создают описание мира, отличное от непосредственно воспринимаемого. Но язык не поглощает индивидуальный опыт без остатка и не делает мир одинаковым для всех носителей. Мы говорим на одном языке, но речью владеем по-разному. Сказываются происхождение, профессия, образование, возраст, власть, игровой и социальный опыт. Феодал и крестьянин различают статусы друг друга, но проживают их совершенно неодинаково. Аристократы России и Германии могли переходить на французский, знать язык простонародья и строить на разных языках разные формы общения. Бернард Шоу в «Пигмалионе» сделал из этого почти лабораторный опыт: речь не просто выдаёт социальную позицию — она участвует в её производстве.

Для структуры идеального плана нам понадобится ещё одна категория — монолог. Щерба, опираясь в том числе на исследование восточнолужицкой речи, сформулировал сильный тезис: монолог в значительной степени искусственная языковая форма, а подлинное бытие языка обнаруживается в диалоге[112]. Формулировка полемическая, но точная по направлению. В мире повседневности люди прежде всего разговаривают: отвечают, переспрашивают, поправляют, подтверждают, не понимают и начинают снова. Развёрнутый монолог требует специальной организации.

---

112 См.: Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. — Петроград: Тип. А. Э. Коллинс, 1915. — Т. 1.
В развитие наблюдений Щербы, тезис Якубинского об искусственности развёрнутого монолога: Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь / под ред. Л. В. Щербы. — Петроград: Фонетический институт практического изучения языков, 1923. — Вып. 1. — С. 96–194.

Это не значит, что бесписьменные культуры не знают длинной речи. Знают эпос, сказание, молитву, ритуальную формулу, публичное увещевание. Но такие формы удерживаются традицией, ритмом, повтором, мелодией и ситуацией исполнения. Монолог в строгом смысле — это речь, заранее организованная как целое и способная существовать относительно независимо от немедленных реплик собеседника.

В диалоге участники обмениваются речевыми актами и по ходу дела согласуют индивидуальный опыт, адперцептивные построения и значения общего языка. Согласование может закончиться спором, дракой или полной путаницей — это тоже результат. Важно, что другой присутствует в самой форме речи и может остановить её своим «не понял».

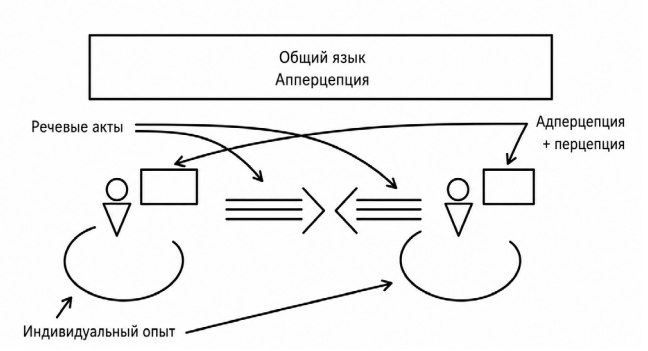

Рисунок 56. То, что мы говорим, и то, что слышим, не одно и то же (Схема 34)

Монолог становится возможным как разворачивание в речи-языке содержания идеального плана. Можно предположить, что развитый монолог и книга исторически поддерживают друг друга. Не объявлять монолог ровесником книги — устный эпос немедленно предъявит счёт, — а увидеть в книге мощное средство его отделения от ситуа-

ции. Книга позволяет заранее построить целое, вернуться к началу, переставить части, удержать то, чего память одного говорящего уже не удерживает.

Древние мудрецы докнижной эпохи остаются для нас авторами коротких формул, загадок, апорий и заветов. Но здесь нельзя путать форму дошедшего материала с формой первоначальной речи. Милетцы известны нам во фрагментах не потому, что обязательно мыслили одними афоризмами, а потому, что их сочинения утрачены и сохранились лишь в цитатах позднейших авторов. Фрагментарность — свойство нашей библиотеки, а не доказанное свойство их мышления.

Короткое метафизическое, математическое или этическое высказывание обретает смысл в окружении других высказываний: в диалоге, споре, доказательстве. Аристотелевский силлогизм вырос рядом с диалектикой, но этимология *syllogismos* сама по себе не доказывает его диалогичности[113]. В диалектическом рассуждении посылки действительно берутся из *endoxa* — признанных или заслуживающих внимания мнений. Их можно предъявлять и оспаривать. В доказательном же силлогизме согласие собеседника логически не требуется: если посылки приняты, заключение следует из их связи.

Сорит[114] — это не умозаключение «без согласия», а цепь силлогизмов, в которой промежуточные заключения опущены. Он потому и напоминает монолог, что заставляет слушателя молча переносить связь через несколько шагов.

---

113 *См.: Аристотель. Первая аналитика и Топика — силлогизм, доказательство и диалектические посылки; справочная статья:* Smith R. Aristotle's Logic // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — Fall 2024 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2024.

114 *Сорит — сокращенный сложный силлогизм, состоящий из нескольких простых силлогизмов, в которых промежуточные выводы не произносятся вслух, а пропускаются ради краткости речи. — Прим.ред.*

Но это функциональное сходство, а не родословная. Диалог может быть длинным и жёстко построенным; монолог может рассыпаться после второй фразы.

Монолог — сложная система, целое из разнородных частей. Его лучше сравнивать не с одним силлогизмом, а с развёрнутым предложением и даже с текстом. В нём есть свои подлежащие и сказуемые, определения, дополнения и обстоятельства. Но есть и служебные фразы: установление контакта, введение контекста, обозначение цели, оправдание права говорить, доказательство правильности хода, предупреждение возражений. Монолог несёт не только содержание, но и собственную организацию.

Способность к монологической речи возникает на основе уже сформированного идеального плана, отображаемого на табло сознания.

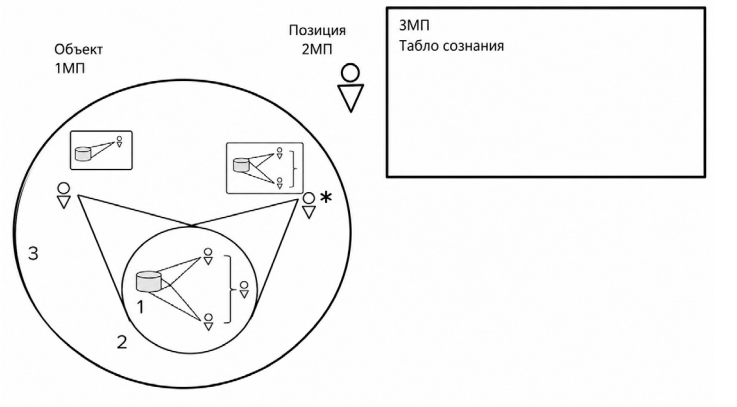

Рисунок 57. Монолог — это проявление сложной организации сознания (Схема 21)

В античной Греции развёрнутый публичный монолог становился особым искусством постепенно. Солон выражал политические идеи в элегических стихах — не в «рифмованной речи»: древнегреческая поэзия строилась

прежде всего на метре, а не на привычной нам рифме. Исократ писал и преподавал риторику, но из-за слабого голоса и отсутствия склонности к публичной борьбе сам не сделал карьеру оратора. Демосфен уже учился в культуре, где существовали образцы написанных речей, школьная техника и историческое описание публичного красноречия.

К V–IV векам до н. э. в Афинах книги продавались и частные собрания росли. Но «массовая книжная торговля» — выражение из другой эпохи, а предание о публичной библиотеке Писистрата остаётся преданием[115]. Надёжнее сказать так: книга стала заметным и всё более влиятельным участником городской культуры, а библиотеки как устойчивые публичные институты развернулись позднее, прежде всего в эллинистическом мире.

Библиотека — не готовый и самодостаточный третий мир Поппера. Здание, полки, папирусы и книги находятся в первом мире, мире физических вещей. Переживания читателя — во втором. А объективированное содержание текстов, проблем и аргументов принадлежит третьему миру. Библиотека соединяет эти миры и потому особенно важна: она даёт объективному содержанию материальное тело, порядок хранения и возможность снова войти в мышление.

Существование библиотек формирует особый тип людей, для которых содержание книг может стать важнее ближайшего чувственного мира и даже собственных переживаний. Книжная апперцепция не просто подчиняет себе перцепцию; она начинает отбирать, что считать достойным восприятия. Человек видит руину — и уже чита-

---

115 *О книжной торговле и библиотеках в античной Греции см.:* Cartwright M. Libraries in the Ancient World // World History Encyclopedia. — 23 July 2019.

ет Рим. Видит соседа — и узнаёт в нём героя или злодея из прочитанного романа.

Именно здесь возникает борьба за идеальный план. Но не будем подкреплять её мифом о едином катастрофическом пожаре Александрийской библиотеки[116]. Историки не знают того момента, когда она целиком погибла. Были пожар при Цезаре, войны, разорение городских кварталов, утрата финансирования, разрушение Серапеума, рассеяние фондов и многовековой упадок. Легенда об одном великом костре красива, но неверна: она превращает разрушение института в эффектную сцену и позволяет не замечать медленной работы забвения.

Сочинение и сохранение книг действительно сопровождаются запретами, изъятиями и уничтожением. И сегодня книги вовсе не перестали «сжигать». Меняются масштабы, техника и предмет уничтожения: иногда горят экземпляры, иногда закрывают издательства, иногда вычищают каталоги, иногда уничтожают самих носителей знания. Борьба идёт не между книгами как таковыми, а между организованными способами воспроизводства идеального плана.

В эпоху всеобщего образования почти каждый прочитывает множество текстов и носит в себе маленькую библиотеку. Но индивидуальное табло сознания, общий идеальный план культуры и попперовский третий мир — не одно и то же. Третий мир содержит объективированные проблемы, теории и аргументы; общий идеальный план организует доступные способы работы с ними; табло сознания — актуальное рабочее поле конкретной позиции. Они проецируются друг на друга, но не тождественны.

---

116 *О сложной судьбе Александрийской библиотеки см.:* The destruction of the library // Library of Alexandria. — OpenLearn, The Open University.

Структуру табло сознания можно представить как многослойный полупрозрачный экран. Слоёв больше, чем мы успели обсудить. Социальная реальность сама многослойна и включает особую коммунальную реальность, которую пока оставим за скобками. «Книга» и «библиотека» — тоже не один слой, а множества. Каждый освоенный язык, профессиональный жаргон, религиозная или политическая традиция добавляют свои различения и способы связывания.

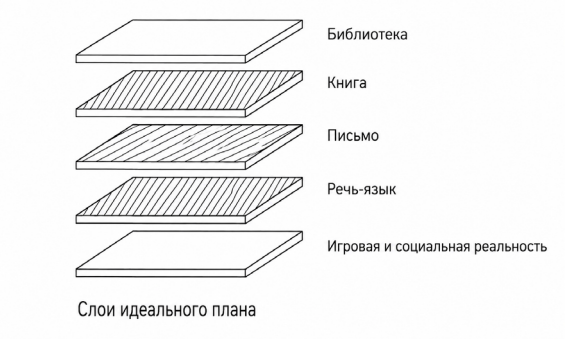

Рисунок 58. В каждом высказывании можно обнаружить разные слои культуры (Схема 35)

Эти слои не следует понимать как геологические отложения, раз и навсегда расположившиеся по времени возникновения. Это функциональные слои: в одной ситуации наверху оказывается язык профессии, в другой — телесное восприятие, в третьей — прочитанная книга или социальный статус. Порядок может меняться.

Слои могут быть по-разному прозрачны. Разумеется, прозрачность — метафора, как и экран. Но метафора может быть полезна, если не принимать её за физическое устройство.

Можно грубо, почти карикатурно, различить несколько способов работы. Для некоторых версий постмодерниз-

ма верхний слой «библиотека» почти непрозрачен: новый текст сразу обнаруживает себя цитатой среди цитат. Аналитическая философия часто задерживается на слое языка, логической формы и правил употребления. Естествоиспытатель стремится сделать эти слои прозрачными и увидеть объект таким, каков он «сам по себе». Карикатура несправедлива к каждому конкретному философу и учёному, но различие установок показывает.

Идеальный план и табло сознания изначально не являются чистой доской. Каждый слой появляется в деятельности, организован по-своему и имеет собственную «текстуру», просвечивающую сквозь другие. Предмет внимания появляется как фигура на фоне. Выделить фигуру — уже работа, а не пассивное получение картинки.

Рисунок 59. Оптические иллюзии «фигура-фон», где мозг выбирает, что считать главным объектом, а что — задним планом

Объект на табло сознания не лежит на верхнем слое, как рисунок на пустой бумаге. В его изображение входят элементы всех работающих слоёв. На фотографии просту-

пает зерно; в живописи — фактура грунта и холста; в схеме — принятый алфавит знаков и правила чтения. Так же в объекте проступают язык, опыт действия, книги, социальные позиции и привычки различения.

Интенциональность сознания состоит не только в полагании объекта, но и в выделении фигуры из фона — сигнала из шума. А ещё в поддержании фона: если стереть фон, фигура тоже потеряет смысл.

Теперь можно вернуться к *tabula rasa*, но уже инструментально. Идеальный план не бывает пустым. «Чистая доска» нужна как процедура расчистки рабочего пространства: временно убрать лишнее, погасить часть слоёв, освободить место для новой организации. Античную восковую табличку действительно можно было разгладить и использовать снова. Локк говорил о «белой бумаге», но метафора стёртой восковой доски для нашей работы точнее. Писать и стирать — две стороны одного действия.

Поэтому идеальный план — не зеркало, пассивно отражающее реальность, а рабочее пространство. Всё, что в нём присутствует, имеет историю формирования: культуру, язык, книги, предшествующие действия. Но есть и актуальная работа здесь и сейчас: полагание объекта, выделение фигуры, отбор признаков, удаление деталей, перестройка связей.

Эта работа позволяет увидеть объект преимущественно в статике — как то, чем он является. Для схватывания объекта в становлении необходима рефлексия: нужно различать, что в картине происходит из восприятия, что — из практического и социального достраивания, что пришло из книг, а что произведено в данной работе. Рефлексия не «завершает третий мир» — третий мир не нуждается в завершении моим сознанием. Она перестраивает табло сознания и идеальный план позиции, делая видимым способ построения объекта.

Но и в так организованном идеальном плане отсутствует сама деятельность. Здесь уместен первый тезис Маркса о Фейербахе: предмет, действительность, чувственность берутся «только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика». Какой бы полной ни была картина мира, она ещё не отвечает на вопрос, как в мире действовать.

Поэтому одиннадцатый тезис — «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» — не просто эффектный финал. Он указывает на отсутствующее место в нашей схеме. Чтобы включить деятельностное отношение, идеальный план необходимо дополнить организационно-деятельностным: пространством, в котором изображён не только объект, но и позиции, средства, нормы, операции и возможные преобразования.

Именно к этому месту мы теперь подошли.

Глава 11.
Организационно-деятельностный план

11.1. Перенос интереса с того, что мы знаем, на то, как мы это узнаём

Проблема отсутствия в идеальном плане деятельности, в том числе познавательной — Критика гегелевского замыкания познания в идеальном плане и отождествления логики, онтологии и теории познания — Разрыв между трансцендентальной философией и развитием опытных наук — Формирование научных предметов как переход от накопления фактов к комплексу методов их интерпретации, синтеза и проверки — Различение немецкой гносеологической и английской операционно-эпистемологической постановок вопроса о методе — Переход от вопроса о содержании знания к вопросу о процедурах работы с ним как основание выхода в организационно-деятельностный план.

Идеальный план, генезис и структуру которого мы обсуждали в предыдущей главе, представляет собой пространство размещения объектов. Но такого определения идеального плана недостаточно. Необходимо отметить и другое его свойство, или функцию: всё, что попадает в идеальный план, становится объектом — объектом познания и созерцания. Для понимания идеального плана невозможно ограничиться только одним из его аспектов: пассивным аспектом — пространством размещения объектов, или активным — превращением всего, что в это простран-

ство попадает, в объекты познания и созерцания. Необходимо единство этих аспектов.

Такое понимание требует признания того, что в идеальном плане и в одном из модусов его существования — на табло сознания — нет чувственно воспринимаемых вещей, нет предметов деятельностного отношения к ним, нет и вещей-в-себе. Все они становятся объектами, как только на них направлена познавательная активность. Обсуждая структуру идеального плана, мы отмечали, что каждый из его слоёв имеет деятельностную природу, или возникает из деятельности. Объект познания и созерцания тоже является результатом деятельности — деятельности познания или созерцания. Но в той структуре идеального плана, как мы представили её в предыдущей главе, нет самой деятельности. А результат деятельности — не сама деятельность.

Но если результатом деятельности познания является объект, который размещается в идеальном плане, и ничего другого в идеальном плане размещаться не может, то насколько разумна претензия Маркса ко всей предшествующей философии в том, что она берёт мир только в форме объекта? А как его ещё можно брать? В 1845 году Маркс выдвигает требование к философии — обратиться к предметной деятельности. В дальнейшем он сам и реализовал это требование в своей работе над «Капиталом», первый том которого вышел в 1867 году, но часть основных идей была изложена уже в работе «К критике политической экономии» 1859 года. Эти даты важны для понимания исторического становления представлений об идеальном плане, о котором шла речь в предыдущих главах, и об организационно-деятельностном плане, о котором пойдёт речь в этой главе. Для восстановления необходимого понимания нам придётся рассмотреть зависимость методологических

требований Маркса от трансцендентальной философии Гегеля, с одной стороны, и соотнести их с бурным развитием науки в период от формулирования «Тезисов о Фейербахе» до оформления марксизма как законченной философско-методологической системы в трудах Энгельса, Ленина и советских философов, с другой стороны.

Свой метод Маркс основывал на гегелевском принципе восхождения от абстрактного к конкретному (ВАК). У Гегеля Маркс заимствовал категории «предмет» и «объект», «абстрактное» и «конкретное», хотя и был вынужден их переосмыслить в процессе своей собственной работы, в том числе под влиянием успехов современной ему науки. У Маркса были большие затруднения в том, чтобы преодолеть главное методологическое заблуждение Гегеля — постулирование диалектического единства логики, онтологии и гносеологии. Гегелевская «Наука логики» была написана в 1812-1816 годах, сам Гегель считал, что эта книга не только о логике, но и о науке. Но что Гегель знал, и мог знать о науке?[117] Хотя «Наука логики» вышла через тридцать лет после «Критики чистого разума», Гегель знал о науке не больше Канта, то есть мог знать физику в виде ньютоновской механики и метод Галилея.

Познание как таковое, и научное познание в частности, по Гегелю разворачивается в идеальном плане, и только в нём. Восхождение от абстрактного к конкретному по Гегелю — это самодвижение идеи, или объекта, в чистом мышлении или в идеальном плане. По существу, это движение от неопределённого генерализованного абстрактного к конкретному и единичному абстрактному. Гегель не принимает сенсуалистической гносеологии Локка, Беркли и

117 В 1831 Гегель начал перерабатывать текст «Науки логики», однако смерть помешала ему завершить задуманный проект, он успел подготовить к переизданию лишь первую часть — «Логику бытия», которая была опубликована уже после смерти Гегеля. — Прим. авт.

Юма, он отказывается и от кантовской вещи-в-себе. Гегелевское познание начинается в идеальном плане, и в нём же заканчивается. Отсюда вытекает абсолютизация логики и постулирование единства логики, онтологии и теории познания: «До сих пор философия еще не нашла своего метода. Она смотрела с завистью на системное построение математики и, как мы сказали, заимствовала у неё её метод, или обходилась методом тех наук, которые представляют собой лишь смесь данного материала, исходящих из опыта положений и мыслей, или выходила из затруднения тем, что просто отбрасывала всякий метод. Но раскрытие того, что единственно только и может быть истинным методом философской науки, составляет предмет самой логики, ибо метод есть осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания»[118].

Естественно, такой махровый трансцендентализм не мог не раздражать Маркса.

«Это новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности. Таким путем должна вообще образоваться система понятий, — и в неудержимом, чистом, ничего не принимающем в себя извне движении получить свое завершение.

Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в этой системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частностях, но в то же время я знаю, что он един-

---

118 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Наука логики. В 3-х тт. Т.1. — Москва: Мысль, 1970. — (АН СССР. Ин-т философии. Философское наследие). — С. 107

ственно истинный. Это само по себе явствует уже из того, что он не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо именно содержание внутри себя, диалектика, которую оно имеет в самом себе, движет вперед это содержание. Ясно, что нельзя считать научными какие-либо способы изложения, если они не следуют движению этого метода и не соответствуют его простому ритму, ибо движение этого метода есть движение самой сути дела»[119].

По Гегелю понятие выводится из понятия. Абстракция — простое обобщение на основе наблюдений, в нём нет ничего конкретного, такое абстрагирование доступно самому наивному сознанию, и Гегеля оно не интересует, он оставляет его «торговкам на базаре». Философ же от простого обобщения и генерализации движется к единственному понятию. Гегель прописал метод такого движения, это ВАК и три закона, или принципа, диалектики. Если критически отнестись к трансцендентальному идеализму Гегеля, то можно предположить, что гегелевский метод справедлив применительно к процессу принятия решений об истинности, а не к самому процессу познания. Диалектика Гегеля — это теория принятия решений, а не теория познания, не онтология, и даже не логика. Причём политических решений, или практических решений в сфере политики, управления государством и людьми.

Решение — это выбор одного ответа из множества. Первоначально мы имеем множество версий понятия или объекта, каждая из которых является абстрактной, то есть не содержащей в себе истины. Каждое из абстрактных понятий может противоречить всем другим, каждый объект может отрицать другие объекты. Эти противоречия и отрицания необходимо снять, и остановиться на том истинном

119 Ibid. — С.108

понятии и объекте, который можно предпочесть в практических целях. Гегель не мог согласиться с произволом при выборе единственного объекта из множества. Волюнтаризм, субъективизм, позиционный плюрализм точек зрения никак его не устраивали. Преодоление такого плюрализма и волюнтаризма Гегель видит в истинности. Истина одна, она конкретна, и она составляет содержание объекта.

Но если первичные абстракции равны в своём множестве, то этот единственный объект не может быть одним из этого множества. Он проходит ряд изменений в идеальном плане. Эти изменения определяются логикой, правилами оперирования объектами в идеальном плане. Однако правила устанавливаются людьми, а значит, не могут быть объективными и единственно верными, и Гегель не может этого не понимать. И тогда ему ничего не остаётся, как назначить правила логического вывода законами развития самого объекта, объективными законами. Так Гегель объявляет законы диалектики/логики законами объективного мира.

Этот гегелевский ход следует признать очень сильным ходом в мышлении. Диалектика Гегеля вынуждает отказаться от представления о статичном мире и требует относиться к миру в его развитии. Понятия не тождественны сами себе, они развиваются. Объекты тоже развиваются. То, что было вчера, не тождественно тому, что есть или существует сегодня, а то, что будет завтра, отрицает сегодняшнее состояние. И нам постоянно приходится двигаться в мышлении следом за развитием объекта. Такой подход был огромным шагом вперед и существенно продвинул методологические дисциплины в философии и гуманитарном знании.

Но отказ Гегеля от вещи-в-себе и догматическое постулирование единства логики и развития мира нанесли философии существенный вред, глубокую травму, ото-

рвали философию от живой практики и развивающейся науки, остановили философское развитие в Германии на несколько десятилетий. Немецкая философия смогла преодолеть эту травму и заполнить разрыв с наукой и практикой только через несколько десятилетий, когда был выдвинут призыв вернуться «назад к Канту». Но к Канту нельзя «вернуться», так же, как нельзя дважды войти в одну и ту же реку. К критическому методу Канта неокантианские школы философии возвращались уже обогащённые методологией научного познания, давно вышедшего за пределы идеального плана в практику.

Следует сказать, что травма, нанесённая философии трансцендентальной системой гегелевской энциклопедии философских наук, в меньшей степени коснулась философской традиции английского сенсуализма и эмпиризма. Презираемые Гегелем «опытные науки» основывались на философии сенсуализма, и им было мало дела до трансцендентальных спекуляций. И не только науки, но и практика — инженерная, экономическая, политическая, образовательная.

Эпоха Просвещения требовала распространения грамотности и расширения сферы образования, и массовая школа строилась на основе разработок Яна Амоса Коменского, то есть на сенсуалистическом подходе, в начальной и средней школе преподавался «мир чувственных вещей в картинках»[120]. Высшая школа находилась под впечатле-

120 *Orbis Sensualium Pictus («Мир чувственных вещей в картинках», 1658) Яна Амоса Коменского — чешского педагога, философа и богослова, одного из основоположников педагогики Нового времени, — представляет собой иллюстрированный энциклопедический учебник для детей. Первое издание соединяло изображения предметов с их обозначениями и пояснениями на латинском и немецком языках; книга стала одним из наиболее влиятельных ранних образцов систематического использования наглядности и родного языка в обучении. — Прим. ред.*

нием бурного развития наук, и лидером в научном мире была Англия, почти незнакомая с немецкой философией и с Гегелем. Английский эмпиризм и сенсуализм развивались своим путём, через позитивизм к прагматизму и инструментализму. В самой Германии в противовес рафинированному рационализму Гегеля появлялись различные иррационалистические учения, что впоследствии привело к германской трагедии.

Логика Гегеля во многом продиктована обоснованием единственности правильного решения политических вопросов. Если оставить политические решения на волю человеческой субъективности — с её предвзятостью, чувственностью, эмоциональностью, то это рано или поздно неизбежно ведёт к революциям, хаосу и беспорядку. В действительности это очень неприятное явление — революция. А действительность разумна. Если люди оставляют вопросы права и государственного управления на волю случая и субъективных предпочтений, то хаос закономерен, и революция неизбежна, то есть разумна. Но это — с одной стороны.

С другой стороны, всё разумное действительно. И если изменить разум (выучить диалектику Гегеля), то действительность можно перевести от хаоса к разумному порядку. На этом у Гегеля построены идеологические следствия из его метода, например, учение о цивилизационном развитии. Христианско-германский мир не единственная цивилизация на планете, и Гегелю это было известно. Но в его картине мира другие цивилизации выпадают из истории и развития, потому что принимают неправильные решения на том или ином этапе своего развития. И их шанс состоит в том, чтобы следовать по пути, проложенному христианско-германским миром. Древние индийцы, китайцы, греки, арабы и другие просто «сбились с пути», а единствен-

но правильным путём шли христианские народы Европы. Однако и в Европе накопились противоречия. Каждая нация и государство делают выбор на основе каких-то своих представлений, руководствуясь своими соображениями. И раздробленная Германия в таком же положении, каждое из автономных, а тем более суверенных государств и земель принимает решение по собственному усмотрению. Пруссия всего лишь одно, пусть и самое большое немецкое государство, чем оно лучше других? Германия должна делать самый правильный выбор, должна стать единой и выбрать истинный путь развития. Для этого нужна гегелевская наука логики, и само германское (для начала прусское) государство должно стать воплощением абсолютного духа.

Именно так понимается Гегелем ВАК. Каждый вопрос, каждая проблема решаются на более высоком уровне рациональности, чем тот, на котором вопрос и проблема возникают. Правильное решение проблемы — только одно. Если имеются несколько предложенных решений, то они могут быть только относительно истинными. Истинность — это высшая форма конкретности, это единственное, то есть абсолютное решение.

Маркс многое почерпнул из философии Гегеля, включая его трактовку практики как поиска единственного решения политических проблем. Такая трактовка диалектической логики предполагает идею линейного (пусть и закрученного в спираль) прогресса. Идея прогресса состоит в том, что на каждом этапе развития политические или социальные системы сталкиваются с одинаковыми (или очень похожими) противоречиями. Выход из противоречий, или решение проблем, может быть либо правильным, а значит, объективным и единственным, либо неправильным. Неправильных и ошибочных решений много, правильное одно, оно логично, разумно, объектив-

но. Из такого представления рождается идея исторического материализма, объективной смены общественно-исторических формаций, и окончательного разрешения всех антагонистических противоречий в коммунистической формации. Это гегелевское наследие, присвоенное Марксом, Карл Поппер и называл историцизмом[121]. И если бы Маркс ограничился созданием своей версии исторического развития, то и говорить об этом бы не стоило. Но Маркс не мог не считаться с успехами современной ему науки, с которой Гегель был практически не знаком.

Прежде чем разобраться с тем, что внёс Маркс в методологию и философию, стоит посмотреть на состояние науки в его время. Насколько философия того времени была далека от науки (от «опытных наук») можно увидеть по диссертации Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» 1839–1841 годов, написанной в духе гносеологии и «Науки логики» Гегеля. Маркс всерьёз обсуждает качества атома (размер, форма и тяжесть) и формы движения (по прямой, с отклонением и отталкивание) по древним пересказам рассуждений Демокрита и Эпикура, сам оставаясь практически на тех же позициях, что и Лукреций Кар, у которого почерпнуты основные сведения об этом, и воспроизводя интерпретации Гегеля. В конечном итоге Маркс приходит к выводу о том, что Эпикуру атом с его качествами и особенностями движения нужен был не как элемент природы, а как квазиобъективное обоснование его социальных принципов.

---

121 *См.:* Поппер К. Р. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. — М. : Прогресс ; VIA, 1993.; Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. *Обзор попперовского понимания историцизма см.:* Thornton S. Karl Popper // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta. — Summer 2004 ed. — Stanford : Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2004.

В движении с отклонением, которое Эпикур приписывает атомам, Маркс усматривает обоснование относительной свободы воли, а движение отталкивания, пишет он, «есть первая форма самосознания; поэтому оно соответствует тому самосознанию, которое воспринимает себя как непосредственно сущее, абстрактно-единичное»[122]. Эпикуру приписывается такая же философская мотивация, что была у Гегеля, и затем воспроизведена самим Марксом в его историческом материализме.

Для молодого Маркса (как и для его учителя Гегеля, и Эпикура — персонажа его диссертации) вполне достаточно спекулятивной «науки», и нет никакой нужды в эмпирическом естествознании. И это при том, что в химии уже тридцать лет как была разработана и утвердилась атомарная теория строения вещества. Но это химическая теория, из которой ничего не следует о движениях и качествах атома, кроме атомной массы (первоначально — атомного веса). Время учёбы, а затем и творческого расцвета Маркса приходится на период бурного развития химии и превращения её в научный предмет.

Впрочем, в первой половине XIX века возникают разные науки, в том числе и гуманитарные. Состояние наук о природе и знаний о человеке, социуме и культуре к началу XIX века было практически одинаковым, если вынести за скобки механику, — собственно, единственную теоретическую науку, с заполненным идеальным планом и методологией[123]. В XVIII веке наука стала систематическим

---

122 К. Маркс «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Том 40. Издательство политической литературы, Москва, 1975 — С. 175

123 Имеется в виду механика, включая небесную механику в астрономии, поскольку космологические и космогонические представления были ещё такими же спекулятивными, как и представления об об-

занятием сотен и тысяч людей в Европе, накапливались эмпирические знания в самых разных областях, от кристаллографии до экономики, от анатомии до этнографии. Всё это тщательно систематизировалось, каталогизировалось и публиковалось. Но с осмыслением накопленного знания дело обстояло очень плохо.

Многообразные и разрозненные знания хранились в кунсткамерах и музеях, высушивались в гербариях, публиковались в справочниках и каталогах. Ещё в XVI–XVII веках задумывались о том, чтобы как-то объединить многочисленные знания, свести их в единообразном виде в некий общий каталог.

Рудольф Гоклениус в XVI веке начинает составлять первый — или один из первых — философский словарь, для этого ему нужна рубрикация для разных знаний, и он придумывает имена ещё не существующих наук. Этот словарь кардинально отличается от «Этимологии» Исидора Севильского и от «Сумм» Томаса Аквината; он собирает позитивное знание, избегая спекуляций.

Ян Амос Коменский в XVII веке мечтает создать «Пансофию» — своего рода энциклопедию всего современного знания, пригодную для использования на самых высших этапах образования.

Дени Дидро и Жан Лерон д'Аламбер в XVIII веке задумывают большую энциклопедию наук, искусств и ремёсел, и начинают её создавать и выпускать.

Как Гегелю хотелось создать «Энциклопедию философских наук», чтобы обеспечить единство диалектики, онтологии и теории познания, так и учёным хотелось создать на базе знаний в своей области полноценную науку, научный предмет по образцу физики и механики. Именно

ществе. В этом легко убедиться, если познакомиться с теорией происхождения Солнечной системы у Канта. — Прим. авт.

для этого периода справедлива шутка Эрнеста Резерфорда о том, что все науки делятся на физику и коллекционирование марок. Все области знаний были большими коллекциями разрозненных фактов и наблюдений, и во всех областях знания начинается оформление научного предмета. Мощный толчок в этом направлении был дан Вильгельмом Гумбольдтом и созданным им (впрочем, нельзя забывать о теологе Шлейермахере и философе Фихте) университетом нового типа в Берлине. В гумбольдтовском университете единицей организации учебного и исследовательского процесса становится кафедра с профессором во главе, задача которой — преподавание студентам учебного предмета, соответствующего предмету занятий профессора той или иной научной дисциплины, по имени которой кафедра и называется. Дисциплина университетской деятельности достигается согласованностью учебного и научного предметов. Образцом научной дисциплины является работа с идеальным планом у Галилея и Ньютона, соответственно, все остальные области знания дисциплинируются по этому образцу.

Но очень скоро становится ясно, что для некоторых областей знания это достижимо в большей степени, чем для других. Гуманитарные науки вызывают особую озабоченность философов, многие из них задумываются о методологии гуманитарного знания. Но что же отличает гуманитарное знание от более «продвинутых» наук? Это точно не сбор фактов и наблюдений, то есть не эмпирический метод. Речь нужно вести о методе осмысления, интерпретации и синтеза эмпирических фактов и наблюдений.

Проблема метода ставится как в самой науке, так и в философии. Причём она ставится по-разному в немецкой традиции и в английской.

Немецкая трансцендентальная философия ещё не различает естественные и гуманитарные науки, если судить по творчеству Гегеля и раннего Маркса. Это различение станет актуальным для немецкой традиции в неокантианских школах во второй половине XIX века.

Иначе на это смотрит английская философия. Впрочем, не только философия, но и английская наука, успехи которой становятся всё более очевидными, по крайней мере в некоторых областях знаний. Английская философия основывается на сенсуалистических представлениях, и наука тоже строится на эмпирическом базисе. Вопрос о методе познания в английской традиции ставится не в идеальном плане, как в трансцендентальной философии (Что я могу знать? Что есть знание? И как оно соотносится с миром вещей и явлений?), а в операционном и процедурном (Что и как делать с имеющимся массивом фактов, наблюдений и знаний?). В определённом смысле можно говорить о том, что в немецкой и английской (и отчасти французской) философии складываются различные философские дисциплины: немецкая гносеология (теория познания) и английская эпистемология (теория знания).

Гегелевский ВАК и его развитие в марксизме мы рассмотрим чуть позже, а пока вспомним, как вопрос о методе ставился и решался в английской традиции.

Джон Стюарт Милль употреблял метафору «ментальная химия». Эта метафора возникла не на пустом месте, у неё три достаточно явных источника. Во-первых, это предложение Иеремии Бентама строить гуманитарное знание (моральные науки) не по образцу физики, а по образцу химии. Во-вторых, это наследие Джеймса Милля (отца Джона Стюарта), который был впечатлён атомизмом в химии и пытался на его основе заложить и фундамент психологии. В-третьих, это ассоцианизм Дэвида Гартли, аналогичный представлениям химии XVIII века.

Иеремия Бентам не только высказал предположение о том, что именно химия может быть образцом при разработке метода гуманитарного знания, но и сам руководствовался современными химическими представлениями в своей философии утилитаризма. Бентам рассматривал социальные явления по аналогии с химическими соединениями, состоящими из простых неразложимых элементов. В качестве такого элемента Бентам полагал частный интерес. Позднее этот элемент в качестве идеального объекта понадобился и Марксу в его политэкономии и историческом материализме. У Бентама и Маркса по-разному был организован идеальный план, и работали они с идеальными объектами по-разному. Но чтобы разобраться с этой разницей, нам нужно всё же отвернуться от идеального плана и рассмотреть организационно-деятельностный. А для этого нужно рассмотреть историю становления науки, в первую очередь химии, и немного биологии.

11.2. Всего один пример становления научного предмета

Переход к двойной записи объекта и процедур действия с ним — Переход от эмпирических рецептов к построению научных объектов — Формирование химического языка как средства организации идеального плана — Теоретический плюрализм XIX века и институциональная стандартизация химии как условие превращения личностного знания химиков в научный предмет — Неявное знание как связующее звено между операциональным планом деятельности и идеальным планом объектов — Проблематизация натурализованных научных объектов и переход от простого спора об их существовании к рефлексии способов их построения и использования.

Становление химии как полноценного научного предмета, фактически второго после науки механики, интерес-

но и важно нам именно при рассмотрении генезиса организационно-деятельностного плана.

На протяжении веков химия накопила огромный эмпирический материал. Эмпирический материал химии и алхимии был общим. Но если у алхимии был наполненный идеальный план, содержащий множество идеальных объектов, мифологии и гипотез, то химия могла предложить будущей науке только процедуры и рецепты, в лучшем случае процедурные категории, например, «элементы» и «соединение», «сродство» и т.д. А также названия и имена разных веществ и соединений.

Веками накапливаемое химическое знание всегда было очень практичным. Металлургия, вино- и сыроделие, изготовление различных красителей, изобретение пороха, фармакология и медицина — все практические сферы приложения химических знаний требовали трансляции знаний. А трансляция знаний предполагает наличие теории, идеальных объектов, того, что излагается в книгах. Трансляция химических знаний осуществлялась в двух древних дисциплинах: медицине и алхимии. Ни в медицине, ни в алхимии до XIX века не было сколь-нибудь внятной теории, знание передавалось в виде рецептуры и инструкций. При совершенно фантастических представлениях алхимиков о природе веществ, рецепты получения веществ и соединений были вполне реальными. Этот способ трансляции знаний следует рассмотреть подробнее, и сделать это проще на материале кулинарии, которая в этом отношении похожа на химию, но ещё проще и понятнее.

Рецепты приготовления блюд — самое ценное знание в кулинарии. Блюдо можно описать в идеальном плане, перечислив состав продуктов, которые в него входят, с указанием количества. Предположим, состав пирожного: мука, сахар, соль, сироп, яйцо куриное, сода, ром и т.п. Знать со-

став явно недостаточно, чтобы испечь пирожное. К составу продуктов добавляются их количественные параметры: стакан муки, две ложки сахара, одно яйцо и т.д. Но и этого знания мало. Кроме состава продуктов требуется описание того, что делать с каждым из продуктов, и в какой последовательности, описание температурного режима, длительности тех или иных процедур, и т.п.

Поэтому кулинарные рецепты требуют двойной записи: 1) описание объекта, его состава и количественных характеристик; 2) описание процедур, операций и действий в последовательности и во временных единицах. Эти два типа описания не могут быть совмещены в одном плане. Двойная запись является обязательной. Причём в кулинарии, как, впрочем, и в химии, запись процедур, действий и операций всегда более подробна, более конкретна, чем описание объекта и его состава.

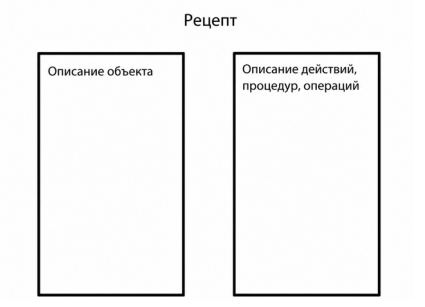

Рисунок 60. Описание и предписание (Схема 36)

Если двойную запись в алхимии, химии до дальтоновского периода и кулинарии соотнести с идеальным планом, то аналогом идеального плана будет та часть рецепта, где описывается состав, даётся описание объекта. Но с этим описанием возникают трудности.

Вспомним, каким образом в химии определяются вещества. Почти до XX века основными инструментами хими-

ка были руки, глаза, нос и язык (слизистая оболочка рта). Вещества описывались в органолептических характеристиках: вид, цвет, запах, вкус, тактильные характеристики (типа: маслянистая поверхность, твёрдость, пластичность и т.п.). Чувственные категории не переносятся в идеальный план. Поэтому в алхимии и химии в идеальном плане записывали результаты действий соединения или разложения. Все химические объекты были результатом либо соединения веществ, либо разложения веществ на составные части, они имели свои имена и обозначения и описывались через свойства и способности вступать в те или иные реакции.

Отделение химии от алхимии шло медленно по мере избавления в идеальном плане от категории превращения или трансформации. Алхимия искала способы превращения веществ, а химия работала с соединением и разложением веществ. Объектами химии становились химические соединения. Именно так: объективировался результат процесса, и объекты назывались отглагольными существительными. В XVII веке Роберт Бойль в книге «Химик-скептик» предпринимает попытку пересмотреть химические воззрения Аристотеля, и вводит категорию «элемент» — вещество, которое не разлагается, но может вступать в соединения. До Бойля элементы отождествлялись с четырьмя аристотелевскими стихиями (земля, вода, воздух, огонь). Первоначально элемент мыслился как мельчайшая единица вещества — корпускула, а корпускулы мыслились как тела. Рассуждение Бойля о корпускулах напоминает античные представления об атомах.

Но уже в 1789 году Антуан Лавуазье, развивая учение об элементах, отрицает атомы и молекулы, как спекулятивные категории, не обнаружимые эмпирически[124]. Позиция

124 В 1789 году Антуан Лавуазье в работе «Элементарный курс химии» определил химический элемент через эксперимент. Он отказался от

Лавуазье была рациональной и точной. Все спекуляции химики оставляли алхимикам, а свою науку должны были строить на верифицируемых основаниях. Вековой опыт исследования химических реакций свидетельствовал о том, что есть некоторые вещества, которые практически не разлагаются на составные части, поэтому не являются соединениями, — их-то и следует считать элементами. С такими неразлагаемыми веществами, в основном металлами, знакомы были и алхимики. В алхимии выделяли три фундаментальных элемента: соль, ртуть и сера.

Рисунок 61. Tria Principia (три алхимических начала) — фундаментальные философские элементы в алхимии, введенные Парацельсом

Или семь элементов-металлов:

Рисунок 62. Алхимические символы

гипотетических атомов и молекул, потому что в то время их нельзя было увидеть или доказать их существование опытным путём. — Прим. авт.

Лавуазье составлял типологию химических соединений, выделяя элементы в особую категорию по эмпирическим признакам. Поэтому в разряд элементов у него попадали не только металлы, но и открытые к тому времени водород и кислород, а также трудноразлагаемые соединения, например, оксиды магния и кальция. А также свет и теплород.

В период между выходом книги «Элементарный курс химии» Лавуазье в 1789 году и книги Джона Дальтона «Новая система химической философии» в 1808 году в химии происходит важнейшее событие. Ученик Канта Иеремия Рихтер вдохновился кантовской идеей, что в каждой области знания ровно столько науки, сколько в ней математики, и стал разрабатывать системы количественных показателей химических реакций.

В химических, как и в кулинарных, рецептах всегда присутствовали количественные измерения весов и объёмов вступающих в реакции веществ. Но только Рихтеру удалось ввести количественные уравнения химических реакций и создать новую дисциплину: стехиометрию. Его работа «Начала стехиометрии, или искусство измерения химических элементов» была опубликована в 1792-94 годах, в ней Рихтер установил количественные соотношения веществ, участвующих в окислительно-восстановительных реакциях. Соотношение задавалось количеством вещества, например, кислоты, необходимого для нейтрализации некоторого количества щёлочи, и наоборот. Эти соотношения нейтрализации были названы эквивалентами, и уже лет через 10 были составлены таблицы эквивалентов.

Формулы и уравнения Рихтера позволили превратить химию из эмпирической описательной области знания в экспериментальную дисциплину. И это превращение происходило стремительно. Уже в 1808 году Джон Дальтон

излагает свою атомистическую теорию в «Новой системе химической философии». Йенс Якоб Берцелиус разрабатывает теорию пропорций и параллельно с Дальтоном занимается измерением атомных весов элементов. Он же занимается электролизом и выдвигает электрохимическую теорию.

С атомной теорией Дальтона, Берцелиуса и Амедео Авогадро нужно разбираться специально. Ни у кого из них не было более весомых эмпирических оснований принять атомы в качестве объекта химии, чем у Лавуазье. Ни атомы, ни молекулы в те времена не были наблюдаемыми, даже по косвенным признакам.

У Дальтона атомы появляются как расчётная величина в уравнениях, как корпускула неразлагаемого вещества — химического элемента. Дальтон выводит закон кратных отношений вступающих в реакцию веществ, и, интерпретируя его, принимает гипотезу дискретности вещества, или наличия минимальной корпускулы, которая сохраняет свойства вещества. В отличие от интуитивного закона сохранения вещества в химической реакции, закон кратных отношений в уравнениях выражается целыми числами; значит, должна существовать неделимая частица. Это была ошибка, вызванная точностью измерений, которая могла быть достижима в те времена. Но ошибка оказалась продуктивной.

То, что атом есть только гипотеза, особенно хорошо видно на примере гипотезы Авогадро о постоянном количестве молекул в одинаковом объеме газов при фиксированных температуре и давлении. Гипотеза эта не могла быть доказана теоретически, и экспериментально не всегда подтверждалась. Авогадро мог измерить атомные веса по методике, похожей на дальтоновскую, для газов водорода, кислорода и паров воды, то есть соединения

кислорода с водородом. Эти измерения давали кратные отношения, 2:1:2, что возможно, если предположить, что молекулы газа кислорода состоят из двух атомов. Но интересны возражения против этой гипотезы, вытекающие из электрохимической теории Берцелиуса. Берцелиус не мог допустить двухатомную молекулу кислорода, поскольку по его теории атомы имеют электрический заряд, и противоположные заряды притягиваются (как, например, положительный атом водорода и отрицательный кислорода), но два отрицательных атома кислорода должны отталкиваться.

Почему нам интересны эти, на сегодняшний день уже древние, споры химиков? Да потому, что владение процедурами и операциями, описываемыми в химических рецептах, даже при внедрении математики не позволяет напрямую переносить обнаруженные в уравнениях объекты в идеальный план. Является ли атом объективной реальностью, или это всего лишь придуманный смысл для некоторых математических уравнений?

Этот спор химиков о физическом смысле переменных и констант в уравнениях, описывающих операции с веществами, будет продолжаться примерно до 1860 года, до первого международного конгресса химиков в Карлсруэ. Но до этого в химии происходит ещё несколько интересных событий.

Рассмотрим схематизацию и формы записи (письменную речь химиков), которыми пользовался Дальтон. Так Дальтон изображает элементы.

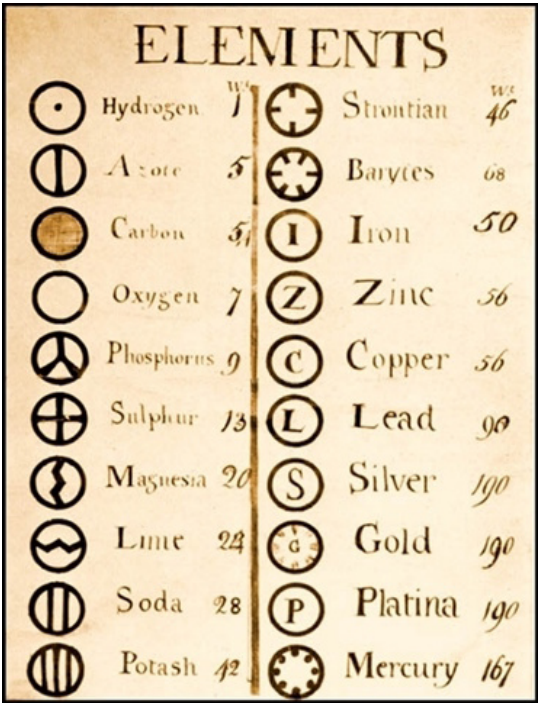

Рисунок 63. Таблица химических элементов Джона Дальтона, опубликованная им в 1808 году в труде «Новая система химической философии»

Обозначения элементов у Дальтона не очень отличались от алхимических. Ни элементы, ни соединения ещё не описываются теми химическими формулами, к которым мы привыкли сегодня. Далее Дальтон пытается объяснить с помощью схем атомарное строение химических соединений.

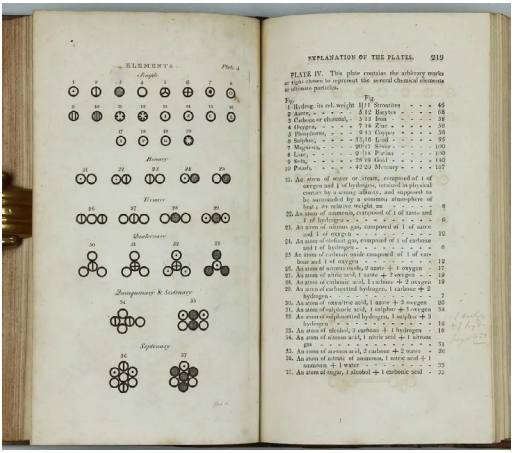

Рисунок 64. Таблицы химических элементов и соединений по Джону Дальтону («Новая система химической философии», 1808)

Наши современники, разглядывая эти картинки, могут найти в них сходство с объемными моделями химических молекул.

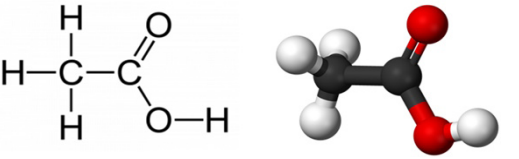

Рисунок 65. Структурная формула и модель молекулы уксусной (этановой) кислоты

Но у Дальтона не было никаких эмпирических, органолептических оснований для того, чтобы таким образом визуализировать атомы и соединения. Во всяком случае, современные Дальтону химики неохотно принимали такую форму записи. Берцелиус, который тоже разрабатывал атомистическую теорию, предложил свою версию записи формул химических элементов и соединений, она была аналитической, а не визуальной. Форма записи химиче-

ских реакций, номенклатура элементов и стандартизованная терминология Берцелиуса были приняты химиками повсеместно, но и изображения Дальтона не были забыты.

Сам Берцелиус, автор термина «органическая химия», стал пользоваться похожими на дальтоновские рисунки схемками, иллюстрируя свои тексты. Значительно позже, в 1857 году Фридрих Кекуле тоже стал изображать органические молекулы не в виде радикалов, а в виде комбинаций кружочков, символизировавших атомы, а ещё через 8 лет ему, по легенде, приснилась змея, кусающая свой хвост, и была открыта структурная формула бензола. К 60-м годам XIX века структурные модели молекул стали общеупотребимыми и использовались в учебном процессе, например, в таком виде, как модели Августа Гофмана, впервые собранные из крикетных шаров и вязальных спиц в 1865 году.

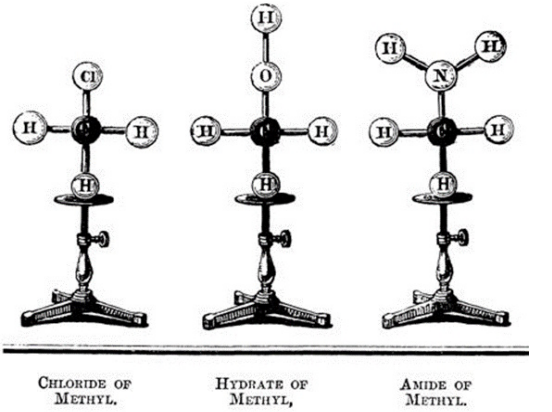

Рисунок 66. Молекулярные модели немецкого химика Августа Вильгельма фон Гофмана, которые он представил в 1865 году для демонстрации валентности атомов

В моделях Гофмана и схемах Кекуле помимо кружочков и шариков появляются соединительные линии между атомами. Они должны обозначать валентные связи. Идея

валентности была предложена Эдуардом Франклендом в 1852 году. Она заменила собой категорию «сродства», которой раньше в химии пользовались для объяснения того, почему одни вещества соединяются друг с другом, а другие нет.

Само явление, обозначенное термином «валентность», было открыто ещё раньше, но со времён Берцелиуса и Дальтона появилась возможность количественного измерения не только атомных весов, но и валентностей. Правда, при разных процедурах, в разных соединениях, получались разные значения, пришлось различать валентность по водороду и кислороду отдельно, но основная проблема заключалась не в этом.

Бурное и успешное развитие химии в первой половине XIX века (большие успехи в синтезе органических соединений из каменноугольной смолы, развитие промышленного производства анилиновых красителей, открытие новых элементов) сопровождалось ожесточёнными теоретическими спорами. Берцелиус противопоставлял наивному атомизму Дальтона электрохимическую теорию. Юстус фон Либих с позиций электрохимической теории сопротивлялся унитарной теории Шарля Жерара и Огюста Лорана, которые восстанавливали в своих работах подход Авогадро.

Кульминацией жарких дискуссий в химии стал спор Александра Бутлерова с Жераром и Лораном. Этой дискуссии следует уделить особое внимание, поскольку она не закончилась победой одной из сторон, но положила начало многим методологическим и теоретическим изобретениям и проблемам, актуальным уже в XX веке, и на уровне представлений XIX века не имевшим решения. Но поскольку разнобой или теоретический плюрализм в химии становился нетерпимым, в 1860 году был созван пер-

вый химический конгресс, утвердивший атомно-молекулярную теорию в качестве общепринятой.

Этот конгресс был довольно странным. Фридрих Кекуле, один из организаторов конгресса, и Дмитрий Менделеев, на тот момент малоизвестный молодой химик, почти в одинаковых выражениях описывают необходимость этого научного собрания, перечисляя множество форм записи химических реакций, формул и способов наименования веществ. Конгресс стандартизировал терминологию и создал собственно научный язык химии. Главным онтологическим решением конгресса стало признание неизменности атомов в изменчивых молекулах, и утверждение унитарной теории Жерара вместо популярной в прошлые десятилетия теории Берцелиуса. Но она продержалась совсем недолго, уже через год-два в химии утвердилась теория химического строения Александра Бутлерова. Забавно, что при обсуждении спорных вопросов Кекуле добивался консенсуса участников конгресса, поскольку считал, что теория не может быть принята большинством голосов, то есть, голосованием (как будто бы единогласное решение чем-то лучше).

Но важнейшее значение имеют разногласия Жерара и Бутлерова. Для того, чтобы их пояснить, нужно разобраться, что понимали все эти годы XIX века, вплоть до 1860-61 года, про атомы и молекулы.

Лавуазье отрицал понятия «атом» и «молекула» на основании их абстрактности и умозрительности. В соответствии с сенсуалистической эпистемологией существующими объектами следует признавать только то, что доступно органолептическим методам познания. Все, чего нет в ощущениях, может существовать только во мнении, но не в природе. Дальтон, Берцелиус и Авогадро в первом десятилетии XIX века тоже не могли видеть ни атомов, ни

молекул, но создали традицию оперирования этими понятиями, как реально существующими объектами, и эта традиция стала общераспространённой среди учёных-химиков. И участники химического конгресса в Карлсруэ в 1860 году были точно в таком же положении: ни атомов, ни молекул никто из участников конгресса «не видел», и видеть не мог.

Джон Дальтон в своих измерениях воспользовался понятием «эквивалента», заимствованным у Рихтера. Рихтеровский эквивалент был не эмпирической, а математической категорией. При весьма приблизительных расчётах Рихтера было невозможно доказать, что эквиваленты всегда выражаются целыми числами. Дальтон в своих расчётах эквивалентов получал целочисленные значения. Но он работал с очень примитивными приборами, в частности, с весами. Определить вес микроскопических атомов и даже крупных органических молекул на этих приборах было просто невозможно. Массу или вес мельчайших порций вещества Дальтон получал через пропорции, то есть, вычислительным путём, а не в непосредственных измерениях. Пытаясь истолковать результаты своих измерений и вычислений, он пришёл к представлению о дискретности вещества. С незначительными нюансами к таким же выводам приходят другие первые атомисты — Авогадро и Берцелиус. Позже обнаружились отклонения атомных весов от целочисленных значений, но это вполне укладывалось в электрохимическую теорию Берцелиуса, и в теорию кратных пропорций.

Дискретность вещества позволяет трактовать эквиваленты в реакциях нейтрализации и в окислительных и восстановительных процессах как мельчайшие корпускулы. Это всё, что первые атомисты могли знать об атомах. То есть, атом мыслился как корпускула и эквивалент

в математических формулах. Ни о размерах, ни о форме, ни о свойствах и атрибутах атомов никто из них ничего знать не мог. Что же тогда Дальтон изображал своими кружочками в книге «Новая система химической философии» (рис.64)?

Нечто абстрактное, некую идею, которая позволяла непротиворечивым образом объяснить результаты его измерений и вычислений. Ближайшим аналогом для его умозрительных атомов были атомы Демокрита, Левкиппа и Эпикура, отвергаемые в сенсуалистическом методе познания и в эмпирической науке. Но вполне приемлемые в гносеологии Гегеля, в его «Науке логики», и в его восхождении от абстрактного к абстрактному.

Разумеется, понятие атома-корпускулы-эквивалента у первых атомистов XIX века ничего общего не имеет с современным понятием атома, и отличается от метафизической сущности, которую называл атомом Демокрит, и которую изучал молодой Маркс. Даже если остановиться только на этих трёх этапах генезиса понятия (Демокрит-Дальтон-Бор, или современная квантовая теория), то мы имеем дело с развитием идеального объекта, которое соответствует диалектическому развитию по Гегелю, а не естественнонаучному методу.

Чтобы лучше понять, в чём тут проблема, зададимся вопросом: к какому из трёх миров Поппера (Схема 21 в этом тексте) относятся объекты, которыми оперировали химики XIX века?

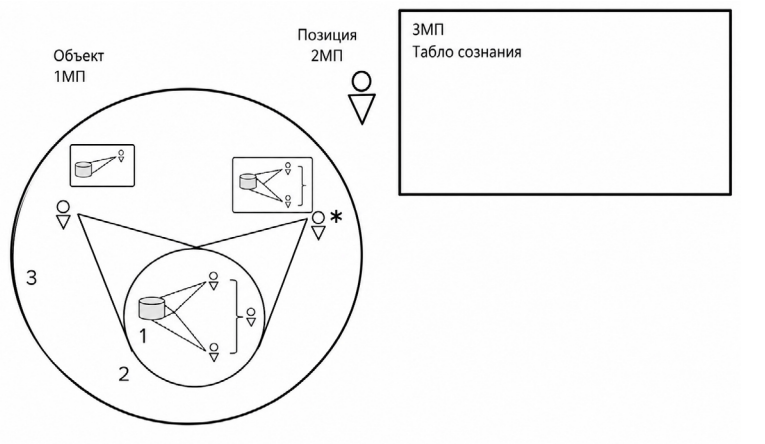

Рисунок 67. Не всё, что мы знаем, существует реально (Схема 21)

Существуют ли кружочки Дальтона и объёмные структуры Гофмана в реальном мире, или это только идеальные объекты в идеальном плане? То есть, теоретические конструкции, помогающие решать задачи, но лишённые физического (φύσις — природа) смысла? В то время, когда Дальтон и Берцелиус проводили свои опыты и измерения, поднимать этот вопрос было рано, для этого ещё не были готовы теория и способы интерпретации эмпирических процедур. Так вопрос был поставлен в дискуссии между Жераром и Бутлеровым, но не о физическом смысле атомов, а о том, что такое валентность и валентные связи.

За 60 лет наука химия прошла путь, который наука механика проходила почти 2000 лет. 60 лет — это время активной деятельности учёных 2-3 поколений. Все эти учёные могли находиться в живой коммуникации между собой, развивая или опровергая идеи друг друга.

Рихтер вводит в химию математику и начинает не только измерять показатели в химических реакциях, но

и производить вычисления. Дальтон пользуется вычислениями и открывает закон кратных отношений, обнаруживает стабильные пропорции веществ, вступающих в реакцию, и образующихся при разложении, на основании полученных пропорций он приходит к выводу о дискретности вещества, предполагающего существование мельчайших неразлагаемых корпускул. Берцелиус придумывает для пропорций удобную запись, закладывает основы химического научного языка. Записи формул веществ Берцелиуса совмещаются с визуализациями Дальтона, и вводят в оборот структурные формулы, позволяющие как аналитическую форму записи, так и визуальную. Визуальные структурные модели усовершенствуются и натурализируются, атомы и молекулы начинают считаться реально существующими объектами. Встаёт вопрос о статусе их существования.

Один из последних диспутов о существовании атомов проходил в Вене в начале XX века между физиками Эрнстом Махом и Людвигом Больцманом. Причём, будучи знаменитыми и влиятельными физиками, оба последовательно занимали кафедру философии Венского университета. Это был философский спор учёных, тогда как в науке (и в химии, и в физике, и даже в биологии) уже давно оперировали атомами, как в теории, так и в эксперименте.

В идеальном плане и на табло сознания химиков появляется структурированная картина мира — химическая картина мира. Остаётся выяснить, как эта картина в идеальном плане (третий мир Поппера) соответствует миру объективной реальности.

Современный школьник соотносит формулу углекислого газа CO_2, похожую на запись Берцелиуса, примерно с такой визуализацией структурной молекулы, как у Дальтона, или как в современных учебниках:

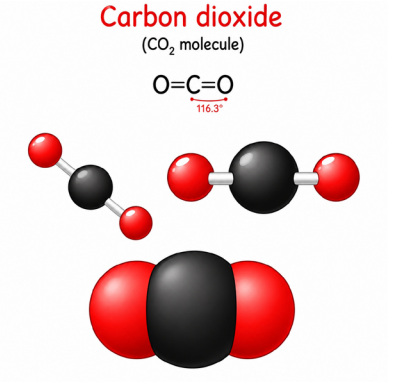

Рисунок 68. Полносферная (бессвязная) объемная модель молекулы диоксида углерода (CO2), где центральный черный шар обозначает атом углерода, а два прилегающих красных шара — атомы кислорода.

Но для Берцелиуса формула CO_2 означала только пропорцию, то есть то, что для образования диоксида углерода требуется два вещества: углерод C и кислород O в пропорции 1:2, а при разложении углекислоты мы получим одну порцию C и две порции O, и ничего больше. Так же, как формула оксида железа Fe_2O_3 читается как пропорция 2:3.

Вспомним схему 36, описывающую язык химии с древнейших времён, и разместим на ней то, что мы понимаем про различие записей Дальтона и Берцелиуса:

Рисунок 69. Что это, и что с этим делать (Схема 36)

Форма записи формул химических соединений Берцелиуса пригодна для сворачивания или сокращения длинных и нарративных записей на той странице рецепта, где описываются действия, процедуры и операции. А структурная схема Дальтона является символом или именем вещества, с которым производятся процедуры синтеза или анализа. Но если это всего лишь символ, то чем отличается эта запись в рецепте от алхимических записей? Это всего лишь абстракция, очень неопределённое понятие.

Перепишем всё это ещё раз уже на схеме с тремя мирами Поппера.

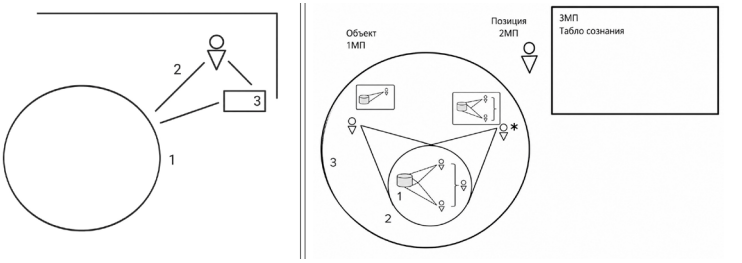

Рисунок 70. Что существует без нашего участия, и что появляется только нашими стараниями (Схема 12 и Схема 21)

– Итак, мы видим в 3МП, или в идеальном плане и на табло сознания химиков, идеальный объект по имени диоксид углерода и его символическое структурное изображение.

– В сознании химиков, или во 2МП, этот идеальный объект представлен по-разному. Трудно восстановить, что было в сознании Джона Дальтона, когда он рисовал свои символические структуры, но для Йёнса Берцелиуса, а затем и Шарля Жерара (хотя они и расходились в своих

теоретических представлениях, но в этом отношении их рассуждения близки), это всего лишь символы процедур, которые производятся с веществами. Жерар допускает химические явления только в процедурах изменения веществ, то есть в моменты перехода одного вещества в другое в химических реакциях. Химическими формулами мы описываем состояния вещества в прошлом, до изменения, и в будущем, после преобразования. Поэтому химические формулы не описывают атомную структуру молекул, а только состояния веществ в процессе изменений. И может быть столько формул для каждого вещества, сколько преобразований с ним мы можем произвести.

– Зная рассуждения Жерара, можем спросить себя: а какое отношение идеальные объекты химии имеют для 1МП, для того мира, который существует объективно? Этот мир 1МП на нашей схеме изображён в виде трёх типов объектов, точнее пустых функциональных мест ПФМ1, ПФМ2, ПФМ3. В ПФМ3 мы имеем несколько позиций химиков-эмпириков и химиков-теоретиков, и имеем дело с несовпадением взглядов Берцелиуса и Дальтона, Жерара и Берцелиуса[125]. Кроме позиций эмпириков и теоретиков в 1МП мы имеем ПФМ1, или место для чувственно воспринимаемых вещей природы — объект №1. Так вот, можем ли мы отождествить объект №1 в 1МП со структурной схемой углекислого газа, или диоксида углерода, который изображён в 3МП? Ведь никаких чувственных референтов для такого идеального объекта у нас нет.

---

125 Жерар родился в 1816 году, когда электрохимическая теория и номенклатура записи химических формул Берцелиуса уже были опубликованы, но в 40-х годах Берцелиус ещё успел ознакомиться со взглядами молодого Жерара и называл их бессмыслицей; так же и Жан Батист Дюма, который был предшественником Жерара, но не принял его унитарную теорию. — Прим. авт.

Если мы рассмотрим Шарля Жерара, занимающего позицию в 1МП, как одного из участников научного спора об объектах №1, то есть о том, какое именно знание является объективным в химической теории, или, что из всего накопленного знания в химии описывает природу, то сможем понять его логику. В идеальном плане Жерар разводит и конкретизирует понятия корпускулы (частицы вещества), атома (идеальной модели), эквивалента (эмпирически измеряемого и математически исчисляемого параметра в химических реакциях).

Эти три понятия относятся к одному и тому же объекту №1 на схеме 21. Или, если вернуться к схемам, которые мы разбирали выше на примере Галилея, это будет выглядеть так:

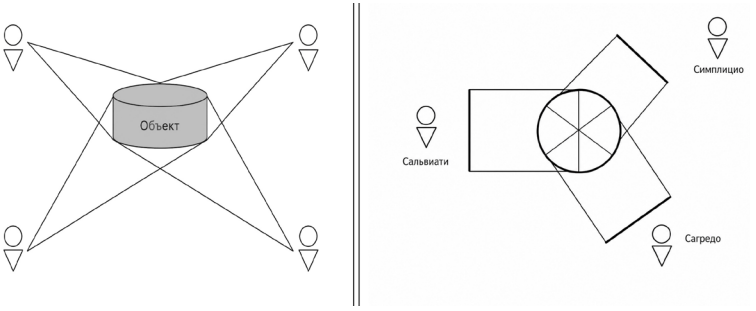

Рисунок 71. Повторяем в химии те же ходы рассуждения, которые уже были проделаны в механике и физике (Схема 28 и Схема 30)

Пока мы применяем эти три понятия к одному объекту, который назовём химическим элементом, — предельно маленькой частице вещества, не разлагаемой на составные части, — мы имеем дело с уже решёнными Гегелем проблемами диалектической логики. Мы говорим разными словами об одном и том же элементе.

– Мы называем этот элемент корпускулой или частицей, если остаёмся в рамках здравого смысла и формально-логического рассуждения (когда-то в древности, от Демокрита до юного Маркса, это и называлось □τομος — а-том, неделимый). Частица может быть хоть атомом, хоть молекулой. Она обладает всеми свойствами вещества, определяемыми органолептически, хотя и остаётся невидимой.

– Мы называем этот элемент эквивалентом, если измеряем химические реагенты в реакциях и производим вычисления по формулам. Эквиваленты лишены каких-либо свойств, кроме количественных значений.

– Мы называем это атомом, если пытаемся интерпретировать физический смысл наблюдаемых в экспериментах химических реакций. Атомы выступают материальными причинами свойств веществ, которые из них образуются, но свойства самих атомов определяются только их способностью вступать во взаимодействия с другими атомами и образовывать химические соединения.

Очевидна связь онтологической номинации идеального объекта с действиями и операциями, которые мы проделываем с предметом, соответствующим этому идеальному объекту.

Поскольку в химии обычным делом было пользование двойной записью (схема 36), то рано или поздно должен был встать вопрос о том, каким образом переносится содержание из одной записи в другую.

1) Как мы описываем вещество, которое умеем получать в известных стандартизированных процедурах и операциях? И почему описываем именно так?

2) Что из описания вещества или объекта следует для организации и изменения процедур оперирования с ним?

К 1860 году эти вопросы стояли перед всем химическим научным сообществом. Шарль Жерар дал свою версию ответа на эти вопросы: нет нужды приписывать атомам и их свойствам (валентностям, в частности) физический смысл и относиться к ним как к онтологии; достаточно того, что они фиксируют в научном языке результаты химических процедур и операций. Но большинство его современников не могли принять такую версию. Поэтому они собрались на первый химический конгресс и консенсусом приняли общую резолюцию: считать атомарную теорию строения вещества основой химической науки. Эта резолюция была подготовлена, с одной стороны, систематической работой итальянца Станислао Канниццаро по упорядочиванию терминов, воззрений атомистов от Авогадро до Жерара, и точным определением атомных весов большинства известных элементов, а с другой стороны, освящена авторитетом немца Фридриха Кекуле.

Решения съезда химиков имели серьёзные последствия. Отталкиваясь от интерпретации открытия Кекуле, цепочек химических связей в органических молекулах, Бутлеров через год представил свою теорию химического строения. И в последовавшее после съезда десятилетие были предложены сразу несколько вариантов периодического закона химических элементов: спиральный закон возрастания атомных весов Александра Шанкуртуа (1862), почти пифагорейская система Джона Ньюлендса (1864), таблица Юлиуса Лотара Майера на основе валентностей (1864), и, наконец, периодический закон Дмитрия Менделеева (1869).

К 60-м годам наука химия получила полноценный структурированный идеальный план со всеми необходимыми слоями, почти как на схеме 35.

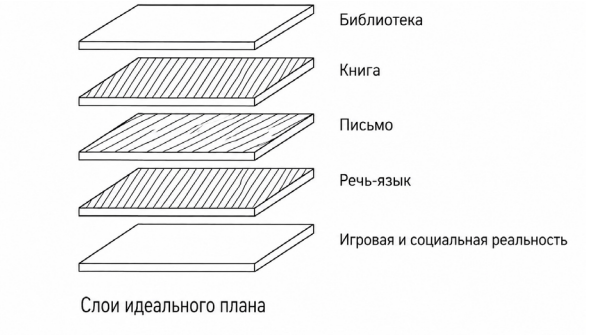

Рисунок 72. Химия перестала быть личным умением отдельных химиков и стала наукой, вошла в культуру (Схема 35)

На химическом конгрессе был кодифицирован научный язык химии, включая терминологию, математические формулы, структурные модели и схемы. Многочисленные частные теории были обобщены и сведены к некоторому единству, подобному научной парадигме в терминах Томаса Куна. Хотя в отношении химии это лучше описывал Майкл Полани в категории tacit knowledge — неявное знание. Неявное, или личностное знание учёных, заключающееся в навыках и паттернах интерпретации фактов и умозаключений, принятых и распространённых в научном сообществе, было одной из главных категорий «посткритического рационализма» — методологического подхода Полани, противопоставлявшегося как позитивизму и эмпиризму, так и логико-спекулятивному подходу. Участники химического конгресса были сосредоточены именно на идеальном плане, на той части двойной химической записи, в которой записывается объект, то есть на онтологии. Но куда можно записать tacit knowledge? Этот методологический вопрос остался за пределами внимания химиков. Но именно это неявное знание определяет взаимоотношение между двумя планами химического знания:

операциональным знанием того, как проводить химические реакции, и знанием строения вещества, реагентов и соединений в реакциях. И это знание никак не отражается в двойной химической записи, ни как описание объекта, ни как описание операций и процедур.

Столь большое внимание почти вековому этапу становления науки химии приходится уделять для того, чтобы были понятны философские и методологические проблемы познания и общественной практики.

Когда Маркс тезисно обозначил свою программу кардинального изменения философии, он был мало знаком с современным ему состоянием науки. Тем более, что это состояние можно было схватить и зафиксировать только как мимолётное, миг в потоке бурных изменений и дискуссий. Гегель разрабатывал свою философию и метод, вообще не имея доступа к этому знанию. Параллельно со становлением науки химии, в котором принимали участие сотни учёных и мыслителей, Маркс разрабатывает политэкономию, развивает философию исторического материализма и гегелевский метод ВАК. В 1859-67 годах (период от «К критике политической экономии» до первого тома «Капитала») Маркс доводит политэкономию практически до такого же уровня развития, которого достигла химия. Обе эти научные дисциплины можно сравнить с развитием психологии, биологии, социологии, которые так же бурно развивались в это время. Химия просто наиболее удобный и яркий пример, на материале химии можно зафиксировать и достижения, и проблемы философии и методологии, общие для любой науки, для познания.

Эти проблемы проявились очень быстро после химического конгресса. Казалось, что химия получила прочное онтологическое основание своей научной дисциплины.

Бутлеров разрабатывает общую теорию химического строения. Кекуле продолжает работу с цепочками химических связей и приходит к открытию структурной формулы бензола. Гофман демонстрирует в публичных лекциях объёмные модели химических молекул. Менделеев устанавливает периодический закон и располагает все известные к тому времени элементы в стройной таблице, обладающей прогностическими свойствами. Для неоткрытых элементов в таблице уже приготовлены места.

На лекциях Гофмана в Лондоне бывал Маркс, его книги внимательно читал Энгельс. Гофман создал у классиков марксизма впечатление, что материалистический подход в философии, наконец, получил прочное естественнонаучное обоснование в виде атомарной теории. Это впечатление оказало очень неоднозначное влияние на дальнейшее развитие гносеологии в частности, и марксизма в целом.

Вряд ли стоит здесь разворачивать все химические проблемы, например, открытие изотопов химических элементов, которые поставили под вопрос простое отождествление порядкового места элемента с его атомным весом и подвергли сомнению структурные модели Гофмана. Остановимся только на приключениях бензольного кольца и затруднениях Фридриха Кекуле. Вспомним схему, с помощью которой мы разбирали категории корпускулы, атома и эквивалента у Жерара, но отнесём эти категории не к элементу, а к молекуле бензола. В этом случае атомы в структуре, пропорциональные эквиваленты, да и сами частицы открываются совсем с другой стороны.

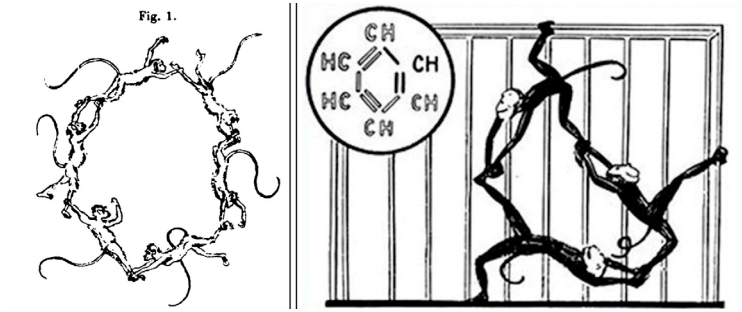

Рисунок 73. Карикатуры «Бензол Кекуле», на которых изображена аналогия между структурой молекулы бензола C_6H_6 и кольцом сцепившихся обезьян[126]

Когда-то Кекуле видел проблему в том, что для одного и того же химического соединения — уксусной кислоты — в разных реакциях он мог вывести до 12 разных формул. Потом перед ним встала другая проблема: одинаковой формулой C_6H_6 описывались вещества с совершенно разными органолептическими свойствами и особенностями поведения в химических реакциях. Простейший ароматический углеводород, открытый ещё два века назад, привлёк его пристальное внимание. Процедуры и операции с бензолом не помогали разобраться с этой проблемой, и в своих рассуждениях Кекуле, в русле традиции визуализации, развивавшейся от Дальтона до Гофмана, предположил, что цепочки углеводородных связей в молекуле бензола представляют собой кольцо.

126 *Согласно позднему воспоминанию Августа Кекуле, изложенному им в 1890 году, идея циклической структуры бензола явилась ему в образе змеи, схватившей себя за хвост. В 1886 году в шуточном издании Berichte der durstigen Chemischen Gesellschaft («Отчёты жаждущего химического общества») была опубликована карикатура, изображавшая бензольное кольцо в виде шести соединённых между собой обезьян и пародировавшая структурную теорию Кекуле. — Прим. ред.*

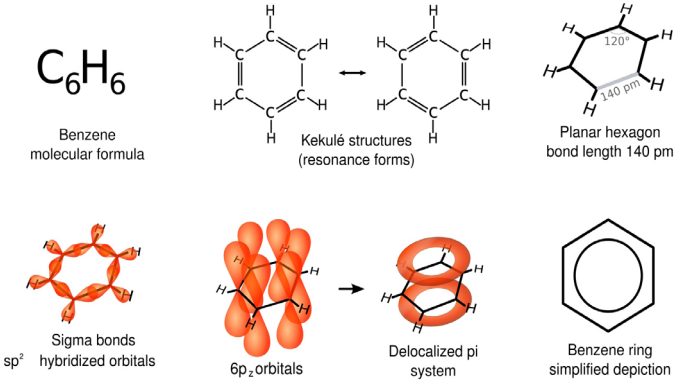

Рисунок 74. Подробная схема строения молекулы бензола C_6H_6, иллюстрирующая его химическую структуру, гибридизацию и электронное строение

Эйфория от открытия длилась недолго, поскольку пришлось вспомнить, что в многочисленных экспериментах и вычислениях было установлено, что валентность углерода равна 4, а валентность водорода принята за 1. Структурная формула бензольного кольца содержит по три связи на каждый атом углерода, куда девается ещё одна валентность?

Сначала Кекуле придумал объяснение в существовании двойных связей между атомами углерода в молекуле. Но тогда углерод должен иметь валентность, равную 5, что противоречит эмпирическим наблюдениям. Воображение Кекуле подсказывает такой выход из этой проблемы (в схеме «тезис-антитезис»): он предположил, что три из шести связей между атомами углерода задействуют двойные валентности. Почему бы и нет?

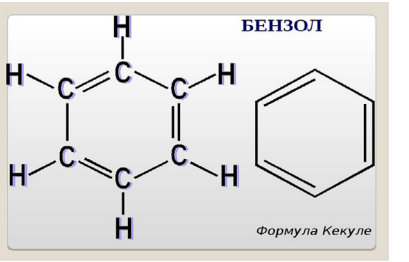

Рисунок 75. Структурная формула Кекуле для молекулы бензола

Дальнейшие эксперименты для проверки гипотезы Кекуле порождали всё больше сомнений в том, что даже простейшее углеводородное соединение может быть описано однозначной структурной формулой. Предлагались различные модификации, например, Джеймсом Дьюаром и Альбертом Ладенбургом.

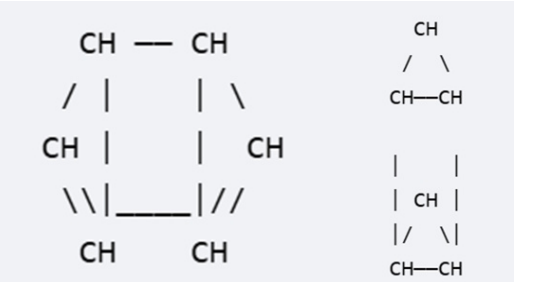

Рисунок 76. Альтернативные пространственные формулы бензола (C_6H_6), предложенные Джеймсом Дьюаром и Альбертом Ладенбургом в рамках поиска истинной структуры этого органического соединения

В конце концов, Кекуле приходит к странному выводу, что связи между атомами углерода постоянно меняются, и предлагает метафорическую интерпретацию «распахнутых дверей». В XX веке установлено, что валентные связи в молекуле бензола равноценны, и их рассматривают в резонансной теории как гибриды.

Метафора не помогает разобраться с проблемой, но может указывать на неё. Проблема состоит в том, что валентности мыслились как материальные свойства атомов устанавливать связи с другими атомами. Установившиеся связи, в свою очередь, мыслились как вещественные. Примерно так, как в моделях Гофмана, в которых связи обозначались стержнями, на которые нанизывались шарики атомов.

Едва утвердившаяся атомарная теория строения вещества была проблематизирована. Сначала в понимании валентности. Правда, Бутлеров ещё раньше предлагал рассматривать валентные связи не как вещественные, и говорил, что их нужно понимать как процессы. Но тогда следовало бы признать, что и атомы не являются частицами вещества, а представляют собой некие динамические образования. Тогда время для таких радикальных выводов ещё не пришло, но оно не заставило себя долго ждать. В 80-х годах Эрнст Мах совсем на другом уровне науки выдвигает свои возражения против атомарной теории и онтологизации на микроуровне, которые в методологическом отношении аналогичны возражениям Лавуазье, высказанным на 100 лет раньше.

Но возражение, если это всего лишь отрицание некоего тезиса, просто возвращает мышление к некоторому прошлому этапу. Это может быть полезным, позволяет пройти в мышлении все этапы заново. Однако чаще всего возражение может запустить процесс рефлексии хода мысли, но не организовать его. Непродуктивный аспект возражений состоит в том, что спор и дискуссия переводятся в самый примитивный абстрактный план, который в XIX веке чаще всего принимает форму идеологического конфликта. Именно в идеологической плоскости разворачивается конфликт марксизма и эмпириокритицизма уже в XX веке.

Идеологический конфликт может вспыхнуть по поводу научных проблем и затруднений, и разворачивается он в сфере философских спекуляций. Наука и научное мышление работают с проблемами иначе. Сомнения в вещественной природе атомов подкреплялись новыми эмпирическими открытиями. Были открыты изотопы элементов с разными атомными весами, а также излучение атомов и радиоактивность. Атом к концу столетия перестал считаться неделимым. Но это уже были проблемы физики, а не химии. В химии же проблемы и затруднения с валентностями снимались в резонансной теории Лайнуса Полинга, согласованной с квантовой механикой и с волновыми уравнениями Шрёдингера.

Но рассмотрение резонансной теории выходит за рамки нашей задачи. Нам придётся вспомнить о ней, когда мы будем рассматривать эволюцию и тупики марксизма и диалектического материализма. Пока мы закончим рассмотрение истории химии в этом моменте, от зарождения научного атомизма до конкретизации его в периодической системе Менделеева в 1869 году. Потом химия развивалась ещё интенсивнее, но это уже совсем другая история.

Заключение к первой части

На этом я закончу первую часть книги «Философия в поисках метода».

В основном она была написана ещё до 2020 года, когда Летучий университет жил полной жизнью, а мои дискуссии с философами велись вживую — с непосредственным участием собеседников и оппонентов. Затем работа Летучего университета была надолго прервана, и до изложения собственно методологии я так и не дошёл.

Всё написанное в первой части представляет собой взгляд методолога на философию и науку. Я рассматривал тот период, когда методологическая проблематика — или то, что сегодня можно реконструировать как методологические размышления, — ещё целиком находилась внутри философии, составляла часть философских исследований, разработок и споров.

Эмансипация методологического мышления от философии, науки и других типов мышления началась только в 50-е годы XX века. Этот процесс достаточно хорошо описан в воспоминаниях его участников, проанализирован и неоднократно изложен Георгием Петровичем Щедровицким и другими методологами — в лекциях, докладах, статьях, книгах.

Но у методологии была предыстория. Она возникла не на голом месте и не потому, что нескольким молодым московским интеллектуалам вдруг захотелось придумать ещё один тип мышления. Методология формировалась как ответ на вызовы, с которыми столкнулись мышление

и деятельность в XX веке и, по преимуществу, в Советском Союзе. Почти целое столетие, непосредственно предшествовавшее её появлению как отрефлектированной и относительно самостоятельной формации мышления, пока ещё не рассмотрено, мы к нему только подошли.

Прежде чем перейти ко второй части, я должен ответить на несколько вопросов, которые могут возникнуть к уже написанному тексту.

Первый из них звучит достаточно просто: почему в этом тексте так много Маркса и почему я постоянно к нему возвращаюсь?

Дело в том, что СМД-методология возникала внутри марксизма — как критика марксизма, осуществляемая мыслительными средствами и инструментами самого марксизма. Поэтому предысторию методологии следует начинать именно с Маркса, а затем рассматривать отношение к его мышлению и к марксистским принципам первых участников логико-методологического движения — Александра Зиновьева, Бориса Грушина, Георгия Щедровицкого и Мераба Мамардашвили.

Период, который мне предстоит рассмотреть во второй части этой книги, начинается с деятельности молодого Маркса и заканчивается 1950-ми годами. За это столетие произошло очень многое.

Философское, научное, религиозное, инженерное, бюрократическое, или управленческое, мышление оформились как достаточно самостоятельные типы и вступили между собой в новые отношения. Инженерное и управленческое мышление начинали теснить доминировавшие прежде философские, научные и религиозные способы отношения к миру. Изменялись не только содержание знаний и картины мира, но и способы организации деятельности, производства, управления и самой мыслительной работы.

Религиозному мышлению в первом разделе уделено мало внимания. Но не потому, что оно неважно. Просто мне приходится выбирать некоторую линию, от которой можно вести происхождение методологии. СМД-методология в наименьшей степени непосредственно апеллировала к религиозному мышлению. Хотя влияние религии на философию, культуру и способы мышления отрицать невозможно — и это заслуживает отдельного анализа.

Не очень много внимания уделено и происхождению инженерного типа мышления. Основное место занимают философское и научное мышление. Это ограничение текста, и я его понимаю. Но охватить сразу всю историю человеческого мышления невозможно, да я и не ставил перед собой такой задачи.

Отсюда возникает второй резонный вопрос: почему первый раздел заканчивается экскурсом в историю химии?

Химия взята как один из наиболее наглядных примеров становления научного предмета. В XIX веке многие философы, занимавшиеся гносеологией и эпистемологией, рассматривали её как возможный образец для других наук. После механики химия стала одной из первых полноценно организованных экспериментальных дисциплин, в которых удалось связать идеальные объекты, измерения, расчёты, экспериментальные процедуры, специальный язык и организацию научного сообщества.

Если не включать сюда астрономию и так называемые свободные искусства — грамматику, диалектику и другие дисциплины, сложившиеся ещё в поздней Античности и раннем Средневековье, — химия действительно может рассматриваться как один из первых образцов науки Нового времени.

Но это только пример. Возникновение науки можно было бы рассмотреть на материале экономики, психологии или биологии. В XIX веке психология начинает отделяться от философии, политическая экономия оформляется в самостоятельную дисциплину, биология получает собственные идеальные объекты и теории. Одновременно развиваются геология, кристаллография и множество других специальных и междисциплинарных исследований. Складываются дисциплины, обеспечивающие инженерное мышление.

Некоторые аспекты возникновения и становления этих наук мне всё-таки придётся рассмотреть во втором разделе. Обойти их вниманием невозможно. Но я уже не стану повторять весь путь, который прошёл на примере химии.

Ещё один вопрос касается математических метафор и аналогий, к которым я постоянно обращался.

С древних времён математика выступала образцом строгости, доказательности и аргументированности философских рассуждений. Она была дисциплиной не только в смысле отдельного предмета знания, но и в смысле дисциплины ума — способом организации рассуждения, наряду с логикой Аристотеля.

Поэтому упоминания математики в этом тексте не следует принимать за попытку математически доказать философские тезисы. Чаще всего я апеллирую к математике как к образцу построения аргументации, различения, идеализации и работы с объектами.

Математика выполняет здесь роль нити Ариадны. По этой нити я двигаюсь от строгости и доказательности античных философов к тому, как внутри философии, по мере втягивания эмпирических знаний о природе, начинали складываться науки Нового времени.

Разумеется, иногда математические понятия и теоремы используются мной как аналогии и метафоры. Философский налог с метафоры приходится платить, но неизбежность этой платы не означает, что от метафор нужно отказаться. Нужно только помнить, где заканчивается математическое утверждение и начинается его философская или методологическая интерпретация.

Наконец, к этому тексту может быть поставлен вопрос о модернизации прошлого.

Рассматривая периоды философии, предшествовавшие возникновению методологии, я пользовался понятиями, категориями и схемами философов XX века. Чаще всего мне приходилось обращаться к принципу, или к схеме трёх миров Карла Поппера. Я использовал также категории современной логики, семиотики, эпистемологии и той же математики. Всё это в некотором смысле является анахронизмом применительно к античной и средневековой философии, а также к философии Нового времени.

Но такого анахронизма невозможно полностью избежать. Я не являюсь свидетелем рассматриваемых исторических событий и в любом случае смотрю на прошлое современными глазами. У меня нет других глаз.

Вредно переносить в прошлое организованности, возникшие позднее, и находить там то, чего в нём не было. Нельзя приписывать античному философу понятия и проблемы XX века, а потом удивляться, насколько современно он мыслил. Но рассматривать прошлое всё равно приходится при помощи инструментария мышления и исследования, выработанного позднее.

Поэтому необходимо различать две вещи: перенесение современных организованностей в само прошлое — и использование современных средств для анализа того, что действительно происходило в прошлом.

Я смотрю на Античность не так, как смотрели на неё философы XVIII или XIX столетия. Сегодня о прошлом известно больше — именно потому, что существуют более развитые способы его исследования и реконструкции. Современные понятия могут заслонить прошлое, но могут и позволить увидеть в нём то, чего не замечали мои предшественники.

Если я где-то смешивал некорректное перенесение современных организованностей в прошлое с корректным использованием современных средств анализа, это следует отнести к недостаточно аккуратному обращению автора с историческим материалом. Такие места нужно находить и исправлять. Но полностью отказаться от современной позиции невозможно.

При всём при том эта книга не является историей философии или историей мышления. Я не собирался последовательно пересказывать, что думали философы от Античности до XIX века. Скорее, я пытался продемонстрировать, как методолог видит становление тех типов мышления, которые в XX веке становятся предметом методологического анализа и исследования.

Во второй части я буду рассматривать предысторию появления, оформления и эмансипации методологического мышления от философии, науки и других типов мышления.

Взгляд на этот огромный период развития человеческой цивилизации будет заведомо нецелостным. Мне придётся выбирать то, что я считаю важным для возникновения методологии, и опускать то, что представляется несущественным для этой задачи. Поэтому реконструкция получится позиционной и в некотором смысле субъективной.

Но позиционность неизбежна при любой исторической реконструкции. Я не претендую на истинность своего мнения, но претендую на его обоснованность.

Тем не менее мне необходимо сохранить широту охвата и по возможности компенсировать неизбежную нецелостность изложения. Каким бы длинным ни получился текст, он всё равно будет недостаточным для такой задачи. В него нужно в сжатом виде вместить предпосылки, корни и источники формирования методологического мышления.

Основное внимание придётся уделить становлению новой картины мира, новой онтологии — но уже не только в смысле метафизики и представлений о фюсисе, природе и бытии. Меня будет интересовать картина мира, в которой появляется человек — мыслящий, действующий, пользующийся языком, вступающий в коммуникацию и организующий совместную деятельность.

Философские и научные подходы, рассматривавшиеся в первом разделе, ещё не располагали средствами новых логик, возникших в XIX и XX веках. Не располагали они и результатами исследований языка, знака, знания и коммуникации — всего того, без чего невозможно современное представление об эпистемологии и о сфере мышления.

Но нужно помнить и другое. Сама методология до сих пор находится только в начале своего развития. Несмотря на широкое методологическое движение, сложившееся к концу 1980-х — началу 1990-х годов, даже общими усилиями работавших в СМД-методологии невозможно было охватить все сферы знания и все области человеческой деятельности. Внимание концентрировалось на тех областях деятельности и мышления, которые пред-

ставлялись наиболее проблемными или наиболее бурно развивающимися. Поэтому методологическим анализом был охвачен лишь ограниченный круг областей человеческой деятельности.

Гуманитаристика, вопросы этики, антропологии и политики попали в сферу интересов методологов уже после распада Советского Союза — когда методологическое мышление столкнулось с новыми вызовами, не похожими на ситуацию, в которой оно формировалось в поздний советский период.

Все эти ограничения относятся не только к истории методологии. Они относятся к самой методологии, к её незавершённости и к её претензиям.

На этом я ставлю точку в первой части.

Вторая часть должна подвести непосредственно к 1950-м годам — к тому моменту, когда методология перестаёт быть только фрагментом философского или научного мышления и начинает оформлять себя как особый тип мышления и особую практику работы с мышлением и деятельностью.

Содержание

Предисловие редактора 3

Введение 12

Глава 1. Сложные отношения философии и методологии 14

Глава 2. Проблема объекта 27

Глава 3. Проблема мышления как объекта познания и практического отношения 39

Глава 4. Кто мыслит? 56

Глава 5. Интеллектуальная ситуация XX века: как собрать картину мира? 84

Глава 6. СОСТАВ, СТРУКТУРА, СИСТЕМА в картине мира на табло сознания в позиции, работающей с объектами №3 103

Глава 7. Семиотика и логика в построении картин мира 125

Глава 8. Между мирами 144

8.1. Семантика и семиотика языка схем 144

8.2. От онтологических схем
к организационно-деятельностным.....166

8.3. В поиске отсутствующих полноты
и завершённости.....180

8.3.1. Три проблемных места в устройстве схемы.....180

8.3.2. Что мы говорим, и что делаем
своим говорением..... 197

Глава 9. Конфигуратор 215

Глава 10. Идеальный план 236

10.1. Материалы и инструменты построения
идеального плана 236

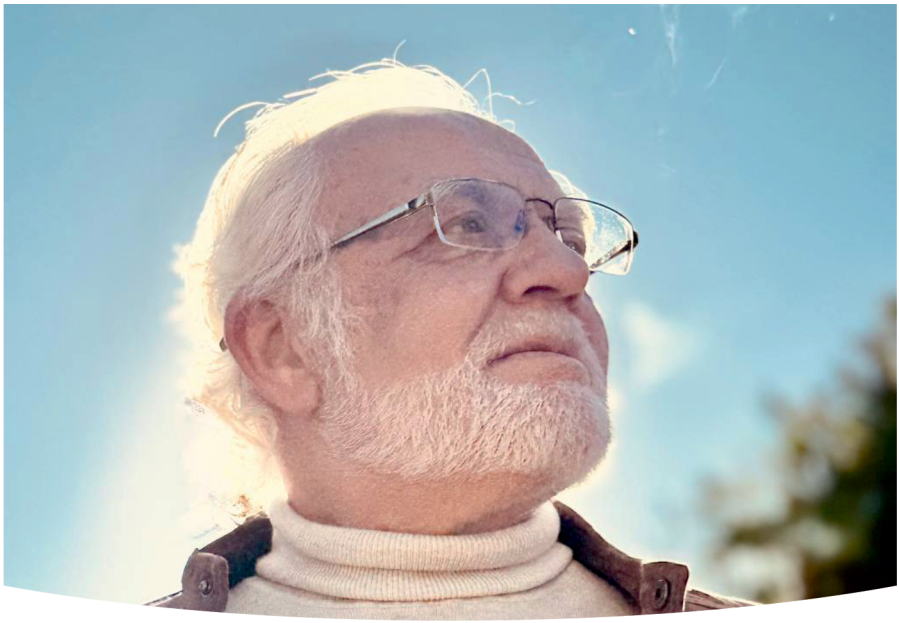
10.2. Структура идеального плана.....256

Глава 11. Организационно-деятельностный план.....275

11.1. Перенос интереса с того, что мы знаем,
на то, как мы это узнаём.....275

11.2. Всего один пример становления научного
предмета 289

Заключение к первой части 320

Владимир Мацкевич — беларусский философ, методолог, общественно-политический деятель. Ученик Г. П. Щедровицкого, участник Московского методологического кружка. Автор книг «Полемические этюды об образовании», «Вопреки очевидности», «Вызывающее молчание», «Университет: дискуссия об основаниях» (совместно с Павлом Барковским), «Отвечая за себя. Записки философа с вредным характером», «Свобода и мышление. Эссе о гражданском обществе», «Введение в философию».

С 1994 года реализует программу культурной политики, ключевой установкой которой является «Думать Беларусь». Основатель Агентства гуманитарных технологий (1994). Один из инициаторов создания Международного консорциума «ЕвроБеларусь». В 2009 году инициировал программу создания современного университета в Беларуси, в рамках которой возник «Летучий университет».

В августе 2021 года был арестован, признан политическим заключенным; в июне 2022-го приговорен к пяти годам лишения свободы. В сентябре 2025 года освобожден и принудительно вывезен в Литву. Продолжает философскую, методологическую и общественно-политическую работу в эмиграции.

ЛЯТУЧЫ УНІВЕРСІТЭТ
ART POWER BELARUS
БЕЛАРУСКАЯ РАДА КУЛЬТУРЫ
DANSK KULTUR-INSTITUT
DANISH CULTURAL INSTITUTE
Funded by the European Union